

ПЕРЕПИСКА С Н.С. ГУМИЛЕВЫМ*

(1906 – 1920)

Вступительная статья и комментарии
Р.Д. Ти мен чи ка и Р.Л. Щ е р ба ко ва.
Публикация Р.Л. Щ е р ба ко ва

Литературные и личные отношения Брюсова и Гумилева изучены лишь в незначительной степени, что отчасти объясняется скудостью документации, имеющейся в распоряжении исследователей. Вот почему публикация переписки двух поэтов вводит в научный оборот материал, чрезвычайно важный для освещения указанной выше темы.

Первая книга Гумилева “Путь конквистадоров” вышла осенью 1905 года¹. Хотя имеются сведения, что до появления сборника его автор, еще учившийся в гимназии, печатал свои произведения на страницах периодических изданий, пока найдена лишь одна публикация, подтверждающая это мнение². Таким образом, Брюсову вряд ли было знакомо ранее имя юного поэта, приславшего свою первую книгу на отзыв в редакцию “Весов”.

Отзыв вождя московских символистов был довольно суров. Брюсов писал: «Г-н Гумилев призывает встречаться “в вечном блаженстве мечты”, любит на “радугу созвучий над царством вечной пустоты”, славит “безумное пенье лир”, предлагает людям будущего избрать невестой – “Вечность”, уверяет, что он – “пропасть и бурям вечный брат” и т.д., и т.д. {...} Отдельные строфы до мучительности напоминают свои образцы, то Бальмонта, то Андрея Белого, то А. Блока... Есть совпадения целых стихов: так, стих “С проклятием на бледных устах” (стр. 15) уже сказан раньше К. Бальмонтом (“Мертвые Корабли”)³. Формой стиха г. Гумилев владеет далеко не в совершенстве: он рифмует “стоны” и “обновленный”, “звенья” и “каменьев”, “эхо” и “смех”, “танце” и “багряницы”, начинает анапест с ямбических двухсложных слов, как “они”, “его”, а ямбы со слова “или” и т.д. Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только “путь” нового конквистадора и что его победы и завоевания – впереди»⁴.

К сожалению, рецензент не отметил понравившиеся ему произведения, но в их число, бесспорно, входил открывавший книгу сонет “Я конквистадор в панцире железном...”. Брюсову запомнился этот образ, и позднее он воспользовался им в письме к П.П. Перцову⁵. Нет никакого сомнения и в том, что рецензент обратил внимание на явное подражание ему самому. Так, стихотворение Гумилева “Греза ночная и темная” несет на себе отпечаток брюсовской поэмы “Царю Северного полюса” и “Старого викинга” (сб. “Tertia Vigilia”).

Можно утверждать, что отзыв в “Весах” произвел на молодого автора весьма сильное впечатление, так как он стал вылавливать в книжных магазинах свой сборник и предавать его сожжению. Впоследствии Гумилев считал первой книгой не “Путь конквистадоров”, уцелевший в единичных экземплярах, а “Романтические цветы”, вышедшие спустя три года.

Тем не менее тот факт, что вскоре Брюсов сам пригласил Гумилева сотрудничать в “Весах”, портфель которых в это время был заполнен рукописями стихотворений, свидетельствует о том, что глава московских символистов довольно высоко оценил потенциальные способности начинающего поэта. В феврале 1906 г. состоялось знакомство по переписке, сыгравшее исключительную роль в становлении таланта Николая Гумилева.

История взаимоотношений Брюсова и Гумилева довольно четко распадается на три периода. Первый из них длится до середины 1910 года. Год этот, наполненный самыми различными событиями, оказался переломным в жизни Николая Степановича: он женился на А.А. Горенко, выпустил свою зрелую книгу “Жемчуга”, активно начал сотрудничать в журнале “Аполлон”. Годы первого периода были отданы учебе в Сорбонне и Петербургском университете, небольшим путешествиям, завязыванию литературных знакомств, усиленному самообразованию и непрерывной работе над совершенствованием техники стиха.

* Авторы просят принять во внимание, что вступительная статья писалась много лет назад, когда самая возможность упоминания имени Гумилева определялась жесткими рамками цензурных ограничений.

Н.С. ГУМИЛЕВ

Портрет работы М.В. Фармаковского. Масло, холст. 1908
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Если в это время Брюсов играл роль щедрого и терпеливого учителя, а Гумилев находился в положении послушного и благодарного ученика, то на следующем этапе, длившемся до весны 1913 г., молодой поэт выступает уже как вполне самостоятельная литературная фигура. Сокращается объем переписки, она становится более сухой и деловой, Брюсов иногда дает советы, как более опытный мастер, но чаще исполняет роль заказчика. Впрочем, порой роли меняются, и уже Гумилев просит Брюсова прислать стихи для "Аполлона", разбирает произведения бывшего учителя в "Гиперборее" и протестирует своим ученикам из "Цеха поэтов" – Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, М.А. Зенкевичу, М.Л. Лозинскому...

С рождением акмеизма начинается третий период во взаимоотношениях Брюсова и Гумилева, который обозначен прекращением переписки. Основатель новой школы обиделся на критику Брюсова, поскольку именно на его поддержку он более всего рассчитывал. О дальнейшем развитии отношений можно судить лишь по журнальным рецензиям Брюсова и Гумилева, случайным отзывам в письмах к третьим лицам и воспоминаниям современников.

Сложная и многоаспектная тема "Брюсов и Гумилев" ставит множество проблем, еще ожидающих своего исследователя. В кратком предисловии мы коснемся только нескольких вопросов, необходимых для понимания публикуемого ниже эпистолярного материала.

С первых же литературных шагов Брюсова для него характерно стремление сплотить вокруг себя единомышленников, возглавить целое поэтическое направление. Еще на гимназической скамье Брюсов предрекал себе роль вождя русского декадентства, видел в нем "путеводную звезду в тумане"⁶. И несколько позднее, в эпоху "Русских символистов", не имея, в сущности, ни соратников, ни даже четкого представления о сути символистской поэзии, Брюсов пы-

тался создать впечатление, что такая группа уже существует. С этой целью он писал и переводил под множеством псевдонимов, сотворил мифического издателя В.А. Маслова, организовывал интервью с самим собой и другими московскими декадентами...⁷

В последующие годы, когда молодое литературное направление уже сложилось, забота Брюсова стала еще более острой. В этом смысле особенно знаменательна брюсовская статья «Школа и поэзия»⁸, в которой он одним из первых ставил вопросы о необходимости учить поэтическому ремеслу. Тема «брюсовской школы» в поэзии 1900–1910-х годов еще не поставлена в нашей историко-литературной науке. Между тем для целого ряда поэтов принадлежность к этой школе определяла очень многое. К брюсовской школе современники относили В.В. Гофмана, Б.А. Садовского, С.М. Соловьева, поэзию которых Гумилев обсуждает в одном из писем. Это все литераторы московские, завсегда в редакции «Весов», но, по свидетельству В. Пяста, Брюсов и «всем без исключения молодым петербургским поэтам казался непрерываемым высшим авторитетом»⁹. Такой вариант литературного воспитания – без регулярного устного общения – еще более показателен для осмысления объема и степени брюсовского влияния на представителей последующего литературного поколения. Наиболее видным из «заочных» учеников Брюсова, несомненно, являлся Гумилев.

К сожалению, до нас не дошли именно те брюсовские письма, которые Гумилев ценил особенно высоко и перечитывал по многу раз. Но все же определенное представление о советах, даваемых мэтром, можно получить по ответам его адресата. Поэтическая выучка у Брюсова начиналась с технического усовершенствования стихотворной формы. Уже замечания в процитированной выше рецензии, а затем и упреки Брюсова в однообразии размеров и неточности рифм (см. п. 5), впоследствии повторенные другими критиками¹⁰, заставили Гумилева не только искать путей расширения метрического репертуара, но и вырабатывать собственную трактовку размеров. Так, он связывал хорей с половым началом, в ямбе он видел «волевой характер»: «Голос уверенного в себе человека крепнет по мере того, как он говорит. (...) Приказание, просьба, вопрос, ждущий ответа, сообщение чего-либо – вот стихия ямбы»¹¹.

Но Гумилев усваивал и другие секреты мастерства. Когда он обсуждал с Брюсовым состав своих «Романтических цветов», речь шла не просто об отсеве стихотворений низкого качества, но об единстве поэтической книги – вопрос, в котором приоритет Брюсова в то время был неоспорим. Как свидетельствовал С. Городецкий в конце 1907 г., «Брюсов первый у нас потребовал от книги стихов «организованности», и за ним почти все поэты стали собирать свои сборники по определенному плану, соединяя стихи в циклы, а циклы в книгу»¹².

Любопытно, что поначалу этот процесс обучения – отчетов и консультаций, просьб и рекомендаций, вопросов и советов – оставался в пределах тайны личной переписки. Гумилев, по видимому, не склонен был до поры до времени широко оглашать обстоятельства своего регулярного письменного общения с Брюсовым. Об этом свидетельствуют его письма того периода к В.И. Анненскому-Кривицу, а также письма А.А. Горенко к С.В. Штейну, в которых сквозные темы Брюсова и Гумилева существуют порознь¹³.

С другой стороны, Брюсов также не спешил открыто зачислять юного поэта в число своих учеников. Возможно, он намеревался сначала познакомиться с ним лично. Не исключено, что на него как-то подействовали отрицательные отзывы Мережковских и Андрея Белого¹⁴. Но, скорее всего, мэтр опасался, что ученик может не оправдать его ожиданий. По выходе «Романтических цветов» Брюсов писал в «Весах» о Гумилеве: «Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые. На наших глазах за последние годы прошла печальная судьба нескольких скороспелок, отцветших едва ли не прежде издания своей первой книги. Не окажется ли более счастливым естественный путь: от слабого и подражательного к совершенству, чем обычный путь наших однодневок: от блестящих созданий первой юности к плоскости и пустоте дальнейших бесчисленных и почти ремесленных поделок»¹⁵.

Безотностительно к Гумилеву нужно сказать, что Брюсов вообще не считал нужным афишировать свое литературное наставничество. Это приводило иногда современных ему критиков к совершенно неправильным оценкам его поведения. Так, например, Д.П. Мирский писал: «Задолго до Брика он знал все, что можно знать о «звуковых повторях у Пушкина», но таил свои знания про себя, пользуясь ими как профессиональной тайной. К стихоучительству Брюсов обратился поздно, только после того, как окончательно убедился, что потерял водительство. Пока оно было за ним, – он жречески хранил свои тайны поэта. Пока символисты шли за ним, он был «суровый маг», каким его изобразили Врубель и Белый. Рецензии его тогда были поразительно скупы на конкретные указания (большая разница с Гумилевым, который еще революционером и вождем уже учил своих подмастерьих их ремеслу). Сам себе Брюсов поставил подножием ремесло, но другим его не давал»¹⁶.

Ошибочность приведенной точки зрения засвидетельствована в воспоминаниях множества поэтов, так или иначе прошедших через брюсовскую школу. Поэтому рассыпанные в письмах благодарности Гумилева мало что добавляют к дорисовке облика Брюсова как щедрого и заботливого воспитателя, но зато публикуемые письма уникальны в другом отношении. Ведь Гумилев учился у Брюсова не только технике стиха, но и технологии обучения поэтов. К пафосу "стихоучительства" Гумилева приобщил именно Брюсов. Это была передача навыков литературной работы, сформулированных в той фразе Бодлера, которую любил приводить Гумилев: "Ведь все на свете зависит от внимания и упражнения. Само вдохновение есть плод неустанной гимнастики"¹⁷. И вся позднейшая деятельность Гумилева по созданию студий стихотворчества – задуманный им еще с Городецким в 1914 г. "Литературный Политехникум", реализовавшийся в практике ряда литературных курсов первых послереволюционных лет¹⁸, – восходит к эпистолярным наставлениям Брюсова, которые Гумилев получал в Париже и Царском Селе.

После выхода "Романтических цветов" стало очевидным, что автор выбрал за поэтический эталон. Вернувшийся в 1908 г. из-за границы Гумилев в литературных кругах начинает прочно ассоциироваться с Брюсовым. В.И. Кривич писал М.Г. Веселковой-Кильштет

29 мая 1908 г. в связи с приемом Гумилева в кружок "Вечера Случевского": «Человек он очень талантливый, литературное дитяще Брюсова, который руководит им. (...) Декадент он, так сказать, строгого рисунка и стихов "сологубовских настроений" не пишет»¹⁹.

С отзыва на творчество Брюсова Гумилев начал петербургский период своей жизни. В рецензии на второй том "Путей и перепутий" Гумилев выступает как адепт символизма и с пылом новичка хвалит вождя школы за чистоту направленной линии: «...прежде всего бросается в глаза цельность плана и твердое решение следовать по пути символизма, которое в первом томе иногда ослаблялось уклонением в сторону декадентства и импрессионизма. Брюсов оперирует только с двумя величинами – "я" и "мир" и в строгих, лишенных всего случайного схемах дает различные возможности их взаимоотношений». Любопытно, что из брюсовского поэтического кредо на первое место Гумилев выдвигает приятие мира, то есть то, что вскоре окажется созвучным акмеизму: мир опять прекрасен и с избытком искупает себя.

...И есть иль нет дороги сквозь гроб,
Я был! Я есмь! Мне вечности не надо!²⁰

Гумилев противопоставляет Брюсова его соратникам по течению, прежде всего К.Д. Бальмонту и Вяч. Иванову: "Он разделяет мечты Малларме и Рене Гийа о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям"²¹.

После возвращения в Россию литературные связи Гумилева становятся разнообразней, особенно большое влияние оказывают на него Вяч. Иванов и И.Ф. Анненский. Однако авторитет Брюсова по-прежнему остается непоколебленным²². Литературная связь Брюсова и Гумилева, закрепленная взаимными печатными отзывами, привела к тому, что Брюсов стал "отвечать" за Гумилева. Так, С. Городецкий писал о Гумилеве в статье "Молодняк": «...все эти "блуж-

*Многоуважаемому
Инокентию Федоровичу
Анненскому*

Н. Гумилев

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Н.С. ГУМИЛЕВА

на книгу "Романтические цветы" (Париж, 1908):

"Многоуважаемому Инокентию Федоровичу Анненскому
Н. Гумилев"

Собрание А.К. Станюковича, Москва

ды" (...) в значительной степени объяснимы его литературным преемством от одного из главных наших декадентов»²³. Эти же упреки Городецкий повторил и позднее после выхода "Жемчугов": «Уже у Брюсова можно найти целые десятки стихотворений, имеющих значение только формальных упражнений. У Гумилева единицами считаются стихотворения, имеющие какое-нибудь содержание. У какого-нибудь Эренбурга или любого из крестников "Аполлона" содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямбам. "Течение" крепнет, вербует учеников, растет»²⁴.

Сборник Гумилева "Жемчуга" явился первой книгой, с которой началось его признание как крупного поэта. И число рецензий, и их тон, и уровень авторов, пожелавших высказаться по поводу этого сборника, – все говорило о том, что в русскую литературу пришел интересный мастер. Показательны в этом отношении стихи И. Северянина:

Уж первый номер "Аполлона",
Темнящий золото руна,
Выходит в свет, и с небосклона
Комета новая видна:
То Капитаны Гумилева,
Где лишнего не видно слова,
И вот к числу звучащих слов
Плюсируется: Гумилев²⁵.

В "Жемчугах" наиболее полно отразилось влияние мэтра, и посвящение книги "Моему дорогому учителю Валерию Брюсову" было вполне закономерным и справедливым. Пройдя до конца путь верного и последовательного ученика, Гумилев выпустил книгу, в которой "работа по лучшим образцам" принесла и заслуженный успех, и не менее заслуженную критику. Например, М. Волошин писал: «Типом, пошедшим от Брюсова, может служить поэт Гумилев, сосредоточивший в себе настолько все типичные черты брюсовской школы, что все остальные представители ее кажутся лишь ослабленными Гумилевыми. (...) Поэтам этой школы свойственно быть гордыми, слегка смешными в своей напыщенности и уверенными в том, что в них живет душа прошлых веков. (...) Вообще, плохое знакомство с литературой и историей составляет отличительную черту этих поэтических дэнди брюсовской школы, хотя их "мэтр" вовсе не страдает этими недостатками. Но алломб, в связи с перепутанными фактами из нескольких учебников истории, составляет особенность как Гумилева, так и повторяющего его путь Эренбурга»²⁶.

После "Жемчугов" начинается сначала медленный, а затем все более ускоряющийся отход Гумилева от Брюсова. В какой-то степени это связано с возросшим влиянием Вяч. Иванова, со слушанием курса стихосложения в "Академии стиха" (см. п. 59), затем с деятельностью нововозникшего "Аполлона", где Гумилев постепенно начинает приобретать все больший вес и "теснить" Вяч. Иванова, наконец, это связано с его собственными поэтическими успехами. Однако необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Судя по переписке, основной предмет, "проходившийся" Гумилевым в брюсовской школе, был техника стиха, студия формального мастерства. Еще в юности надсоновские строки: "Лишь бы хоть как-нибудь было излито, // Чем многозвучное сердце полно"²⁷ – вызвали возмущение Брюсова. Его совершенно не устраивало выражать свои чувства "хоть как-нибудь". Форма произведения значила для Брюсова очень много. Поэтому секреты мастерства были для него прежде всего умением "ковать" стихи.

Естественно, что, обучая Гумилева, Брюсов в первую очередь обращал внимание на то, как сделано произведение молодого поэта, и далеко не всегда обсуждал с ним вопрос о самой теме стихотворения и уже тем более об его идее. Проницательный В.Ф. Ходасевич очень точно отметил эту особенность брюсовской студии стиха, после посещения в конце 1904 г. одной из традиционных "сред" на Цветном бульваре, на которой А. Белый читал свои стихи, а С. Соловьев – только что присланные стихи Блока. "Брюсов тщательно разбирал то, что ему читали. Разбор его был чисто формальный. Смысла стихов он отнюдь не касался и даже как бы подчеркивал, что смотрит на них, как на ученические упражнения, не более. Это учительское отношение к таким самостоятельным поэтам, какими уже в ту пору были Белый и Блок, меня удивило и покорило. Однако, сколько я мог заметить, оно сохранилось у Брюсова навсегда"²⁸.

При таком подходе к делу обучения духовные связи между мастером и учеником неизбежно оказываются ослабленными. После того, как наставник обучил ремеслу своего воспитанника, отношения приходят к своему логическому концу. В споре символистов с акмеистами, который разгорится спустя три года после выхода "Жемчугов", наглядно обозначится разница во взглядах на поэтическую тему бывшего мэтра и бывшего ученика.

В 1910 г. Гумилев, выступив с рядом “Писем о русской поэзии”, сам начинает выдвигаться, по крайней мере в глазах начинающих стихотворцев, на роль лидера. Сверстники обращаются к нему с панегирическими посланиями: “Душно-знойных пустынь молодой император, || Мореход и поэт Гумилев (<...> Принеси нам из дали обеих Америк || Ожерелья рифм золотых. Будешь славен за то, когда выйдешь на берег, || Среди рати певцов молодых”²⁹. Сохранился ответ Гумилева от 20 сентября 1910 г. на письмо А.Г. Архангельского (впоследствии известного советского пародиста). Можно предположить, что содержание ответа ориентировано на первые послания Брюсова к Гумилеву. Приводим письмо полностью: “М.Г. Исполняя Вашу просьбу, пишу о Ваших стихах. По моему мнению, они несколько ходульны по мысли, не оригинальны по построению, эпитеты в них случайны, выраженья и образы неточны. От всех этих недостатков, конечно, легко отделаться, серьезно работая над собой и изучая других поэтов, лучше всего классиков – но пока Вы не совершили этой работы, выступление Ваше в печати было бы опасно прежде всего для Вас самих, как для начинающего поэта. При сем я посылаю Вам Ваше стихотворенье с детальными примечаниями, которые должны пояснить Вам мою мысль. В надежде на Ваши будущие успехи Н. Гумилев”³⁰.

Весной 1911 г. Гумилев после резкой критики его стихотворения “Блудный сын” Вяч. Ивановым на заседании “Общества ревнителей художественного слова”³¹ решает организовать обособленный от Общества кружок поэтов (будущий “Цех поэтов”). В этом начинании его неожиданным союзником оказывается С. Городецкий. Теперь он простил Гумилеву его “ярое брюсофилство”³². Если еще в 1910 г. Городецкий ссорился с Вяч. Ивановым за близость последнего к “Аполлону”, за поддержку “отбросов модернизма”³³, то в 1911–1912 гг. в своих рецензиях в “Речи” он все чаще подчеркивает важность поэтической дисциплины, значение организованной стихотворной техники. И к весне 1912 г. завершается его переоценка творчества Брюсова, увенчанная хвалебной рецензией на “Зеркало теней” (см. п. 73).

Нужно сказать, что отношения Брюсова и Гумилева в этот период имеют довольно сложный характер. С одной стороны, московский “маг” так и не стал своим человеком в “Аполлоне”, а в “Цехе поэтов” его поэзия вызывала все меньше восторгов. С другой стороны, в конфликте с теургической программой Вяч. Иванова “цеховики” пытались сформулировать свое кредо, опираясь на доводы его оппонента по дискуссии 1910 г., т.е. на доводы Брюсова³⁴. Как отметила в свое время Е.Р. Малкина³⁵, акмеистический тезис – “непознаваемое – по самому смыслу этого слова нельзя познать” – был близок к брюсовской формуле, высказанной им в письме к Е.А. Ляцкому от 12 марта 1908 г.: “Да, для меня трансцендентное есть трансцендентное, т.е. абсолютно непостижимое, и всякого суеверия я чужд совершенно”³⁶.

Да и сам Брюсов не сразу определил свое отношение к новой поэтической волне и занимал выжидательную позицию. О сборниках, появившихся под маркой “Цеха поэтов”, он писал так: «Строгость в чеканке стиха, осторожность в выборе слов, постоянная проверка вдохновения рассудком – вот характерные черты поэтов этого “сообщества”. (<...>) Однако этим молодым поэтам, при всем их порывании к “стихийности”, угрожает одно: пасть в “умеренность и аккуратность”»³⁷. Брюсовские рецензии на стихотворения А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута, Е. Кузьминой-Караваевой, в общем положительные, обязательно содержали “ложку дегтя”. Даже говоря о “Чужом небе”, книге, в которой уже не осталось следов ученичества, Брюсов придерживался той же тактики: “По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева оставляют впечатление работ художника, одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники. Н. Гумилев – не учитель, не проповедник; значение его стихов гораздо больше в том, как он говорит, нежели в том, что он говорит”. Казалось бы, в основном отзыв хвалебный, но его конец несет налет некоторой безнадежности: “Гумилев пишет и будет писать прекрасные стихи: не будем спрашивать с него больше, чем он может нам дать...”³⁸

Сдержанность брюсовской похвалы становится очевидной, если сравнить его отзыв с другими. Так, например, А.И. Тиняков писал 1 октября 1912 г. Гумилеву: «Теперь же, – после “Чужого неба”, – я непоколебимо исповедую, что в области поэзии Вы – самый крупный и серьезный поэт из всех русских поэтов, родившихся в 80-х гг., что для нашего поколения Вы – то же, что В. Брюсов для поколения предыдущего. (<...>) Я буду очень счастлив, если Вы напишете мне что-нибудь о моей книге. Особенно ценны будут для меня указания на мои промахи»³⁹.

Ответная внешняя реакция представителей “Цеха поэтов” была такой же: дружелюбно-настороженной. В этом отношении очень показательна рецензия на “Зеркало теней” в первом номере “Гипербorea”, принадлежащая, скорее всего, Н. Гумилеву: «Несмотря на то, что Валерий Брюсов был одним из первых русских символистов, он сохранил во всей полноте свое значение и до наших дней, по своему, но глубоко отзываясь на все, что волновало общество последние десятилетия. (<...>) Полное обладание техникой делает из него мэтра русского стиха. Его можно не любить, но читать и даже изучать должно.

В “Зеркале теней” не найти метода катастрофичности, когда поэт вкладывает в одно стихотворение всю силу своего горения, все окончательное своих прозрений. Его прелесть в зрелости мысли, точности выражений и уверенности, с какой поэт подходит к своим образам»⁴⁰.

В этой заметке выдержан подчеркнuto уважительный тон, но сама его нарочитость указывает на известную отчужденность пишущего, что не укрылось от чуткого критика: “...лапидарно-краткие рецензии о книгах Валерия Брюсова, К. Бальмонта, Вячеслава Иванова почтительны и пиететны – как эпитафия»⁴¹. По-видимому, более точно передает характер разговоров о Брюсовской книге на заседаниях “Цеха поэтов” рецензия В.И. Нарбута. «Может быть, Валерий Брюсов от вечной усидчивой работы, от непосильного труда устал, и поэтому кое-где срывается? На это есть намек в книге: “и сочетанья надоевших слов...”⁴². Тогда как прежде: “ищи сочетания слов...”⁴³. Но, в конце концов, В. Брюсов, хотя не сказал “Зеркалом теней” ничего нового, остался прежним по силе восприятия поэтом с одним убеждением: все земное вечно свято, и в жизни каждый миг хорош»⁴⁴.

В январе 1913 г. были обнародованы акмеистические манифесты, и Гумилев, как видно из письма от 28 марта 1913 г., почти не сомневался в поддержке Брюсова. Однако тот не захотел солидаризоваться с новым течением. Неудивительно, что поспешно и не очень внятно написанные декларации Гумилева и Городецкого показались ему “по-детски беспомощными”. За долгие годы существования акмеизм (он же адамизм) не смог выбрать для себя ни окончательного названия, ни определенной идеологической платформы. Поразительней другое. Обычно поэтически чуткий Брюсов не увидел ничего общего в творчестве поэтов, назвавших себя акмеистами: «...мы решительно не видим в этих стихотворениях чего-либо общего, выделяющего их в особую группу, не видим, чем они характерно отличаются от стихов, которые писались и пишутся поэтами, незачисляемыми в ряды “акмеистов”»⁴⁵.

Гораздо менее опытный в те годы критик утверждал: «не случайная близость соединила молодое поколение, не случайная вражда оторвала их от символистов, а внутреннее родство и единство настроения и направления между собой и внутреннее расхождение с “учителями”, симптоматичное для новой литературной эпохи»⁴⁶. Конечно, цитируемая статья писалась на три года позднее Брюсовской, но Валерий Яковлевич даже в 1922 г. считал, что основатели акмеизма Гумилев и Городецкий “ограничились лишь тем, что выкинули новое знамя, не изменив принципам символизма в творчестве”⁴⁷.

Резкое выступление Брюсова удивило не только атакованных акмеистов. Так, например, И. Эренбург писал: «Молодые поэты в жажде достигнуть неба вновь прильнули к земле.казалось, что появление такого уклона в новейшей поэзии должно было порадовать критиков, и раньше других Брюсова, который предсказал неизбежность этого явления»⁴⁸. Но ныне на страницах той же “Русской мысли” появляются его статьи с жестокой критикой названных выше поэтов⁴⁹. Брюсов решительно отказывает им в будущем, говоря, что лишь “футуристы”, быть может, освещают современную поэзию»⁵⁰.

Брюсов не только противопоставлял акмеистов и футуристов, но и считал первых зависимым течением. В рукописных “Заметках об акмеизме” у него есть пункт, не развитый в опубликованной статье: “Акмеизм. Его зависимость от эго-футуризма”⁵¹. Акмеисты ревниво относились к сближению Брюсова с эгофутуристами⁵². Факт участия Брюсова в альманахе “Орлы над пропастью” был демонстративно оставлен без комментариев в гумилевской рецензии на эту книгу⁵³. И когда вышел сборник “Стихи Нелли”, в котором Брюсов в значительной степени ориентировался на предметный мир эгофутуристов, Гумилев в мягкой форме упрекнул его. Спрятавшийся за прозрачным псевдонимом автор был осужден Гумилевым за то, что “пристрастие к материальной культуре заставляет поэта забывать разницу между временным и вечным, потому что и время и вечность он хочет воспринимать, как мгновение”⁵⁴.

Проблема противостояния Брюсова и акмеистов имеет свои тактические и стратегические аспекты. Наивно было бы объяснять взаимные обиды и последующий разрыв отношений Брюсова и Гумилева так, как это сделал один из их современников: «Вячеслав Иванов пригласил Городецкого. Брюсов пригласил Гумилева. Благодарный Гумилев пел в печати такие дифирамбы Брюсову, что становилось даже неловко. Когда у этих поэтов прорезались “зубки”, они стали кусать грудь своей кормилицы»⁵⁵. Однако анализ этой проблемы далеко выходит за рамки настоящей публикации.

Что же касается более узкого вопроса о дальнейших взаимоотношениях Брюсова и Гумилева, то следует отметить, что творчество Брюсова и его точка зрения на ряд вопросов по-прежнему интересовали Гумилева. И конечно же, ему хотелось знать, как оценивает бывший учитель его очередной сборник “Колчан”. Возможно, по инициативе Гумилева редакция “Аполлона” обратилась к Брюсову с просьбой о рецензировании этой книги. Секретарь журнала М.Л. Лозинский писал Брюсову 24 мая 1916 г.: «Н.С. Гумилев сообщил мне, что Вы не полу-

чили письма С.К. Маковского, которым тот просил Вас высказать на страницах “Аполлона” Ваше мнение о “Колчане”. Поэтому я позволю себе подтвердить Вам, что редакция “Аполлона” очень хотела бы получить хотя бы небольшую по размерам заметку Вашу об этой книге. Ей особенно ценно именно Ваше мнение, не только как признанного судьи в вопросах поэзии, но и как первого учителя автора “Колчана”, и за исполнение ее просьбы она была бы Вам чрезвычайно признательна»⁵⁶.

А 29 июня М.Л. Лозинский уведомлял С.К. Маковского, редактора “Аполлона”: «Забыл сообщить Вам, что от Брюсова пришел ответ; он напишет для “Аполлона” о “Колчане”. “Прошу только позволения, – говорит он, – писать более подробно, чем принято в обычных “рецензиях”. Это необходимо в интересах автора книги, иначе моя заметка была бы ограничена указаниями на недостатки сборника”. Неласковое предисловие!»⁵⁷

Начиная с “Колчана”, Брюсов все более отрицательно относится к творчеству бывшего ученика. В.Г. Шершеневич привел в своих воспоминаниях слова, сказанные Брюсовым осенью 1921 г. после того, как он перечитал три последних сборника Гумилева: “Мы с Бальмонтом – это Монтекки и Капулетти поэзии. Мы старики. А Гумилев был молодым Ромео. К сожалению, его Джульеттой была не жизнь, а ошибка”⁵⁸. В уже цитировавшейся статье “Вчера, сегодня и завтра русской поэзии” Брюсов как бы подвел итог творчеству Гумилева: «Посмертные сборники стихов Н. Гумилева (“Костер”, “Стихотворения”, “Тень от пальмы”, “Огненный столп” и др. (...))⁵⁹ показывают, что он сумел до последних лет остаться большим мастером пластического изображения. (...) Но все-таки та экзотика, та археология, тот изысканный эстетизм, которыми пропитаны щегольские стихи Гумилева, – все это стадии, уже пройденные нашей поэзией»⁶⁰. Справедливости ради укажем, что критические работы Гумилева, собранные в книге “Письма о русской поэзии”, Брюсов расценил гораздо более высоко и считал, что они не потеряли своего значения⁶¹.

Анализируя развитие русской поэзии в первое послереволюционное пятилетие, Брюсов, вероятно, не без удивления обнаружил, что “акмеизм – выдумка, прихоть, столичная причуда”⁶² – пустил довольно глубокие корни, в то время как эгофутуристы, на которых он возлагал когда-то основные надежды, оказались “бесплодными” и фактически не имели наследников. Чтобы как-то объяснить сложившуюся ситуацию, он придумал новое течение – неоакмеизм. Брюсов причислил к нему О. Мандельштама, Э. Багрицкого, Г. Шенгели, Б. Лившица, Г. Иванова, Н. Оцупа, В. Рождественского, А. Радлову, М. Лозинского и др.⁶³ Получилась весьма представительная группа. Конечно, с точки зрения современного литературоведения некоторые имена, например Б. Лившиц, попали в этот список “незаслуженно”, но зато в нем нет многих других поэтов, например Н. Тихонова, которые заняли бы в нем место по праву. К тому же брюсовский перечень можно было продолжить, доведя его до наших дней. А это значит, что проблемы, возникшие в русской поэзии еще в начале века, до сих пор не потеряли своей остроты не только в историко-литературном, но и чисто практическом плане.

Письма Гумилева уцелели практически полностью. Все они хранятся в фонде Брюсова (ГБЛ. Ф. 386, 84.18–20), за исключением одной открытки (п. 49), случайно отколовшейся от подборки и попавшей в архив ИМЛИ (Ф. 13. Оп. 3. Ед.хр. 85). Конверты от писем сохранились не все, а так как Гумилев иногда не ставил дат, то при хронологической расстановке писем возникали определенные трудности. В ряде случаев датировка производилась по косвенным признакам, оговариваемым в примечаниях.

Еще сложней обстояло дело с раскладкой по письмам стихотворных приложений, так как некоторые тексты Гумилев присылал повторно, часть их Брюсов, по-видимому, изъяс для публикации в “Весах” и других изданиях, не исключено, что отдельные стихотворения были переданы Гумилевым при личных встречах. Вопреки общему правилу, в данном случае эти приложения считались неотъемлемой частью письма, поскольку некоторые стихотворения никогда не публиковались, во всех текстах имеются существенные разночтения по сравнению с печатными, и, наконец, раскладка помогала датировать произведения, чего практически никогда не делал сам автор.

Брюсовских писем уцелело всего десять. Они рассыпались по разным архивам. Одно письмо находится в ИРЛИ (п. 68 – Ф. 444. № 37), шесть – в ЦГАЛИ (п. 65 – Ф. 2567. Оп. 2. Ед.хр. 203; пп. 7, 35, 45, 62 и 71 – Ф. 147. Оп. 1. Ед.хр. 32); два – в ГБЛ (пп. 17 и 58 – Ф. 386, 71.3). Отметим, что в ГБЛ хранятся не подлинники, а копии, снятые П.Н. Лукницким с оригиналов, которые принадлежали в то время А.А. Ахматовой. Одно из писем (п. 17) в настоящее время находится в частном собрании, с него была снята копия К.М. Азадовским, полностью совпавшая со списком Лукницкого. Местонахождение другого автографа неизвестно. Что касается последнего, десятого письма (п. 30), то здесь необходимо некоторое разъяснение. В предвоенные годы

Н.С. Ашукиным готовился к изданию том материалов по русскому символизму, основанный на рукописных документах Государственного литературного музея. В состав тома вошло пять писем Брюсова к Гумилеву. Четыре из них позднее перешли с фондами музея в ЦГАЛИ, а одно (п. 30) – пропало. В настоящем издании оно печатается по списку Н.С. Ашукина, хранящемуся в собрании Р.Л. Щербакова.

Отдельные места из переписки Брюсова и Гумилева цитировались неоднократно⁶⁴, но полностью она не издавалась. Правда, в 1980 г. в Париже вышла книга “Н.С. Гумилев. Неизданные стихи и письма”, в которую вошла переписка Брюсова и Гумилева. Но в ней напечатано без примечаний всего четыре письма Брюсова, кроме того, отсутствуют гумилевские письма за 1906 г. и еще целый ряд других. К тому же допущены многочисленные ошибки как в датировке, так и при расшифровке автографов, имеются пропуски в тексте и неточности в комментариях. В 1983 г. в лондонском журнале “The Slavonic and East European Review” (Vol. 61, № 4, окт.) помещена публикация S. Graham “Unpublished Letters from Gumilyov to Bryusov, 1906–1907”. Она в какой-то степени восполняет недочеты парижского издания, но, к сожалению, также не свободна от ошибок, к тому же комментарий предельно краток. Когда настоящий том был подготовлен к изданию, Ш. Греем и М. Баскер выпустили книгу “Николай Гумилев. Неизданное и несобранное” (Ymca-Press, Paris, 1986), в состав которой вошла и переписка с Брюсовым. В этом издании воспроизведены 9 писем Гумилева, ранее опубликованные Ш. Греем в лондонском журнале “с некоторыми исправлениями в тексте и с расширенными примечаниями”, кроме того, добавлено пять писем Гумилева и четыре письма Брюсова. Тексты писем содержат лишь незначительное число ошибок, поскольку исследовательница имела возможность пользоваться автографами, хранящимися в советских архивах. Однако с предложенными ею датировками не всегда можно согласиться.

Когда подготовленная для “Литературного наследства” переписка находилась уже в издательстве, в журнале “Литературная учеба” (1987, № 2) появилась публикация М.В. Толмачева “...Всем, что у меня есть лучшего, я научился у Вас...”, в которой приводятся фрагменты переписки Гумилева и Брюсова.

Но настоящая публикация впервые предоставляет в распоряжение исследователей весь корпус сохранившейся переписки двух крупнейших русских поэтов.

В заключение считаем своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за помощь в работе Л.В. Горнунгу и Н.М. Иванниковой.

¹ Цензурное разрешение на публикацию дано 3 октября 1905 г.

² Стихотворение “Я в лес бежал из городов...” было напечатано в газете “Тифлисский листок” (1902, № 211, 8 сент.).

³ “С проклятьем на бледных устах” – заключительная строка пятой части поэмы Бальмонта “Мертвые корабли” (сб. “Тишина”, 1895) и первой строфы “Песни о певце и короле” Гумилева.

⁴ Веси. 1905. № 11. С. 68.

⁵ См. п. 1, прим. 1.

⁶ Дневники. С. 12.

⁷ См., например: *Арсений Г. Московские декаденты* // *Новости дня*. 1894. № 4024. 29 авг. Автограф статьи, написанной Брюсовым, – ГБЛ. Ф. 386, 40.19; подробнее об этом эпизоде см.: *Темради*, п. 15 и прим. 6 к нему.

⁸ *Аврелий. Школа и поэзия* // Лит. приложение к газ. “Русский листок”. 1902. № 74. 17 марта.

⁹ *Пяст В. Встречи*. М.: Федерация, 1929. С. 88.

¹⁰ В.В. Гофман в рецензии на “Романтические цветы” отмечал, что озеро Чад, Рим и наша современность трактуются в одних и тех же размерах (*РМ*. 1908. № 7. С. 144). Позднее Андрей Белый писал о гумилевском стихе: «...анализ его выявляет подлинную скульптуру, свойственную классикам, в то время как классический стих на Брюсове – как на корове седло. Зато нет у Гумилева тех истинно новых ритмов, какие свойственны Брюсову эпохи “Tertia Vigilia”; их поздней подхватил футуризм» (*Белый А. Поэма о хлопке* // *Новый мир*. 1932. № 11. С. 231).

¹¹ *Гумилев Н.С. Фонетика* // *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 5. № 492. Л. 5. Это второй раздел из незаконченной работы Гумилева по поэтике, первый раздел которой под названием “Анатомия стихотворения” был напечатан в альб. “Дракон” (Пг., 1921).

¹² *Городецкий С. Книжки и писатели* // *Речь*. 1907. № 342. 21 дек. Высказывание самого Брюсова по этому поводу см. в предисловии к сб. “Urbi et Orbi”.

¹³ В юности А.А. Горенко очень интересовалась поэзией Брюсова. См. об этом: *Стихи и письма*. Анна Ахматова. Н. Гумилев // *Новый мир*. 1986. № 9. С. 202.

¹⁴ См. п. 10 и прим. к нему.

¹⁵ Веси. 1908. № 3. С. 78.

¹⁶ *Святотолк-Мирский Д. Валерий Яковлевич Брюсов* // *Современные записки*. Париж, 1924. № 22. С. 419. Заключительная фраза – реминисценция из монолога Сальери (из пушкинского “Моцарта и Сальери”).

¹⁷ *Витвицкая Б.* Памяти Н.С. Гумилева // *Рижский курьер*. 1922. № 499. 2 сент.

¹⁸ Ср. в письме В.А. Рождественского к Н.О. Лернеру от 17 июня 1919 г.: “Николай Степанович сказал мне, что Вы согласились читать в Литературном политехникуме курс истории русской поэзии XIX века” (*ЦГАЛИ*. Ф. 300. Оп. 1. Ед.хр. 292. Л. 3).

¹⁹ *ИРЛИ*. Ф. 43. № 165. В черновом варианте статьи “О современном лиризме” (1909 г.) И.Ф. Анненский счел нужным отметить наличие у Гумилева учителя, но при этом нашел неожиданный повод противопоставить обоих поэтов: «Его не подделывало на неточности – справился заранее у сведущих людей, и никогда не выпустит Гумилев стиха вроде того, как его учитель: “О братья! человек, баццлла, тигр, гвоздика”. Причесано все, как следует, и с пробормом» (*ЦГАЛИ*. Ф. 6. Оп. 1. Ед.хр. 135. Л. 187; цитируется стих. Брюсова “Жизнь” – 1907; I, 497).

²⁰ Из стихотворения Брюсова “К счастливым” (1904–1905; I, 434).

²¹ Речь. 1908. № 127. 29 мая.

²² Любопытно свидетельство П.М. Пильского о разговоре с Гумилевым в 1908 г., в котором зашла речь о Брюсове: “О нем только что была напечатана тогда моя статья, и в ней я отмечал брюсовскую гордыню и брюсовское честолюбие. Гумилеву это нравилось. Брюсова он ставил высоко” (Сегодня вечером. Рига, 1926. № 195. 2 сент.). В той статье Пильский вспоминает: “Через 10 лет он мне сказал: “Меня называют теперь принцем среди поэтов; король – Брюсов”». Скорее всего, в этих словах Гумилева отразилась язвительная фраза Б.А. Садовского, высказанная в адрес С.А. Ауслендера (см.: *Садовской Б.* Ледоход. Пг., 1916. С. 199. Издание автора).

²³ Утро. Понедельник. 1908. № 18. 29 сент.

²⁴ *Городецкий С.* Да, против течения! // *Против течения* 1910. № 5. 12 ноября. В том же издании Гумилева резко критиковал Вас.В. Гиппиус как “ученика бесстрастного Брюсова” (рецензия на “Жемчуга” в № 8, 3 декабря, подпись – “Росмер”). Позднее Вас. Гиппиус писал в статье “Цех поэтов”: “Н. Гумилев на глазах цеховиков из подражателя Брюсова вырос в самостоятельного поэта, правда, той же французской эклектико-парнасской школы: теперь Гумилев несомненно владеет даром стихотворной живописи, его образы ярко-красочны, но явно не достаёт ему дара пения и музыки”. (“Жизнь”. Одесса, 1918. № 5. С. 12).

²⁵ *Северянин И.* Рояль Леандра (Lugne): Роман в строфах. Бухарест, 1935. С. 28.

²⁶ *Волошин М.* Позы и трафареты // *Утро России*. 1911. № 34. 12 февр. О брюсовской манере Гумилева писали многие: С.А. Ауслендер (Речь. 1910. № 181. 5 июля), А. Рославлев (Бумажные цветы // *Воскресная вечерняя газета*. 1912. № 12. 12 авг.) и др.

²⁷ Заключительные строки стихотв. С.Я. Надсона “Это не песни – это намеки...”

²⁸ *Ходасевич В.Ф.* Брюсов // *Современные записки*. Париж, 1925. Т. 23. С. 217.

²⁹ *Фырин А.* Голова Медузы. СПб., 1910. С. 29.

³⁰ *ЦГАЛИ*. Ф. 341. Оп. 3. Ед.хр. 13. Приведем замечания Н. Гумилева:

“Он стал над землей и горами!
И глянул в бездонную высь,
И Солнце, сжигая лучами²,
Ему прошептало: Молись! –
Он ринулся в бездну немую³,
Где змеи в изгибах свились⁴,
И слышал Он просьбу глухую,
Тревожную просьбу – Молись! –
И крикнул Он голосом диким⁵,
Зачем же мы жить родились⁶?
Чтоб только молиться безликим⁷?
– Да! Только молиться. Молись!”

1. Земля и горы в данном случае одно и то же. 2. Сжигая *кого*? Кроме того, на высотах холоднее, чем в низинах. 3. “Немая бездна” – банально. Вся строка похищена. 4. Какие змеи? Почему? Как можно свиться в изгибах? 5. Дикий голос – заезженный романтизм. 6. “Жить родились” – плеоназм. 7. Великое – Безликое – у Бальмонта. Вряд ли безликих несколько. Ведь тогда бы они имели “лик”, как различье.

³¹ *Haight A.* Anna Akhmatova. A poetic pilgrimage. Oxford, 1976. P. 14.

³² *Городецкий С.* Из огады – на волю // *Вестник лит.* 1909. № 9. С. 216.

³³ См. письмо С. Городецкого к Вяч. Иванову (*ИРЛИ*. Ф. 123. Оп. 1. № 281. Л. 1).

³⁴ См. подробнее в комментариях к переписке В. Брюсова и Вяч. Иванова (*ЛН*. Т. 85. С. 530–531).

³⁵ Рецензия Е. Малкиной на книгу Д. Максимова “Поэзия Валерия Брюсова” (*Лит. обозрение*. 1940. № 24. С. 47).

³⁶ Из прошлого. Неопубликованные письма В. Брюсова и А. Блока // *Новый мир*. 1932. № 2. С. 194.

³⁷ *РМ*. 1912. № 7. С. 22–23. “Умеренность и аккуратность” – слова Молчалина из комедии Грибоедова “Горе от ума”.

³⁸ Там же. С. 19.

³⁹ *ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 5. № 503. Л. 1. Нужно отметить, что вообще к акмеистам Тиняков относился не очень хорошо, хотя сам недолго состоял в “Цехе поэтов”. 11 марта 1913 г. он писал Брюсову, у которого ранее просил адрес Гумилева: «В Петербурге сейчас говорят об “акмеистах”. Из этого явления до боли ясно видно, насколько наше поколение бедно и бессильно в творческом отношении, если сравнить его с поколением предыдущим, ряды которого украшаете Вы и К.Д. Бальмонт» (*ГБЛ*. Ф. 336, 104.48. Л. 32). Тиняков просит Гумилева высказаться о его сборнике стихов “Navis Nigra” (“Гриф”, 1912). В рецензии на него В.

Ходасевич писал: "Подчиненность г. Тинякова Брюсову является главным недостатком всей книги" (Утро России. 1912. 24 нояб. № 271). Об этом же писал и Гумилев: "Александр Тиняков – ученик Брюсова, но как прав был Андрей Белый, говоря, что брюсовские доспехи раздавят хилых интеллигентов, пожелавших их надеть. Тиняков – один из раздавленных" (Аполлон. 1912. № 10. С. 76).

⁴⁰ Гиперборей. 1912. № 1. Окт. С. 27. Ср. мысли рецензента о "катастрофичности" шедевров поэзии с высказыванием Гумилева в заметке "Читатель": "...поэт в минуты творчества должен быть обладателем, какого-нибудь ощущения, до него неосознанного и ценного. Это рождает в нем чувство катастрофичности, ему кажется, что он говорит свое последнее и самое главное, без познания чего не стоило земле и рождаться" (Альманах "Цех поэтов". Кн. 3. Пг., 1922. С. 32).

⁴¹ Левинсон А. "Гиперборей" // Театр. 1912. 25 нояб.

⁴² Из стихотворения Брюсова "В итальянском храме" (1912; II, 63).

⁴³ Из стихотворения "Поэту" (1907; I, 447).

⁴⁴ Новый журнал для всех. 1912. № 9. С. 122. Цитируется стихотворение "На заре" ((1911); II, 44).

⁴⁵ Брюсов В. Акмеизм // РМ. 1913. № 4. С. 141.

⁴⁶ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // РМ. 1916. № 12. С. 52–53.

⁴⁷ Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // ПР. 1922. № 7. С. 51.

⁴⁸ В этой же статье чуть выше И. Эренбург говорит о ряде статей Брюсова в "Русской мысли" 1910–1912 гг., «в которых он указывает на опасность для молодых поэтов идти за "символистами" к ирреальному от жизни».

⁴⁹ И. Эренбург характеризует поэзию Городецкого, Клюева, Зенкевича, Ахматовой, Цветаевой, Нарбута, Радимова – поэтов, по словам Фр. Жамма, "опустивших голову и взглянувших вниз". Сборники этих же поэтов Брюсов отрецензировал в РМ. 1912. № 7.

⁵⁰ Эренбург И. Заметки о русской поэзии // Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 16–17. О статье Брюсова "Акмеизм" см. также: Дмитриевич С. Бессилие современной критики // Хмель. 1913. № 7–9. Отметим, что в те дни, когда писалась статья "Акмеизм", Брюсов выступал на литературном диспуте, посвященном новейшим течениям. Открывавший собрание С.А. Соколов-Кречетов, коснувшись акмеизма, сказал, что «в основе этого течения лежит здоровое зерно утверждения жизни. Но, к сожалению, на практике акмеисты главным образом описывают, как они "леопардов влет из карабинов убивают", и больше ни в чем проявить себя не собираются». Брюсов заключал обсуждение и выступил в защиту старой реалистической литературы. См.: Русское слово. 1913. 10 апр. № 83.

⁵¹ ГБЛ. Ф. 386, 40.23. Л. 1.

⁵² Ср. свидетельство В. Шершеневича об отношении Брюсова к И. Северянину: «...всячески лансировал его в поэтических кругах, резко поссорившись с Гумилевым, неодобрительно высказавшимся о первых "опусах" Северянина» (ЦГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 14).

⁵³ Г.Н. "Орлы над пропастью". Предзимний альманах. Изд. "Петербургский глашатай", 1912 // Гиперборей. 1912. № 3. Дек. С. 28.

⁵⁴ Гумилев Н. Письма о русской поэзии. С. 171.

⁵⁵ Философов Д. Акмеисты и М.П. Неведомский // Речь. 1913. 17 февр. № 47.

⁵⁶ ГБЛ. Ф. 386, 92.31. Л. 2.

⁵⁷ ГРМ. Ф. 97. № 149. Л. 13об. По невыясненным обстоятельствам эта рецензия не была написана. Рецензию на "Колчан" опубликовала в "Аполлоне" (1917, № 6–7) участница 2-го "Цеха поэтов" М. Тумповская.

⁵⁸ Шершеневич В. Великолепный очевидец. Символисты // ЦГАЛИ. Ф. 2145. Оп. 1. Ед.хр. 74. Л. 14.

⁵⁹ Здесь Брюсову изменила его обычная точность: "Костер" – прижизненная книга, а "Тень от пальмы" вообще не стихотворный, а прозаический сборник. По всей видимости, в последние годы жизни он уже не столь внимательно следил за творчеством своего бывшего ученика.

⁶⁰ ПР. 1922. № 7. С. 51.

⁶¹ "Когда перечитываешь эти старые журнальные статьи, – писал Брюсов, – в свое время знакомые немногим... Мало находишь, что к сказанному прибавить, что в нем изменить. У Н. Гумилева было чутье подлинного критика, его оценки метки, выражают – в кратких формулах – самое существо поэта" (Брюсов В. Суд акмеиста // ПР. 1923. № 3. С. 96).

⁶² Характеристика, данная Брюсовым в статье "Новые течения в русской поэзии" (РМ. 1913. № 4. С. 134).

⁶³ ПР. 1922. № 7. С. 52.

⁶⁴ См., например, публикацию М.В. Толмачева "...Всею, что у меня есть лучшего, я научился у Вас..." (По страницам писем Н.С. Гумилева к В.Я. Брюсову) (Лит. учеба. 1987. Март–апр. С. 156–169).

Приведем, кстати, наиболее существенные публикации последних лет, посвященные жизни и творчеству Гумилева: Енишерлов Вл. Вступ. заметка к подборке "Стихи разных лет" Н. Гумилева // Огонек. 1986. № 17. С. 26; Кузнецов Ю. Предисл. к публ. трагедии Н. Гумилева "Отравленная туника" // Альманах "Современная драматургия". 1986. № 3. С. 186–187; Карлов Вл. Поэт Николай Гумилев // Огонек. 1986. № 36. С. 18–24; Тименчик Р. "Над седую вспененной Двиной...": Н. Гумилев в Латвии: 1916–1917 // Даугава. 1986. № 8. С. 115–121; Павловский А. Николай Гумилев // Вопр. лит. 1986. № 10. С. 94–131; Неизвестные письма Н.С. Гумилева // Публ. Р.Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1986. Т. 46, № 1. С. 50–78; Евтушенко Евг. Возвращение поэзии Гумилева // Лит. газ. 1986. 14 мая. № 20; Анна Ахматова. Н. Гумилев. Стихи и письма / Публ. Э.Г. Герштейн // Новый мир. 1986. № 9. С. 196–227; Высотский О. Найдены дневники Н. Гумилева // Моск. новости. 1987. № 12. 22 марта; Гумилев Н. Африканский дневник / Предисл. В. Енишерлова // Огонек. 1987. № 14. С. 19–22 и № 15. С. 20–23; Эльзон М.Д. Предисловие // Гумилев

Н. Охота на носорога // Рус. лит. 1987. № 2. С. 159–160; Богомолов Н.А. “Лишь для тебя на земле я живу”. Из переписки Николая Гумилева и Ларисы Рейснер // В мире книг. 1987. № 4. С. 70–76; Терехов Г.А. Возвращаясь к делу Н.С. Гумилева // Новый мир. 1987. № 12. С. 257–258; Гумилевские чтения // Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 15. Wien, 1984; Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1989; То же. Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989; То же (репринтное издание). М.: Вся Москва, 1990.

1. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 11 февраля 1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я Вам искренне благодарен за Ваше письмо¹ и за то внимание, которым Вы меня дарите. Вы воскресили мою уверенность в себе, упавшую было после Вашей рецензии². Очень благодарю Вас за любезное приглашение участвовать в “Весах”³. Но я боюсь, что присылаемые с этим письмом стихи покажутся Вам неудовлетворительными⁴. Дело в том, что зимой я пишу меньше и слабее, чем обыкновенно, а мои осенние стихи частью вошли в “Путь конквистадоров”⁵, частью печатаются в сборнике “Северная речь”, который выйдет в конце февраля⁶. Поэтому, если присланные стихи будут забракованы, я пришлю Вам другую партию, быть может, лучшую. Если же нет, то вторая партия может быть помещена в другом номере “Весов”.

Мне очень жаль злоупотреблять Вашей любезностью, но я не могу не попросить Вас уведомить меня, какие именно мои стихи будут помещены в “Весах”, потому что оставшиеся я думаю предложить для “Слова”⁷.

Еще раз благодарю за внимание.

Готовый к услугам Н. Г у м и л е в.

11 февраля 1906 г.

* * *

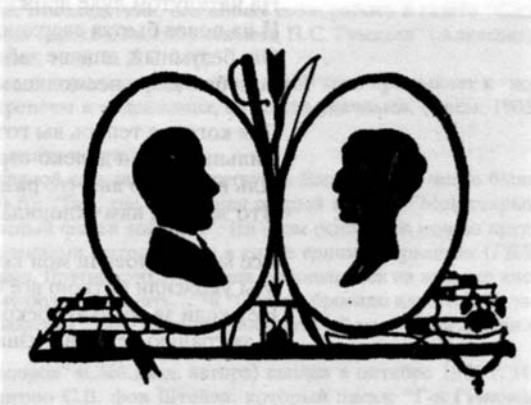
Но не будем таиться рыдания⁸,
О моя золотая печаль!
Только чистым дано созерцанье
Вечно-радостной чаши Грааль⁹.

Разорвал я лучистые нити,
Обручившие мне красоту...
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?*

* * *

Я зажег на горах красный факел войны¹⁰,
Разгораясь лижут лазурность огни,
Неужели опять для меня суждены
Эти звонкие, ясно-кристальные дни?

* Стихотворение зачеркнуто чернилами. 1-ю строку Брюсов исправил карандашом: “Но таить мы не будем рыдания...” Знак вопроса в последней фразе поставлен Брюсовым.

Н.С. ГУМИЛЕВ И А.А. АХМАТОВА

Силуэты работы Е.С. Кругликовой.
Линогравюра. 1910-е годы

На натянутом луке дрожит тетива
И на поясе бьется сверкающий меч,
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря несмолкаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далеко-стреляющий лук?
Иль не знаете вы, что разрушена твердь,
Что земля к нам склонилась, союзник и друг.

Все моря целовали мои корабли,
Мы украсили битвою все берега;
Неужели за гранью роскошной земли
И за гранью небес вы узнали врага!

* * *

Мне надо мучиться и мучить¹¹,
Твердя безумное “люблю”,
О миг, страшился мне наскучить,
Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно-плоским,
Но опали, сожги меня
И будь великим отголоском
Веками ждущего Огня*

Относительно перемены знаков прошу не стесняться. Н.Г.¹²

* * *

Мой старый друг, мой верный дьявол¹³
Пропел мне песенку одну:
“Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Вокруг вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь.
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
– О, верь мне! Я не обману”...
“Но помни, – молвил умный дьявол, –
Он на заре пошел ко дну”.

* * *

Солнце бросило для нас¹⁴
И для нашего мученья
В яркий час, закатный час
Драгоценные каменья.
Да, мы – дети бытия,
Да, мы солнца не обманем.
Огнезарная змея
Проползла по нашим граням.

Научивши нас любить,
Позабить, что все мы пленны,
Нам она соткала нить,
Нас связавшую с Вселенной.
Льется ль песня тишины
Или бурно бьются струи,
Жизнь и смерть – ведь это сны,
Это только поцелуй^{2*}.

¹ Брюсов после рецензии на “Путь конквистадоров” послал, по всей видимости, Гумилеву ободряющее письмо. Несмотря на слабость этого сборника, он почувствовал в стихах молодого автора близкие ему интонации. 17 февраля 1906 г. Брюсов писал П.П. Перцову, редактору литературного приложения газеты “Слово”, в которой публиковался Гумилев: «Хорошо и то, что у Вас Конквистадор “ в панцире железном”: в нем есть что-то похожее на меня» (ЛР. 1926, № 7. С. 44). Скорее всего, ввел Гумилева в редакцию “Слова” тогдашний помощник Перцова по литературному приложению С.В. фон Штейн (1882–1955), женатый

* Стихотворение зачеркнуто (Брюсовым?) крест-накрест карандашом.

^{2*} Стихотворение перечеркнуто (Брюсовым?) одной карандашной линией.

на старшей сестре А.А. Горенко – Инне Андреевне. Впоследствии, вспоминая свою работу в газете “Слово”, он писал: “У нас же дебютировал мой давнишний царскосельский знакомец Н.С. Гумилев” (Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 190).

² В рецензии Брюсов отмечал: «По выбору тем, по приемам творчества, автор явно примыкает к “новой школе” в поэзии. Но пока его стихи только перепевы и подражания, не всегда удачные». (Весы. 1905. № 11. С. 68).

³ Возможно, что Гумилев цитирует это предложение в начале п. 26.

⁴ Приложенные к письму стихотворения в архивной раскладке отсутствуют. Видимо, в их числе были произведения, опубликованные в “Весах” (1906, № 6): “Там, где похоронен старый маг...”, “Мой старый друг, мой верный дьявол...”, “Я зажег на горах красный факел войны...”. На этом основании можно предположить, что листы с двумя последними стихотворениями, находящиеся в конце единицы хранения (ГБЛ, Ф. 386, 84.20. Л. 37–38), откололись от первого письма. Другие стихотворения, находящиеся на этих же листах (“Но не будем таяться рыдания...”, “Мне надо мучиться и мучить...” и “Солнце бросило для нас...”), зачеркнуты Брюсовым как неудачные. Текст стихотворения “Там, где похоронен старый маг...” приложен к следующему письму.

⁵ Первый сборник Гумилева “Путь конквистадоров” (СПб., изд. автора) вышел в октябре 1905 г. Из немногочисленных отзывов на него отметим рецензию С.В. фон Штейна, который писал: “Г-н Гумилев, как поэт, еще очень молод: многое в нем не перебродило и многого он не успел творчески переработать. Несомненно, однако, что у него есть задатки серьезного поэтического дарования, над развитием которого стоит прилежно работать. (...) Советуем г-ну Гумилеву на будущее время стремиться к большей простоте и непосредственности, исправляя допущенные дефекты в технике стиха: напрасно он злоупотребляет неправильным ударением и рифмует не всегда удачно и гладко” (Слово. 1906, № 360, 21 янв.)

⁶ В сб. “Северная речь” (СПб., 1906), выпущенном группой царскосельских литераторов (И. Анненский, В. Кривич, Д. Коковцев, Д. Полознев, П. Загуляев), опубликовано два стихотворения Гумилева: “Смерти” (“Нежной, бледной, в пепельной одежде...”) и “Огонь” (“Я не знаю, что живо, что нет...”).

⁷ “Слово” – ежедневная петербургская газета. О судьбе стихов Гумилева, посланных в “Слово”, см. пп. 2 и 5.

⁸ Возможно, что это восьмистишие является концом утерянного стихотворения “Чаша Грааль”, о существовании которого П.Н. Лукницкий писал Л.В. Горнунгу 16 октября 1925 г.: «У меня есть сведения, что Николай Степанович напечатал несколько стихотворений (“Чашу Грааль”, “Каракалле”) еще до выхода “Пути конквистадоров”» (Собрание Л.В. Горнунга. Москва).

⁹ Согласно средневековым легендам, Иосиф Аримафейский, снимая тело распятого Христа, собрал его кровь в чашу, служившую первоапостолам во время Тайной вечери, потиром. Эта чаша, получившая название святого Грааля, стала непременным атрибутом множества мистических сказаний и рыцарских романов.

¹⁰ Впервые опубли.: Весы. 1906. № 6. Под заглавием “После победы” и с новой редакцией первой строки включено в “Романтические цветы” (Стихи, 1903–1907. Изд. 3-е, СПб.: Прометей, 1918).

¹¹ Публ. впервые.

¹² Гумилев допускал порой пунктуационные и даже орфографические ошибки.

¹³ Впервые опубли.: Весы. 1906. № 6.

¹⁴ Публ. впервые.

2. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 8 мая 1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно вышел тот сборник, о котором Вы меня спрашивали, и я посылаю его Вам вместе с этим письмом¹. Может быть, Вы напишете о нем рецензию². Составители были бы очень рады.

Посылаю также одно стихотворение: оно уже месяца два дождалось очереди, чтобы быть напечатанным в “Слове”³, но так и не дождалось, хотя стихотворения других авторов, присланные в редакцию позднее моего, уже давно напечатаны. В силу всего этого, я беру его из “Слова” и посылаю Вам для замены⁴ какого-нибудь уже намеченного Вами.

Что же касается присылки новых стихотворений, то мне придется обмануть Вас: я почти ничего не пишу. Я объясняю это отсутствием людей, общение с которыми дало бы мне новые мысли или чувства. Уже год, как мне не удается ни с кем поговорить так, как мне хотелось бы.

Я пишу это для того, чтобы Вы не отчаялись во мне, видя мою лень, тем более, что Ваше участие ко мне – единственный козырь в моей борьбе за собственный талант.

Простите за сбивчивое письмо.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

* * *

Там, где похоронен старый маг,
В полумраке мраморной пещеры,
Мы услышим тайный робкий шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет бледный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Не нарушим нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Но когда небесный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер – блуждающею тенью.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя –
Золотисто-огненное солнце.

Н. Г у м и л е в.

Мой адрес: Царское Село, угол Средней и Оранжерейной, дом Полубояринова, подъезд со Средней.

¹ Сб. "Северная речь" (см. п. 1, прим. 6).

² Под псевдонимом Аврелий рецензия Брюсова на сборник была опублик.: Веси. 1906. № 6. Она полностью посвящена трагедии И.Ф. Анненского "Лаодамия", напечатанной в этом сборнике. Оценка Брюсова была отрицательной. В 1913 г. он признавал: «Вряд ли критик может быть непогрешимым. Совершал ошибки и я. Могу покаяться в том, что, отметив первое выступление И. Анненского, я не сделал достаточно энергичных попыток привлечь его к участию в "Весах"; позднее отнесся строго к его драме "Лаодамия" (она и теперь мне кажется самым слабым из его произведений). Но этот "грех" я искупил, правда, своей рецензией о его посмертных книгах» (ЛН. Т. 85. С. 207).

³ "Понедельники" газеты "Слово" в 1906 г. опубликовали два стихотворения Гумилева: 26 июня (№ 18) "Крест" ("Я долго проигрывал карту за картой...") и 3 июля (№ 19) "Лето" ("Лето было слишком знойно...").

⁴ См. п. 1, прим. 4.

3. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 15 мая 1906 г.)

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше любезное письмо и дать Вам канву, по которой и т.д.

3-го апреля мне исполнилось двадцать лет¹, и через две недели я получаю аттестат зрелости². Отец мой – отставной моряк³, и в материальном отношении я вполне обеспечен. Пишу я с двенадцати лет⁴, но имею очень мало литературных знакомств, так что многие мои вещи остаются нечитанными за недостатком слушателей.

Из иностранных языков читаю только на французском, и то с трудом⁵, так что собрался прочесть только одного Метерлинка. Из поэтов люблю больше всего Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта⁶, и Вас (ради Бога, не считите это за лесть и если Вы скромны, то припишите это моей недостаточной культурности).

Летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там лет пять⁷. Но так как мне очень хочется повидаться с Вами, то я думаю недели через три поехать в Москву, где, может быть, Вы не откажете уделить мне несколько часов.

Если Вы ничего против этого не будете иметь, то напишите, пожалуйста, где я могу Вас видеть и какой день для Вас удобнее.

Хотелось бы Вам написать еще многое, но откладываю до личного свиданья⁸.

Ваш Н. Г у м и л е в.

¹ Гумилев родился 3/15 апреля 1886 г. в Кронштадте (см. его метрическое свидетельство – ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 11).

² Гумилев окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию, директором которой до начала 1906 г. был И.Ф. Анненский. Аттестат был выдан 30 мая 1906 г. См.: Там же. Л. 9.

³ Отец Гумилева, Степан Яковлевич (1836–1910), окончил в 1861 г. медицинский факультет Московского университета и был морским врачом. После выхода в отставку (1887) по болезни он некоторое время служил в Тифлисе агентом Северного страхового общества (1900–1903).

⁴ По другим сведениям, “стихи и рассказы стал писать с 8 лет, а еще до этого сочинял басни” (Писатели современной эпохи / ред. Б.П. Козьмин. М.: ГАХН, 1928. Т. 1. С. 109).

⁵ По всей видимости, способности к языкам у Гумилева не было. Даже прожив во Франции два года, французским языком он овладел недостаточно. Так, например, при переводе стихотворения Т. Готье “Мансарда” Гумилев перевел “chat Minet” (котенок) как Четъи-Миней (*Готье Т. Эмали и камни*. СПб., 1914. С. 218).

⁶ Собрание сочинений Э. По в переводах Бальмонта выпускалось издательством “Скорпион” в 1901–1912 гг.

⁷ Гумилев прожил в Париже с 1906 по 1908 г. с небольшими перерывами.

⁸ Первая встреча Гумилева с Брюсовым состоялась в мае 1907 г. (см.: *Дневники*. С. 138).

4. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Рязанская губ., усадьба “Березки”. 15 июня 1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думаю приехать в Москву в первый же вторник после 15-го, т.е. 20-го июня. Но зная Ваше намерение отправиться в Швецию, я хотел бы знать точно, застану ли я Вас в Москве¹. Я теперь в деревне и чувствую себя довольно скверно, но числа 19-го все же надеюсь выехать...

На случай, если Вы захотите мне ответить, прилагаю адрес: Московско-Казанская ж.д. Станция Вышгород, усадьба Березки², мне.

Уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

P.S. Простите за короткое и небрежное письмо. Но я пишу его, лежа в постели при 38,5° температуры

Н. Г у м и л е в.

¹ В середине июня 1906 г. Брюсов уехал на полтора месяца в Швецию. По этой причине встреча не состоялась.

² Имение “Березки”, по сведениям П.Н. Лукницкого, отец Гумилева, Степан Яковлевич, купил при переезде из Тифлиса в 1903 г. Не ссылаясь на источники, Г.П. Струве в предисловии к Собр. соч. Гумилева (Вашингтон, 1962. Т. 1. С. IX) сообщает, что это имение принадлежало деду поэта, Якову Степановичу Гумилеву.

5. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 17/30 октября (1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сегодня в восемь часов утра я получил Ваше письмо¹ и в девять уже пишу ответ. “Maçon Lescaut” прекрасное издание “librairie artistique”*, купленная только вчера, лежит и дожидается очереди быть прочитанной. Из этого Вы можете заключить, как я обрадовался Вашему письму. Простите, что мой ответ будет длинен, но мне так много хочется сказать Вам, а главное спросить Вас.

Прежде всего я должен горячо поблагодарить Вас за Ваши советы относительно формы стиха. Против них долго восставала моя лень, шептала мне, что неточность рифм дает новые утонченные намеки и сочетанья мыслей² и что этим эффектом пользовались Вы сами в “Двух моряках”³. Последним протестом было мое стихотворение “Крокодил” (ниже), одобренное многими и стоявшее на очереди в редакции покойного “Слова”⁴. Но потом наступил перелом. Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим. Может быть, Вы меня поймете, прочитав мою “Загадку”, которую я особенно рекомендую Вашему вниманию.

* Библиотека художественной литературы (франц.).

Теперь относительно размеров: Вы пишете, что они у меня однообразны и несвоеобразны, что им надо учиться у Вячеслава Иванова. Я взял “Прозрачность”⁵ и пытался постигнуть строение ее стихов. Но, насколько я мог заметить, их секрет основан на том, что г-н Иванов берет для одной строфы строки различных размеров (“снилось мне, сквозит завеса меж землею и лицом небес, небо – влажный взор Зевеса, и печальный грустит Зевес”)⁶ или к обыкновенному размеру прибавляет или убавляет один-два слога (“я видел Психею в густых лесах взлелеял Пан...”)⁷. Тогда как “В ночи, когда со звезд провидцы и поэты...” – стихотворение, которое мне кажется у него лучшим⁸, написано обыкновенным размером. И тогда мне представилось, что прелесть стиха заключается во внутренней, а не во внешней структуре, в удлинении гласных и отчеканивании согласных, и это должен вызвать смысл стиха.

Для пояснения привожу строфу из моих последних стихов:

... Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет⁹.

Здесь в первой строке длинные гласные должны произноситься* гортанью и вызывать впечатление силы, а во второй строке два “е” и два “о”, произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле¹⁰ относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударенье на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабление тона:

“... того – кто не придет”.

Но, ради Бога, не подумайте, Валерий Яковлевич, что я спорю с Вами или даже защищаюсь. Это не более как сомнения и, может быть, тоже нашептанные моей ленью. Скажите мне только, что это не так, и я все силы положу, чтобы овладеть неизвестными мне размерами. В Ваши руки отдал я развитие моего таланта еще до первого Вашего письма, и мне порукой служит то, что Вы сделали для русской поэзии.

Затем мне было крайне интересно узнать, что думаете Вы о содержании моих стихов: их образах, настроениях и идеях. Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались Вам, по Вашему выражению, “действительно удачными”¹¹, и, кроме того, это дало бы мне известный критерий для писанья последующих стихов. Не забывая того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней. И никогда я не слышал о моих стихах мнение человека, которого я бы мог найти компетентным¹².

Приехав в Париж, я послал Бальмонту письмо, как его верный читатель, а отчасти в прошедшем и ученик, прося позволения увидеться с ним, но ответа не получил.

Вы были так добры, что сами предложили свести меня с Вашими парижскими знакомыми¹³. Это будет для меня необыкновенным счастьем, так как я оказался несчастлив в моих здешних знакомствах. У меня есть рекомендательное письмо к г-же Гиппиус (Мережковской), но я не знаю ее адреса¹⁴. Кроме того, я был бы в восторге увидеть Вячеслава Иванова и Макса Волошина¹⁵, с которыми Вы, наверно, знакомы. Но только не Бальмонта! Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении, как человек. Вы просите у меня каких-нибудь статей. У меня есть планы трех, но, увы, не по искусству, и поэтому я боюсь, что они не подойдут для “Весов”. Вот они: “Костюм Будущего”, где я на основании изучения эволюции костюма в прошлом пытаюсь угадать, каков он будет в будущем. “Защита чести” – эстетическое обоснование поединков всякого рода и “Культура любви” – эстетические заметки о различных родах половой любви¹⁶.

* В тексте письма остались незачеркнутыми слова “должны производить”.

Если что-нибудь из этого заинтересует Вас, напишите, я пришлю. Скоро я должен познакомиться с Леоном Дьерксом и надеюсь описать нашу встречу¹⁷. Пожалуйста, поблагодарите от меня г-на Ликиардопуло за его любезное письмо. Я лично не написал ему, чтобы не отнимать его времени.

Простите за неприличную внешность письма, но я страшный пачкун и иначе не могу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Гонорар не получен.

КАРАКАЛЛЕ. 3 СТИХОТВОРЕНИЯ¹⁸

ПОСВЯЩЕНИЕ

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе*,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне. Я не купец, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи

Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Руки мои безнадежно повисли,
Тайные думы мои смущены,
Мне ли воспеть твои тонкие мысли,
Мне ли воспеть твои знойные сны?

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О, император, я верный твой раб.

ИМПЕРАТОР¹⁹

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы был ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях.

Образы властительные Рима,
Цезарь, Юлий Август и Помпей,
Это – тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Черное безумье Калигулы,
Конь его, позорящий сенат,
Дикие, тревожащие гулы
Ничего тебе не говорят.

Жадность снов в тебе неутолима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укrotить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Когда^{2*} тени упадают ниц,

И когда, как золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в садах, торжественное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет с Нила привезенный
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи,
Тихие, пустынные сады,
С темных палм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Меж ветвей раскидистых платана
Притаился безобразный лар²⁰,
Стон земли несется из тумана,
Стон земли, больной от диких чар.

* В тексте Гумилева слово "судьбе" отсутствует и вписано Брюсовым карандашом со знаком (?).

^{2*} Слово "когда" подчеркнуто Брюсовым красным карандашом.

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омыв,
Ты стоишь, божественно-надменный,
Император, ты тогда счастлив.

А потом в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-звонкими стихами
Пробуждаешь юную зарю.

КРОКОДИЛ²¹

Мореплаватель Павзаний²²
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

И утонченного слуги,
В мире странного скитальцы*
Становились друг за друга,
Поднимая в знак испуга
Изукрашенные пальцы.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

И какой-то сказкой чудной,
Чуждый людям и природе,
Крокодил блистал у судна
Чешую изумрудной
На серебряной подводе.

Беспечально с ночью спора,
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император стал у моря,
Чтобы встретить крокодила.

ЗАГАДКА²³

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть свою в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Жил беспокойный художник
В мире лукавых обличий,
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Прочь, козлоногие фавны,
Музыки нет в вашем кличе,
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его беспокойном
Сделались вихрями света,
Полднем горящим и знойным.

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе,
Что это, снова угроза
Или мольба о пощаде?

Музы, в красивом пеанте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти²⁴.

Н. Г у м и л е в.

¹ В архиве Брюсова отсутствует письмо Гумилева, в котором он сообщает свой парижский адрес. Возможно, что Гумилев обратился в редакцию "Весов" (см. постскриптум наст. письма) с просьбой о высылке гонорара. Ему официально ответил секретарь редакции М.Ф. Ликиардопуло, а Брюсов сделал к его письму приписку, привлекая Гумилева к сотрудничеству в качестве еще одного зарубежного корреспондента "Весов".

² См. вступ. статью.

³ Имеется в виду перевод стихотворения Э. Верхарна "К северу" ("Два моряка возвращались на север..."), опубликованный в сб. "Стихи о современности", вышедшем в январе 1906 г.

⁴ Литературное приложение к газете "Слово" прекратилось 2 июля 1906 г. на № 19.

⁵ "Прозрачность" (М.: Скорпион, 1904) – вторая книга лирики Вяч. Иванова. Поэзию Вяч. Иванова Гумилев принял далеко не сразу. Много позднее он признавался: "Долгое время Вячеслав Иванов, как поэт, был для меня загадкой. Что это за стихи, которые одинаково бездоказательно одни разумно хвалят, другие бранят? Откуда эта ухищренность и витиеватость, и в то же время подлинность языка, изломанного по правилам чуть ли не латинского синтаксиса?" (Аполлон, 1912, № 6. С. 52).

⁶ Неточно приведенная первая строфа из стихотворения Вяч. Иванова "Beethoveniana": вместо "печальный" у автора сказано "прозрачный".

* Две первые строки этой строфы подчеркнуты Брюсовым и на полях помечены знаком "х".

⁷ Начальные строки стихотворения Вяч. Иванова “Пан и Психея”, приведенные неточно. Следует:

Я видел: лилею в глубоких лесах
Взлеял Пан.

⁸ Первая строка стихотворения “Subtile virus Caclitum” (СЦ. 1905). Первая публикация без заглавия в статье Вяч. Иванова “Копье Афины” (Весы. 1904. № 10).

⁹ Строфа из приложенного к настоящему письму стихотворения “Император”.

¹⁰ Фра Джованни да Фьезоле (1387–1455) – знаменитый итальянский живописец, доминиканский монах, прозванный за добродетельную жизнь ангелоподобным – Беато Анжелико. Известный искусствовед Р. Мутер, работы которого были знакомы Гумилеву, писал о Фра Анжелико: “Для изображения мира ангелов, для выражения своего настоящего внутреннего мира он нашел и вполне подходящую красочную гамму, нежную и радостную, состоящую из светло-синей краски, ликующе-красной, белокурой, светящейся, как медь, и наконец, золотой, обдающей небожителей сияющим блеском” (Мутер Р. История живописи. СПб., 1901. Ч. 1. С. 44). На рубеже веков в отечественной печати прошла полемика о близости живописи Фра Беато “здоровому русскому вкусу” (см.: *Вольнский А.Л.* Борьба за идеализм. Крит. ст. СПб., 1900. С. II). Интерес к творчеству художника сохранился у Гумилева на долгие годы. В стихотворении “Фра Анжелико” (Гиперборей, 1912. № 1. С. 12) он писал:

А краски, краски! Яркие и чистые,
Они родились с ним и с ним погасли;
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

¹¹ Гумилев цитирует слова Брюсова из рецензии на “Путь конквистадоров” (Весы. 1905. № 11. С. 68).

¹² 2 октября 1906 г. Гумилев описывал свое состояние в письме к В.И. Кривичу: «Вы меня спрашиваете о моих стихах. Но ведь теперь осень, самое горячее время для поэта, а я имею дерзость причислить себя к хвосту таковых. Я пишу довольно много, но совершенно не могу судить – хорошо или плохо. Мое обыкновенье – принимать первое высказанное мне мнение, а здешние русские ничего не говорят, кроме: “Очень, очень звучно” или даже просто “очень хорошо”. Но я надеюсь получить от Вас более подробное мнение о моих последних стихах. Несколько из них я послал на имя Сергея Владимировича (фон Штейна), когда он вернется, он верно не откажется показать их Вам. Другие посылаю Вам сейчас» (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 1–10б.). К письму приложены стихотворения “Недавно у берега нашего бросил...” и “Музы, рыдать перестаньте...”

¹³ Возможно, что Брюсов предложил Гумилеву, кроме Р. Гиля и И. Щукина, еще адреса тех же поэтов, что и А. Белому, находившемуся в то же время в Париже: Жана Рене Аркоса, Жоржа Дюамеля и др. (см.: ЛН. Т. 85. С. 402).

¹⁴ О рекомендательном письме к З.Н. Гиппиус и о визите к Мережковским см. п. 10.

¹⁵ С Вяч. Ивановым Гумилев познакомился уже после возвращения на родину в 1908 г., а знакомство с М. Волошиным состоялось в Париже (см.: *Кругликова Е.* Из воспоминаний о Максе Волошине // Максимилиан Волошин – художник: Сб. материалов. М., 1976).

¹⁶ Статьи Гумилева под такими названиями неизвестны. Об отношении Брюсова к темам этих статей см. п. 7.

¹⁷ Леон Дьеркс (1838–1912) – французский поэт, член группы “Парнас”, ученик Леконта де Лиля. Занимался также музыкой и живописью. В 1898 г. был избран “принцем среди поэтов” Франции. Его стихи на библейские и исторические сюжеты отличались отточенной техникой. Небольшая биографическая заметка и перевод стихотворений Дьеркса помещены Брюсовым в ЛСС XXI, с. 77–80, 255–256. О состоявшемся знакомстве Гумилева с Дьерксом см. п. 8.

¹⁸ Первоначально в рукописи стихотворение называлось “В древнем Риме”. Впервые с незначительными изменениями опубликовано под названием “Императору Каракалле” в “Весках” (1907, № 7). В дальнейшем – в сборниках “Романтические цветы” (1908) и “Жемчуга” (1910) четвертая строфа была опущена.

Каракалла (186–217) – римский император с 211 г., прославившийся распутством и жестокостью.

¹⁹ При публикации в “Весках” (1907, № 7) полностью заменены 4-я и 11-я строфы, а в “Романтических цветах” (изд. 3-е), кроме того, 12-я строфа заменена двумя. В подборке гумилевских писем сохранился отдельный листок (ГБЛ. Ф. 386, 84.20. Л. 36) с другой концовкой стихотворения:

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

И под этим замолчавшим небом
Ты с великой тайною – одно,
Угрожаешь Фебу, споришь с Фебом,
Но о чем, поведать не дано.

Он, как ты, изящен и утончен,
Но твой взгляд сверкает горячей,
Миг бежит, и дивный спор окончен,
Феб очнулся (?) от своих лучей.

И тогда в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-мерными стихами
Вызываешь новую зарю.

²⁰ Лар – в древнеримской мифологии покровитель домашнего очага.

²¹ Опубли. в журнале “Перевал” (1907, № 11). В четвертой строфе Брюсов отметил как неудачные

„СИРИУС“

ДОУПЛАЧЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Искусства и Литературы

№ 2.

РЕДАКЦИЯ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:
Н. С. ГУМИЛЕВКРИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ:
М. С. ГАРЧАНОВСКИЙХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
А. С. КОСТРИНСИРИУС 1907 SIRIUS
ПАРИЖ PARIS

№ 1.

„СИРИУС“, 1907, № 1

Титульный лист

„СИРИУС“, 1907, № 2

Обложка

первые два стиха. При публикации автор переделал эту строфу:

Суелись у галеры
Бородатые скитальцы,
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

²² Павзаний — путешественник и писатель II в. до н.э., родом из Лидии, автор сочинения „Описание Элады“. Биография его практически неизвестна, и имя его использовано Гумилевым произвольно.

²³ Оpubл. с разночтениями в литературном сборнике „Италия“ (СПб.: Шиповник, 1909) в цикле „Беатриче“. Брюсов отметил как неудачные рифмы первой строфы „перестаньте“ и „Данте“, однако Гумилев сохранил первоначальный текст. Это же стихотворение Гумилев послал В.И. Анненскому-Кривичу с письмом от 2 октября 1906 г. (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 1).

²⁴ В первом номере журнала прерафаэлитов „The Germ“ (декабрь 1850 г.) был помещен цикл стихов Г. Россетти „Небесная подруга“, в котором он воспевал Беатриче. Этот образ отличался от бесплотной Беатриче „Божественной Комедии“ Данте чувственными порывами.

6. ГУМИЛЕВ — БРЮСОВУ

(Париж. 29 октября)/11 ноября (1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пишу Вам, не дождавшись Вашего ответного письма, потому что чувствую, что мое первое письмо было очень неполно. Прежде всего спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после Вашего письма задумался об этом и пришел вот к каким выводам: он дал мне сознание глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом¹. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви².

Не сердитесь за сравнение галстуха со стихами; это показывает только, как высоко ставлю я галстухи. О выставке Дягилева я не напишу ничего: она слишком велика по за-

мыслу³. Русское искусство представлено с самого своего начала, с тех пор когда оно, может быть, даже и не существовало: я говорю о некоторых иконах. Я не могу написать о ней в стиле Сологуба: я не мистик⁴. Я не могу написать в стиле Макса Волошина: я не художник⁵. Написать же в моем собственном стиле я мог бы только о двух, трех картинах Врубеля, о Бенуа и о Феофилактове⁶. А подобная статья не заслуживала бы даже названия "впечатлений от выставки Дягилева". Простите меня за этот отказ: но мне казалось лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам. Что же касается беседы с французскими поэтами, то это совсем другое дело.

Как раз теперь я замечаю в них интересное движение, переход от прошлогоднего классицизма к классицизму романтическому. И как только я больше разберусь в этом движении, я непременно напишу об этом статью.

Точно так же я принял во внимание Ваше предложение относительно статей по вопросам искусства. У меня уже кое-что намечено. Кроме того, у меня почти готова драма или скорее драматические картины, вещь небольшая и, как мне кажется, интересно задуманная. Если она имеет какие-нибудь шансы пройти в "Весы", то напишите мне, пожалуйста, об этом⁷. Я ее отделаю и пришлю. С нетерпением жду исполнения Вашего обещания относительно знакомств. А то бывают дни, когда я не говорю ни слова⁸, кроме как с прислугой. В заключение посылаю Вам мои последние стихотворения, не столько для печати, сколько для того, чтобы узнать Ваше мнение, развивается ли мой талант или нет.

* * *

Мне было грустно, думы обступили⁹
Меня, как вору в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Томились и требовали мести*.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волнения,
И я читал на каменной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,

За то, что я кровавыми устами
Касался уст, трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести,
Мой лживый нежный храм слепцы разрушат,
И думы, вору в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задуют.

* * *

Он воздвигнул свой храм на горе¹⁰,
Снеговой многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным небесным огням.

И предстал перед ним его бог,
Бесконечно-родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно-горящий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собрались люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь:
"Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней".

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печать.

Н. Г у м и л е в.

P.S. Если гонорар еще не послан, то не может ли редакция послать его по моему адресу в Париж.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* Эта строфа отчеркнута Брюсовым на полях синим карандашом.

¹ 15 мая 1907 г. Брюсов отметил в дневнике: “Приезжал в Москву Н. Гумилев. (...) Говорит о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своем декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 года” (*Дневники*. С. 138). С.В. фон Штейн свидетельствовал об изучении Гумилевым оккультных наук и его личном знакомстве с Папюсом, известным оккультистом (Последние известия. Ревель. 1921. 16 сент.).

² Элифас Леви (1810–1875) – псевдоним французского историка и писателя-священника о. Константа. Брюсов относил его к числу “выдающихся деятелей современного оккультизма” (Весы. 1905. № 2. С. 59).

³ В неподписанной заметке “Весы” сообщали: “При Парижском Осеннем Салоне, в Grand Palais, С.П. Дягилевым устраивается особый отдел – выставка русского искусства, где, по мере возможности, будут представлены все течения и школы, начиная со времен императрицы Екатерины II и кончая нашими днями” (1906, № 7, с. 80). О выставке, открывшейся 6 октября 1906 г., довольно резко отозвался в двух первых номерах журнала “Сириус” Мст. Фармаковский. В заключение своего обзора он утверждал, что “русская выставка в Париже никого не удовлетворила: ни иностранцев, которые не знают русской живописи и получили франко-итальяно-назарейско-петергофский букет с несколькими чуждыми и непонятными растениями, ни русских художников и любителей русского искусства, живущих в Париже, которые увидели всю нелепую претенциозность господ устроителей” (“Сириус”, 1907. № 2. С. 10). Оценка эта не отличалась объективностью (см. заметку “Парижские газеты о русской выставке” – *ЗР*. 1906. № 11–12. С. 133–134).

⁴ Ф. Сологуб чрезвычайно редко откликался на события в мире изобразительного искусства, причем его выступления, как правило, были весьма далеки от мистицизма (см., например, заметку “Какой простор. Картина Репина” – “Новости”, 1903, 9 марта, № 67).

⁵ М. Волошину принадлежали многочисленные отчеты о художественных выставках, салонах и вернисажах, публикуемые в газете “Русь”, журналах “Весы”, “Золотое руно”, “Двадцатый век”. Его заметки отличались профессиональной точностью оценок.

⁶ М.А. Врубель на выставке был представлен 29 работами – портретами Н.И. Забелы-Врубель и В.Я. Брюсова, триптихом “Воскресение” (“Ангел смерти”), эскизом к “Поверженному Демону” и другими; А.Н. Бенуа – 23 картинами; Н.П. Феofilактов в списке экспонентов не значится (см.: *Бенуа А.Н. Каталог “Salon d’automne. Exposition de l’art russe”*. Р., 1906).

⁷ Вероятно, имеется в виду драма “Шут короля Батиньоля”. О ней см. пп. 8 и 24.

⁸ Вскоре после получения письма Гумилева Брюсов писал в Париж А. Белому: “Если Вам можно, познакомьтесь с Николаем Степановичем Гумилевым, Boulevard St. Germain, 68; кажется, талантлив, и во всяком случае молод” (*ЛН*. Т. 85. С. 402).

⁹ На рукописи Брюсов сделал пометку “В(есы)” и предложил в последней строфе заменить эпитет “нежный” на “тесный”. Однако в подборку стихотворений Гумилева в “Весах” оно не вошло, а было опубликовано под заглавием “Думы” в журнале “Весна” (1908, № 2). В “Романтических цветах” (1918) напечатано со значительными разночтениями.

¹⁰ Впервые: *Гумилев Н. Неизданное и несобранное*. Р.: Умка-Press, 1986. С. 13–14.

7. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Петербург. 2/15 ноября. (1906 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Простите мне мое молчание. Я поехал дня на три в Петербург и загостился здесь на две недели¹. Напишу Вам подробно тотчас, как вернусь в Москву. Пока прошу Вашего деятельного сотрудничества в “Весах”. Помните только, что это журнал литературы и искусства и небольшой. Вот почему статья о дуэли в “Весах” неуместна. О любви – очень желанна. Не пришлите ли Вы мне все ваши новые стихи, написанные Вами после “Пути”². Я бы выбрал несколько пьес для “Весов”. Кроме того, хотелось бы ближе узнать Вашу поэзию. О рифмах и размерах, в ответ на Ваши соображения, напишу Вам маленький трактат.

Не забывайте меня.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

¹ Брюсов находился в Петербурге с 25 октября по 6 ноября 1906 г.

² Имеется в виду сб. “Путь конквистадоров”.

8. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 12/) 25 ноября (1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно получил Ваше второе письмо и спешу ответить на него. Прежде всего, не знаю, как выразить Вам благодарность за обещанный Вами трактат¹. Правду ска-

зять, я ожидал только утвердительного или отрицательного ответа, и Ваше обещание привело меня в восторг.

Одно только меня огорчает и сильно, это то, что я вижу мою бесполезность для “Весов”. Я написал мою “Культуру любви”, но когда я вспомнил статьи, раньше напечатанные в “Весах”, Ваши, Бальмонта, Андрея Белого и Вячеслава Иванова, столь выразительные по языку и богатые по мысли, то я решил не посылать ее на верный отказ. Только за последние полгода, когда я серьезно занялся писаньем и изучением прозы, я увидел, какое это трудное искусство. И мои теперешние опыты в этом направлении не заслуживают быть даже прочитанными Вами. Я виделся и говорил с Леоном Дьерксом². Но прежде чем говорить со мной, он взял с меня честное слово, что я не предаю его мнения гласности. Одна моя надежда на драму “Шут короля Батиньоля”³. У меня даже честолюбивые мечты поставить ее в театре Вашкевича, если таковой еще существует⁴. Но мне хотелось бы, прежде чем хлопотать о постановке, узнать Ваше мнение о ней. Поэтому простите меня за возможную скуку, которую Вы испытаете при ее чтении, так как я собираюсь Вам прислать очень скоро. Со стихами тоже плохо. Я пишу довольно много, но так как я меняю приемы творчества, что Вы, наверно, уже заметили, то, конечно, среди них масса хламу. Я прислал уже Вам шесть⁵ и посылаю седьмое. Как только напишу еще, пришлю немедленно, так как Вы, конечно, понимаете мое желание как можно скорее войти в число рыцарей “Весов”, по выражению одного из Ваших сотрудников⁶.

Теперь до свиданья.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Сегодня у берега нашего бросил⁷
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабель.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли,
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде неожиданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром
– Царей не бывало издавна у нас –
Дивились движеньям красивым и быстрым
И молниям черных пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным в глухом переулке
Сиреневый домик седого глупца.

Он – враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он – горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 7 и 10.

² См. п. 5, прим. 17.

³ Текст этой пьесы нам неизвестен. 8 февраля 1909 г. А.М. Ремизов писал Гумилеву: “Прочитал I акт Шута короля Б(атиньоля) и Ваш рассказ Лесной дьявол. И то и другое мне очень понравилось. Пьесу, я думаю, удастся устроить у Комиссаржев(ской) в сезоне 1910-11 гг.” (ЦГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 406. Л. 2).

⁴ Вероятно, Гумилев знал о театре Николая Николаевича Вашкевича, ученика А.П. Ленского и одно время актера Московского Художественного театра, по публикациям “Весов”. В анонимной статье “Театр

эмоций" сообщалось: «В Москве основывается общество, ставящее себе целью создать новый тип театра, который участники называют "театром эмоций" или "театром мистической трагедии"» (Весы, 1905. № 4. С. 75). В мае появилась "Поправка": «В прошлом № "Весов" в заметке о "Театре эмоций" пропущено имя инициатора всего предприятия – Н. Вашкевича» (№ 5, с. 73). В № 8 за тот же год безымянный автор в заметке "Дионисово действо современности" писал: «В ближайшем будущем в Москве открывается Новый Театр "Дионисово Действо" (...) драмой К. Бальмонта "Три Расцвета"» (с. 72; ср. также анонс – ЗР. 1906. № 1. С. 119). В том же 1905 г. "Весы" писали о театре Вашкевича также в № 12. Заметка принадлежала Брюсову, отрицательно оценившему постановку драмы Бальмонта.

Впоследствии Н.Н. Вашкевич занимался режиссерской и педагогической работой в театральных и кино студиях ("Жизнь искусства". 1926. № 2. С. 20), выступал на эстраде как "трансформатор" (Новый зритель. 1928. № 11. С. 11).

⁵ После приезда в Париж Гумилев отправил Брюсову четыре стихотворения в п. 5 и два в п. 6.

⁶ Выражение "рыцари Весов", может быть, принадлежало И.И. Щукину, сотруднику журнала, проживавшему в то время в Париже и встречавшемуся с Гумилевым (см. п. 10, прим. 9).

⁷ Впервые: Гумилев Н. Неизданное и несобранное. С. 14–15. В рукописи Брюсов в первой строфе подчеркнул неудачное слово "сабль" вместо "сабель" Это же стихотворение 2 октября 1906 г. Гумилев послал В.И. Анненскому-Кривичу (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1а).

9. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 ноября / 7 декабря (1906 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите, что я Вас положительно забрасываю своими письмами, но Вы просили всех моих стихов, а я не виноват, что на днях написал еще два. Но что еще невежливее с моей стороны – это мои бесконечные просьбы. Увы, я не могу от этого отделаться, потому что Вы – единственный человек в России, интересующийся моими стихами. Так и теперь, я хотел бы Вас просить направить в "Золотое Руно" все стихи, одобренные Вами, но не могущие почему-либо быть напечатанными в "Весках". Мне было бы очень приятно сотрудничать и там. Прощайте, не сердитесь и напишите хоть открытку. А то я объясняю Ваше долгое молчанье тем, что Вам не понравилось что-нибудь в моих письмах. Заранее извиняюсь за все.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА¹

Над высокою горою
Поднимались стены замка,
И река вилась змеею,
Как причудливая рамка.

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины,
Принц, на днях еще из детской,
Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой двorni.

И павлины, точно феи,
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шеи,
Похваляясь хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий,
Отогнав свою дремоту.

Он кричит в смешном испуге,
Кудри смялись, развились:
"Гей, вы там, постойте слуги,
Принц, не езд, воротися!

За пределами Веледа
Есть запретные дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Неоромантическая сказка.

Надъ высокою горою
Поднимались стѣны замка
И рѣка вилась амбеею
Какъ причудливая рамка.

Ночью солнце тамъ дремало,
Нѣтъ въ томъ замкѣ былъ обычай
И онъ звался замкомъ Далло,
Лебедей и Горныхъ Кличей.

Въ замкѣ были властелины —
Принцъ, на дняхъ еще изъ дѣтской,
Золотистые павлины
И янтарный дворецкій.

Въ залѣ гордыхъ восклицаній
Много копій и ариаконъ,
Чтобъ охотиться на дачей
И рыкающихъ кабановъ.

Были выписаны своры
Песовъ, высонихъ и красивыхъ
И рожки, что звали въ горы
Въ серебристыхъ переливахъ.

Виль принявши могодецкій,
Принцъ несется на охоту,
Но за нимъ бѣжитъ дворецкій,
Отгонявъ свою дремоту.

“СИРИУС”, 1907, № 2

Заставка к стихам Н.С. Гумилева по рисунку М.В. Фармаковского

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы.

Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают воробы”.

Принц не слушает и мчится,
Белый панцирь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет

И скача из рощей в рощи,
Он вошел в страну страданья,
Где, как папоротник тощий,
Вырастают заклинанья.

Там жилище людоеда,
Скал поднялись уступы,

И, трофей его победы,
Тлеют брошенные трупы.

Там, как сны необычайны,
Поднимаются удавы...
... Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не старается он вынуть
Меч сверкающий из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Чтобы вызвать носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в пещерном мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел, нечаян,
В замок зла и заклинаний,
И испуганный хозяин
Был потащен на аркане.

В час красивый и вечерний
В замок Лалло, Горных Кличей,
На потеху праздной черни
Принц является с добычей.

Все, дивясь его победам,
Принца сравнивают с богом,
Пред бессильным людоедом,
Пред убитым носорогом.

Принц, смеясь и похваляясь,
Выступает пред зверинцем,
И дворецкий, ухмыляясь,
Поспешает вслед за принцем.

¹ "Неоромантическую сказку" Гумилев опубликовал в издаваемом им в Париже журнале "Сириус" (1907, № 3) под псевдонимом "К-о" и с добавлением одной строфы и другой концовкой:

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

"Неоромантическая сказка" не вошла в первое издание "Романтических цветов", но была включена во второе и третье издания сборника.

10. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 26 декабря 1906) 8 января 1907 г.¹

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждениями о рифмах и размерах. Оно сказало мне то, что я и раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли еще не проникли в мое сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я ее принимаю вполне. Мой демон нашептывает мне еще разные мелкие сомнения, но я отложу их до нашего свидания, тем более, что, как я слышал, Вы собираетесь приехать в Париж². Очень благодарю за сообщенные адреса³, но боюсь, что они окажутся мне бесполезны. Дело в том, что я получил мистический ужас к знаменитостям, и вот почему. Я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич⁴. И однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там, кроме Зинаиды Ник., были еще философов⁵, Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас же скрылся. Остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философско-политических убеждениях. Я смутился, потому что, чтобы рассказать мое мировоззрение стройно и ясно, потребовалась бы целая речь, а это было невозможно, так как интервьюирование велось в форме общего разговора. Я отвечал, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недоказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом⁶ – оказалось неправильным. Учеником Вячеслава Иванова – тоже. Последователем Сологуба – тоже. Наконец, сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром⁷, или что-то в этом роде. Разговор продолжался, и я надеялся, что меня подведет под какую-нибудь пятую рамку. Но на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. сказала ему: "Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара". Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, стал у стены и начал отрывисто и в нос: "Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти Вас, так как Вы стоите над пропастью. Но ведь это..." тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: "дело неинтересное?" И он откровенно ответил "да", и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я сидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал. В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый.

З.Н. ГИППИУС

Фотография. 1903

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Теперь я боюсь идти и к Гилю⁸.

Зато я нашел самый радужный прием у бывшего сотрудника “Весов” Щукина⁹. У него я познакомился с Минским¹⁰ и, может быть, познакомлюсь и с Бальмонтом.

Теперь приступаю к самому главному. Несколько русских художников, живущих в Париже¹¹, затеяли издавать журнал, художественный и литературный. Так как среди них пишу я один, то они уговорили меня взять заведование литературной частью с титулом редактора-издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. Он будет выходить еженедельно размером в один или два печатных листа. Его небольшой размер почти дает мне возможность надеяться избежать ошибок и неловкостей, которые могут произойти от моей неопытности¹².

Теперь, Валерий Яковлевич, если бы Вы могли дать нам что-нибудь свое – стихотворение, рассказ или статью¹³, – Вы еще раз доказали бы свою бесконечную доброту ко мне. К несчастью, дело настолько молодое, что мы ничего не можем сказать о гонораре. Мы, его устроители, работаем совершенно бесплатно. Если же Вас смутит Ваше незнание идей журнала, то Вы могли бы, прислав что-нибудь, подождать первого номера и потом телеграммой известить меня, согласны Вы на помещение Вашего материала или нет. Таким образом не будет неприятной задержки.

Я с радостью увидел, что после этих месяцев усиленной работы над стилем прозы, у меня начинает выходить что-то почти удовлетворительное. У меня в голове начинают рождаться интересные сюжеты и обстановки для рассказов и повестей. Надеюсь, что недели через три я пошлю что-нибудь “прозаическое” для “Весов”¹⁴.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

¹ Предыдущее письмо Гумилева не сохранилось, от него уцелел лишь конверт с парижским шт. 31.12.1906. Скорее всего в нем находилась драма “Шут короля Батиньоля”, которую Гумилев обещал “прислать очень скоро” (см. п. 8).

² Возможно, что Брюсов собирался посетить Париж вместе с родителями (см. п. 11, прим. 3).

³ См. п. 5, прим. 13.

⁴ В. Миклулич – псевдоним романистки Лидии Ивановны Веселитской (1857–1936). Она была знакома с семьей Гумилевых. В 1906 г. Гумилев вписал ей в альбом стихотворение, помеченное “1905, 17 октября” – т.е. день царского манифеста:

Захотелось жабе черной
Заползти на царский трон,
Яд жестокий, яд упорный
В жабе черной затаен.

Двор смущенно умолкает,
Любопытно смотрит голь,
Место жабе уступает
Обезумевший король.

Чтоб спасти свои седины
И оставшуюся власть,

Своего родного сына¹⁵
Он бросает жабе в пасть.

Жаба властвует сердито,
Жаба любит треск и гром,
Пеной черной ядовитой
Все обрызгала кругом.

После, может быть, прибудет
Победитель темных чар,
Но преданье не забудет
Отвратительный кошмар.

Комментарий Л.И. Веселитской-Миклулич: “Когда он написал мне в альбом это стихотворение, я подумала, что его можно истолковать двояко, и спросила самого поэта: как это понять, Николай Степанович? Он помолчал и сказал: а как хотите, так и понимайте” (ИРЛИ. Ф. 44. Ед. хр. 22. Л. 73).

⁵ Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) – публицист и критик, близкий друг Гиппиус и Мережковского.

⁶ О мистическом анархизме см.: ЛН. Т. 85. С. 284 (статья К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова «Брюсов и “Весы”»).

⁷ Поэт Бетнуар – вымышленное имя, скорее всего образованное от французского выражения *bête noire* (пугало). В своих мемуарах Андрей Белый позднее вспоминал: “Николаю Степановичу, вероятно, запомнился вечер тот; все же – он поводы подал к насмешке: ну, как это можно, усеявшись сонным таким судачком, – равнодушно и мерно патетикой жарить; казался неискренним – от простодушия; каюсь, и я в издательства Гиппиус внес свою лепту...” (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 157).

⁸ О Рене Гиле см. наст. том. Переписка с Волошиным, п. 9, прим. 1–2.

⁹ Иван Иванович Щукин (1869–1908) – искусствовед, профессор филологии, живший постоянно в Париже с 1893 г. В “Весках” опубликовал 16 рецензий, автор книги “Парижские акварели” (СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901). А. Белый описал его так: «...Иван Иванович Щукин, брат капиталиста московского; тот был брюнет; этот – бледный блондин; тот живой; этот – вялый; (...) в “Весках” появился ряд корреспонденций о Лувре за подписью “Щукин”, написанных остро, со знанием дела; Иван Иванович служил в Лувре; он был награжден красной ленточкой (знак “легиона” почетного); он, давно переехав в Париж, у себя собирал образованных снобов, ученых, артистов, писателей» (Белый А. Между двух революций. С. 155). Страстный коллекционер картин, Щукин истратил все состояние на покупку произведений искусства. Накануне банкротства он покончил с собой (см.: Белов Е. На аукционе картин И.И. Щукина // Русское слово. 1908. № 136. 13 июня).

¹⁰ Минский находился в 1906 г. в Париже как политический эмигрант. Встреча, по-видимому, была мимолетной – позднее Минский вспоминал о знакомстве с Гумилевым в 1914 г. в Петербурге (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 1).

¹¹ Речь идет о Мстиславе Владимировиче Фармаковском (1873–1946) и А.И. Божерянове, отвечавших за критический и художественный отделы двухнедельного журнала искусства и литературы “Сириус”. Кроме них, в оформлении журнала принимали участие художники Семен Исаакович Данишевский (1870–1944; № 1), Яков Иванович Николадзе (1876–1951; № 1) и А. Финкельштейн (№ 3). Вышло всего три номера, причем в последнем составе редакции Божерянов не значился.

В статье “М.В. Фармаковский. Artiste-peintre. (Письмо из Парижа)” Гумилев писал: “Всякий, кто впервые войдет в ателье Фармаковского и хотя бы даже рассеянно взглянет на его рисунки, испытает странное чувство. Ему покажется, что не на холсте или бумаге, а в его собственном мозгу возникли эти невиданные пейзажи, с деревьями и цветами, похожими на грезы больного индуса. Эти образы, странные, почти нелепые, но нарисованные с той страшной реальностью, которая пугает больше всякой фантастичности. (...) Все эти картины скрывают какой-нибудь декоративный фокус, искусно спрятанный и потому особенно ценный. Эта вторая половина творчества Фармаковского доказывает, что если он и вызывает нечистых чу-

довищ, то умеет побороться с ними и победить их, и выйти к невысказанно ярким цветам другого берега... И мечом ему служит могучая техника!..” (В мире искусств. Киев, 1907. № 22–23. С. 20). О М.В. Фармаковском см.: Сообщения ГРМ. Л., 1947. Вып. 2. С. 48–49; *Нежданова А.В.* Материалы и исследования. М., 1967. С. 29; 33; Революция 1905–1907 годов и изобразительное искусство. М., 1981. Вып. 3. С. 126.

¹² А.А. Горенко в письме к С.В. фон Штейну 13 марта 1907 г. сообщала: «Зачем Г(умилев) взялся за “Сириус”? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастлив наш Микола перенес, и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Г(умилева) затмение от Господа. Бывает» (*Голлербах Э.* Из воспоминаний о Н.С. Гумилеве // Новая русская книга. 1922. № 7. С. 38).

¹³ Брюсов в “Сириусе” не публиковался.

¹⁴ В 1907 г. в “Весех” проза Гумилева не печаталась.

11. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 1/14 февраля 1907 г.¹)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за книгу и за портрет². Я вчера был у Ваших родителей³, и они были так добры, что показали мне две Ваши фотографические карточки. Так что я теперь имею довольно полное представление о Вашей наружности, и мне хочется, чтобы Вы имели такое же представление о моей⁴.

К сожалению, я не могу Вам прислать моей фотографической карточки, потому что я почти никогда не снимался и чувствую инстинктивное отвращение к фотографии. Зато один мой знакомый художник обещал сделать мой портрет, и когда он будет готов, я его пришлю Вам⁵.

Относительно книги, меня удивляет, как Вы не получили моей открытки, которую я послал Вам тотчас же по получении ее. Многое отсюда я уже знал и любил, как напр., “Республику Южного Креста”⁶ и “Теперь, когда я проснулся”⁷. Из незнакомых мне больше всего понравились “Последние мученики”⁸, вещь удивительная по выполнению. Я даже думаю, базируясь на этой вещи, написать для нашего “Сириуса” статью о стильной прозе⁹. Зато меня огорчило присутствие в книге “Мраморной головки”. Зачем и как попал этот недурной рассказ в книгу, составленную из жемчужин, более или менее чистых, но всегда настоящих.

Кстати, о нашем журнале “Сириус”. Дня через три я посылаю Вам первый номер. Может быть, Вы найдете возможным что-нибудь о нем написать в “Весех”¹⁰. Я сам прекрасно сознаю его многочисленные недостатки, маленький размер и случайность материала. Но первый номер не может быть боевым, чтобы не запугать большой публики. Потому что каждый журнал является учителем какого-нибудь отдельного мировоззрения, не единственно возможного и правильного, но только освещающего жизнь и искусство с новой, одному ему свойственной точки зрения¹¹. И поэтому надо, подобно философам Александрийской школы, исподволь приучать публику смотреть на вещи глазами редактора. Я надеюсь, что последующие номера яснее выразят наши намерения.

Теперь я должен оправдаться перед Вами в моей кажущейся лени, с которой я не присылаю в “Весы” ничего, кроме стихов. Но не забывайте, что мне только двадцать лет, и у меня отсутствует чисто техническое умение писать прозаические вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, все идет стройно и красиво, но когда я подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какою-нибудь. И я опять спешу в библиотеки, стараюсь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую интерность пера*.

Как раз в это время я работаю над старинными французскими хрониками и рыцарскими романами и собираюсь написать модернизированную повесть в стиле XIII или XIV века.

* скованность (от франц. interne – внутренний).

Вообще, мне кажется, что я уже накануне просветления, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, именно пойму, а не научусь, как надо писать. И тогда я заброшу Вас рукописями.

Из стихов я тоже не могу прислать ничего нового. Благодаря моим работам по прозе, я пришел к заключению о необходимости переменить и стихотворный стиль по тем приемам, которые Вы мне советовали. И поэтому все мои теперешние стихи не более чем ученические работы.

Теперь позвольте Вас просить, когда у Вас будет время и охота, написать мне, какие мои вещи пойдут в "Весы", чтобы я мог направить остальные в другие места.

Я Вам бесконечно благодарен, что Вы не переменили своего мнения обо мне, как о человеке, и прислали мне такое милое письмо после отзыва г-жи Мережковской, наверно, очень недоброжелательного¹². И я надеюсь, что при нашем свидании, которое очень возможно, так как я думаю вернуться в Россию¹³, я произведу на Вас менее несимпатичное впечатление. В противном случае это было бы очень грустно, потому что тогда совсем окончились бы мои сношения с моими учителями в деле искусства¹⁴.

Простите за такое длинное письмо.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

¹ В письме проставлена дата: 14 января. Однако вложено оно в конверт с парижским шт. 18-2-07 и московским шт. 8-2-07. По всей видимости, Гумилев ошибся и обозначил уже прошедший месяц. В противном случае непонятно, как можно было за несколько дней подготовить к печати первый номер журнала "Сириус", о замысле которого сообщалось в п. 10.

² Гумилев благодарит Брюсова за сборник рассказов "Земная ось" (М.; Скорпион, 1907) и за фотографию портрета, выполненного М.А. Врубелем в 1906 г. для "Золотого руна".

³ Я.К. Брюсов в январе-июле 1907 г. лечился во Франции. В феврале 1907 г. В. Брюсов писал отцу в Париж:

Парижанин новоявленный,
Вспомни град, тобой оставленный,
Здесь все то же до сих пор!
Все мы ждем, теряя веру,
Конституцию, холеру,
Патриарха и собор

(ГБЛ. Ф. 386, 69.16. Л. 9).

До начала февраля 1907 г. вместе с Я.К. Брюсовым в Париже была и Матрена Александровна. 10 февраля она вернулась в Москву, но в мае снова выехала во Францию, чтобы сопровождать тяжело больного Якова Кузьмича при возвращении на родину (ГБЛ. Ф. 386, 142.9. Л. 6).

⁴ С.К. Маковский, познакомившийся с Гумилевым после его возвращения из Франции в 1908 г., описывает его так: «По наследству от предков Гумилев не получил ни красоты, ни физической силы, ни цветущего здоровья. Казался почти хилым. Может быть, это отчасти и вызывало ставшую его "второй натурой" позу мужественной непоколебимости. Держался он на вытязку, поворачивая голову медленно и ступал твердо, всей ступней, хоть и косолапил слегка; говорил, картавя, не выговаривая ни "л", ни "р", с остановками, словно задерживая слова, чтобы они звучали внушительнее» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // "Новый журнал". 1956. № 46. С. 157-158).

⁵ Скорее всего, речь идет о Мст.В. Фармаковском, создавшем явно стилизованный портрет Гумилева во фраке. Портрет датируется 1908 г.

⁶ Рассказ "Республика Южного Креста" опубл.: Весы. 1905, № 12; 1906. № 1.

⁷ Рассказ "Теперь, когда я проснулся" опубл.: СЦ. 1902.

⁸ "Последние мученики" - единственный рассказ сборника "Земная ось", ранее не издававшийся.

⁹ Этот замысел остался нереализованным.

¹⁰ В "Весы" о "Сириусе" не было никаких заметок.

¹¹ В редакционном предисловии первого номера "Сириуса" говорилось: "Мы дадим в нашем журнале новые ценности для изысканного миропонимания и старые ценности в новом аспекте".

¹² Брюсов в письме к З.Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. спрашивал: "Был ли у Вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго - да" (ЛН. Т. 85. С. 689). У Гиппиус от визита Гумилева осталось весьма неблагоприятное впечатление, о котором она сообщила Брюсову: «О Валерий Яковлевич! Какая ведьма "сопряла" вас с ним? Да видели ли уже Вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сен-тенции - старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. "До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные". После того как он надел цилиндр и удалился, я нашла № "Весов" с его стихами, желая хоть гениальностью

его строк оправдать ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, – выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?» (Там же. С. 691). С таким же пренебрежением упоминает Гумилева Д.В. Философов в статье “Дела домашние”: “Г-да декаденты страшно боятся, как бы их не перепутали. Мы не только должны твердо знать, что Балтрушайтис с Ликиардопуло не похожи на Гумилева (есть и такой), но помнить, в дружбе ли они между собой или в соре” (Товарищ. 1907. № 379. 23 сент.). Позднее З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и Д.В. Философов в драме “Маков цвет” (СПб., 1908) изобразили визит Гумилева, выведя его, как свидетельствует А. Кондратьев (Последние известия. Ревель, 1927. № 48. 20 февр.), под именем Ивана Ивановича Гущина: “Очень юный поэт, высокий, лицо мертвенное. Голос подкошенный, шеей не ворокает от подпирающих его воротничков”.

¹³ Приезд Гумилева в Россию, очевидно, был связан с тем, что в начале 1907 г. А.А. Горенко (Ахматова) дала согласие выйти за него замуж. 2 февраля 1907 г. она писала С.В. фон Штейну: “Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните, у В. Брюсова:

Сораспята на муку,
Враг мой давний и сестра!
Дай мне руку! Дай мне руку!
Меч взнесен! Спеши! Пора!”
(Новый мир. 1986. № 9. С. 202).

Через несколько дней в письме к тому же адресату: “Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне – я так безумно счастлива” (Там же. С. 203).

¹⁴ Намек на Бальмонта (см. п. 5).

12. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 11/24 марта 1907 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Только вчера я получил Ваше большое и милое письмо, где Вы разбираете мои стихотворения. Тысячу раз благодарю Вас за него: благодаря ему мои горизонты начинают проясняться, и я начинаю понимать, что мне надо делать, чтобы стать поэтом. Вы, наверное, не можете представить, сколько пользы принесло оно мне. Я последнее время сильно отвлекся от поэзии заботами о выработке прозаического стиля, занятиями по оккультизму и размышлениями о нем. Но Ваше письмо пробудило меня. Я поверил, что если я мыслю образами, то эти образы имеют некоторую ценность, и теперь все мои логические построения опять начинают облекаться в одежду форм, а доказательства превращаются в размеры и рифмы. Одно меня мучает и сильно – это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год, и очень обескураживает, что я не могу прочесть себе ни одно из моих стихотворений с таким же удовольствием, как напр., Ваши “Ахилл у алтаря”, “Маргерит” и др. или “Песню Офелии”¹ Ал. Блока. Не радует меня также, что и (у) больших поэтов есть промахи, свойственные мне. Я не сравниваю моих вещей с чужими (может быть, во вред мне), я просто мечтаю и *хочу* уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза. И если бы я не был адептом оккультизма, я вечно удивлялся бы случаю, который заставил Вас заинтересоваться моими стихами. Ваши стихи чаще всех других вызывают во мне эффект, о котором я мечтаю для своих. И некоторые Ваши строки как составная часть вошли не в мое мирозерцание (это было бы слишком мало), но в формулировку смутных желаний моего астрального тела и, следовательно, в мою истинную личность. Таковы, например:

“Пора помыслить о победе
Над темным гением судьбы”.

или

“Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб, любя...
Блажен, кто ведал посмеянье
И стыд и гибель за тебя”².

и другие.

Я много ожидаю от встречи с Вами, которая, может быть, скоро состоится, так как через месяц я думаю ехать в Россию и тогда постараюсь приехать дня на два в Москву³.

Теперь, я надеюсь, Вы уже получили "Сириус"⁴. Если же нет, то напишите об этом одно слово, я высылаю его в третий раз и начинаю ссору с почтой. Если будет время и желание, напишите несколько слов, как Вы нашли мою прозу. Вам я открою инкогнито: Анатолий Грант – это я⁵. Что же мне было делать, если у нас совсем нет подходящих сотрудников. Приходится хитрить, и истина об Анат. Гранте – тайна даже для моих компаньонов.

Я очень огорчен нашей художественной критикой, но, увы, я не свободен. Меня с моими компаньонами связывают прежде всего денежные счета⁶.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

P.S. Слово, которое Вы не разобрали, было "мой лживый, нежный..."⁷

¹ Стихотворения Брюсова "Ахиллес у алтаря" (I, 390) и "Маргерит" (I, 406) вошли в сборник "Венок". Стихотворение Блока "Песня Офелии" ("Он вчера нашептал мне много..."), опубл. в журнале "Новый путь" (1904, № 11), позднее вошло в сб. "Нечаянная радость" (М.: Скорпион, 1907). Другое, более раннее стихотворение Блока с таким же названием ("Разлучаясь с девою милой...") было опубл. в альманахе "Корона" только в 1908 г.

² Цитируются стихотворения Брюсова "Последний пир" (I, 403) и "Антоний" (I, 392), опубл. в журнале "Вопросы жизни" (1905, № 7) и включенные в сб. "Венок".

³ См. п. 3, прим. 9.

⁴ Речь идет о втором номере журнала. 13 марта 1907 г. А.А. Горенко (Ахматова) сообщала С.В. фон Штейну: «Мое стихотворение "На руке его много блестящих колец" напечатано во втором номере "Сириуса", может быть, в третьем появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории» (Новый мир. 1986. № 9. С. 205).

⁵ Под псевдонимом Анатолий Грант в № 2 "Сириуса" было напечатано эссе "Карты", а в № 3 – "Вверх по Нилу. (Листы из дневника)".

⁶ По всей видимости, Гумилев не разделял взглядов М.В. Фармаковского на выставку русского искусства в парижском Осеннем Салоне, высказанных им в 1 и 2 номерах "Сириуса" (см. п. 6, прим. 3). Однако несмотря на то что Гумилев формально был редактором-издателем (см. п. 10), фактически хозяином журнала являлся Фармаковский, на деньги которого издавался "Сириус".

⁷ Неразборчиво написано слово "лживый" в стихотворении "Мне было грустно, думы обступили...", приложенном к п. 6.

13. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 1 мая 1907 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не писал Вам почти два месяца, но в этом виноваты обстоятельства моей личной жизни¹, не дававшие мне времени заняться перепиской, а тем более литературой. Как Вы видите по штемпелю, я уже в России и мой новый адрес: Царское Село, Коношенная ул., д. Белозерова.

К несчастью, я боюсь, что мне не удастся ехать в Москву, но если, благодаря какому-нибудь счастливому случаю, Вы будете в Петербурге, я надеюсь, что Вы не откажете мне сообщить, когда и где я смогу увидеть Вас. Опять за границу я думаю ехать в конце июня.

Я посылаю Вам три моих новых стихотворения, из которых два первых написаны по Вашим указаниям. Может быть, Вы возьмете что-нибудь для "Весов"².

Простите меня за долгое молчание.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Может быть, Вас не затруднило бы дать мне рекомендательное письмо к Ал. Блоку, которого Вы, наверно, знаете. Его "Нечаянная Радость" заинтересовала меня в высшей степени³.

Н.Г.

ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬВОВОЛА

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне?
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожавшем мерцании свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копыя и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в наш дом,
И зачем был так суров и долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, многого не знаю,
Я еще так молода,
Но я все же плачу и рыдаю,
И мечтаю всегда⁴.

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал
И скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

Да, я знал, оно жило и пело давно.
В дикой буре его сохранялась печать.
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну,
Я не смел подойти и не мог отойти,
И не в силах был словом порвать тишину.

* * *

Слушай веления мудрых,
Мыслей пленительных танец,
Бойся у дев златокудрых
Нежный заметить румянец.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сон виноградин,
Вспомни, нет муки огромней,
Нету тоски безотрадной.

От непостижного скройся,
Страшно остаться во мраке,
Ночью весеннею бойся
Рвать заалевшие маки.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным,
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока,
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи,
Мудрые, старые книги,
Знающих тихие речи.

Н. Г у м и л е в.

¹ Весной 1907 г. планы женитьбы Гумилева расстроились из-за болезни А.А. Горенко. Осенью того же года она писала фон Штейну: "Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез" (Новый мир. 1986. № 9. С. 206). Очевидно, после возвращения в Россию Гумилев приезжал в Киев, где Анна Андреевна заканчивала гимназию, для решительного объяснения. Отказ тяжело переживался Гумилевым.

² Первое стихотворение вошло в сб. "Романтические цветы", а затем в "Жемчуга" (М.: Скорпион, 1910). Два других впервые опубли.: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 85–86.

³ Знакомство Гумилева с Блоком состоялось позднее. Вероятно, впервые они встретились на "среде" у Вяч. Иванова 26 ноября 1908 г., на которой разбирались стихи Гумилева (см. п. 50). Первое упоминание Блока о Гумилеве относится к 26 марта 1910 г. (Записные книжки. М.: Худож. лит., 1965. С. 170). Сборник Блока "Нечаянная радость" вышел в декабре 1906 г.

⁴ На экземпляре первого издания "Романтических цветов" из библиотеки Брюсова им к последней строфе этого стихотворения была сделана помета: "Неплохо. Блок" (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27–28. С. 674).

14. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 21 июля / 3 августа 1907 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Если бы Вы знали, как глубоко я сознаю мою вину перед Вами. После Вашего любезного приема¹, после всего, что Вы сделали для меня, не писать Вам в продолжение двух месяцев – это преступление, которому нет равных. Но, честное слово, все это время я был по выражению Гофмана (не гоголевского ремесленника и не русского поэта, а настоящего, немецкого)² игралищем слепой судьбы³. Я думаю, что будет достаточно сказать, что после нашей встречи я был в Рязанской губернии, в Петербурге, две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе⁴ и только вчера, не знаю как, не знаю зачем, очутился в Париже. В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознание последовательности и цели, когда невозможно представить своего “завтра” и когда все кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном⁵.

Все последнее время я находился как раз в этом периоде. Поэтому простите меня и напишите, как Вы обещали, о впечатлении, произведенном мною на Вас⁶. Это будет более чем полезно для меня, потому что я не имею никакого понятия о самом себе. А то немногое, (что) я думаю об этом вопросе, так нелестно для меня, что всякое другое мнение способно привести меня в восторг. Это не скромность, и в минуты самонадеянности я объясняю это дурной привычкой всегда сравнивать себя с людьми, стоящими много выше меня. Поэтому помогите мне и теперь, как Вы помогали мне раньше в других вопросах.

Я собираюсь издать вторую книгу моих стихов, напечатав ее здесь и переслав для продажи в Россию⁷. Для распространения ее там я думаю воспользоваться “Обществом распространения печатных изд.”, но если бы можно было устроить, чтобы за это взялся “Скорпион”, как он это сделал для “Ор”⁸, то, конечно, я не просил бы ничего лучшего и заранее принял бы все условия. Я хотел бы знать, посоветуете ли Вы мне обратиться с этим к г-ну Полякову⁹.

За последнее время я писал довольно много, и некоторые из моих стихов почти удовлетворяют меня. Я посылаю Вам одно не для печати, потому что оно скоро появится в сборнике, а из чисто ребяческого желания похвастаться своим прогрессом. Не осудите же меня за мой дурной вкус, и вспомните, что я считаю его недурным только для меня.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Юный маг в пурпуровом хитоне¹⁰
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
И смущались гордые трибуны,
И дрожали черные рабы.

А царица, наклонясь с ложа,
Радостно играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Задыхаясь в несказанном блюде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

И когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

Р.С. Поклонитесь, пожалуйста, от меня м-г Ликиардопуло, я с удовольствием вспоминаю нашу встречу¹¹.

Мой адрес: Paris, rue Bara, 1. Nicolas Goumilleff.

¹ Точные даты встреч Брюсова и Гумилева, состоявшихся в первой половине мая 1907 г., установить не удалось.

² Имеются в виду: 1) персонаж повести "Невский проспект" Гофман – "довольно хороший сапожник с Офицерской улицы"; 2) поэт Виктор Викторович Гофман; 3) немецкий писатель и композитор Эрнест Теодор Амадей Гофман (1776–1822).

³ В переводе Н.А. Славятинского цитируемая фраза звучит так: «Мое собственное "я", игралище жестоких и прихотливых случайностей, распавшись на два чуждых друг другу образа, безудержно неслось по морю событий, коего бушующие волны грозили меня поглотить» (Гофман Э.Т.А. Эликсиры сатаны. Л.: Наука, 1984. Ч. 1, гл. 2. С. 46).

⁴ Очевидно, Гумилев гостил в имении "Березки" (см. п. 4), потом приезжал к А.А. Горенко в Севастополь. Он снял комнату в соседнем доме и уговаривал Анну Андреевну уехать вместе с ним (см.: Haight A. Anna Akhmatova. – A poetic pilgrimage. Oxford, 1976. P. 13). Затем Гумилев отправился во Францию морским путем. Возможно, по дороге он посетил также Египет, о чем свидетельствует стихотворение, написанное в 1917 г. и посвященное знаменитому каирскому саду "Эзбек-ки" ("Как странно – ровно десять лет прошло / С тех пор, как я увидел Эзбекию..."), хотя А.А. Ахматова относит это посещение к 1908 г. (см.: Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 418).

⁵ Скорее всего, об этом путешествии вспоминает невестка Гумилева: «Впоследствии поэт с восторгом рассказывал обо всем виденном: как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувилле за попытку пробраться на пароход и проехать "зайцем". От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь постфактум. Поэт заранее написал письма родителям, и его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа» (Гумилева А. Н.С. Гумилев // Новый журнал. 1956. № 46. С. 112–113).

⁶ Впечатление, произведенное Гумилевым, отражено в брюсовском дневнике: «Одет довольно изящно, но неприятное впечатление производят гнилые зубы. Часто упоминает о "свете"» (Дневники. С. 138).

⁷ Речь идет о "Романтических цветах".

⁸ Петербургское издательство "Оры", руководимое Вяч. Ивановым, пользовалось для распространения своей продукции в Москве услугами издательства "Скорпион".

⁹ В архиве С.А. Полякова письмо Н.С. Гумилева не обнаружено.

¹⁰ Вошло в "Романтические цветы" под заглавием "Заклинание" и с добавлением одной строфы, которая стала в окончательном тексте второй:

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

¹¹ По всей видимости, встреча с Ликиардопуло произошла при посещении Гумилевым издательства "Скорпион" (см.: Дневники. С. 138).

М.Ф. ЛИКИАРДОПУЛО

Фотография из альбома Б.А. Садовского. 1910-е годы.

С дарственной надписью (М.А. Волошину):

"Дорогому Макс в память дружбы и вражды
Мих. Ликиардопуло 18. X. 1911"

Центральный архив литературы и искусства, Москва

15. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 2/15 августа 1907 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ваше молчанье – совершенно справедливое возмездие для меня, но неужели оно продолжится вечно. Подумайте, что это может повергнуть меня в такое мрачное отчаянье, что я начну писать революционные стихи для “Перевала” и плагиаты-комплименты для “Золотого Руна”¹. И на Вашу совесть ляжет гибель юноши.

Теперь я хочу привести основания, по которым Вы могли бы меня простить: во-первых, Вы сами написали мне два года назад, что я поэт, и я не настолько слеп, чтобы не видеть, что я делаю успехи с каждым годом. А ведь Вы переписываетесь со мной не как с человеком, который по несчастной случайности оказался невежливым по отношению к Вам, а как с молодым поэтом, который еще не имеет установившихся взглядов на искусство и каждую минуту может потерять веру в себя. Неужели за невольный грех человека Вы допустите погибнуть поэту?

Второе мое оправданье в том, что я люблю Вас. Если бы мы писали до Р.Х., я сказал бы Вам: Учитель, поделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты не имеешь права скрывать от учеников. В средние века я сказал бы: Maître, научи меня дивному искусству песнопенья, которым ты владеешь в таком совершенстве. Теперь я могу сказать только: Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной, мне тяжело думать, что Вы на меня сердитесь.

Свой сборник я раздумал издавать, во-первых, потому, что я не доволен моими стихами, а, во-вторых, их слишком мало². Подожду еще год, а там, может быть, найду издателя. Поэтому я буду в восторге, если Вы пожелаете напечатать что-нибудь в “Весах”. Теперь я посылаю Вам кое-что новое.

Не забывайте меня. Ваш Н. Г у м и л е в.

Paris, rue Bara, 1

ИЗМЕНА³

Станный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я горел на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце – пламя жгучего пожара,
В мускулах – безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

И нежданно в темном перелеске
Я увидел стройный образ девы

И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

“Призрак счастья, белая невеста...”
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: “Ни с места”.
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Разъяренно-лающим собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими, неслышными шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

* * *

Царь, упившийся кипрским вином⁴
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

“Почему вы не пьете, друзья,
Этой первую полночью брачной?
Этой полночью радостен я,
Я – доселе жестокий и мрачный.

Все вы знаете деву богов,
Что владела богатою Смирной,
И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и мирной.

Ее лилии были нежны
И, как месяц, печальны напевы,
Я не видел прекрасней жены,
Я не знал обольстительней девы.

И когда мой открылся альков,
Я, властитель, смутился невольно,
От сверканья ее жемчугов
Было взорам и сладко и больно.

Не смотрел я на бледность лица,
Не того мое сердце хотело,
Я ласкал, я терзал без конца
Беззащитное юное тело.

Вы должны позавидовать мне,
О, друзья дорогие, о братья,

Я услышал, сгорая в огне,
Как она мне шептала проклятья.

Кровь царицы, как пурпур, красна,
Задыхаюсь я в темном недуге,
И еще мне несите вина,
Нерадиво-ленивые слуги".

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

* * *

ДИАЛОГ⁵

(между Одиссеем и Ахиллом)

О д и с с е й

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов – меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой наполнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных волос твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под синими кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен,
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле – телами убитых Ахеев.

Каждое утро страдания новые,
Вот, я раскрыл пред тобою одежды,
Видишь, как кровь убегает багровая,
Это не кровь, это – наши надежды.

А х и л л

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь Вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась и давит и мучит.

* * *

За часом час бежит и падает во тьму⁶,
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явленья волшебства – лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их спросил, но нет ни одного
Сильнее тайных сил флюида твоего.

Да, знание – сладкий мед, но знание ли спасет,
Когда закон зовет и время настает.

За часом час бежит, я падаю во тьму
За то, что мой флюид покорен твоему.

¹ "Перевал" – ежемесячный литературный журнал, редактируемый С.А. Соколовым-Кречетовым. Выходил в Москве в 1906–1907 гг. В первых же номерах журнала печатались острополитические статьи Н. Минского "Идея русской революции", А. Борового "Этическая ценность революционного миросозерцания" и др. В заметке "Писать или списывать" (Весы. 1907. № 3) Брюсов упрекал автора статьи "Сатана в музыке" И.А. С(аца) (ЗР. 1907. № 1) в заимствованиях из книги Э. Наумана "История музыки".

² В "Романтические цветы" (Париж; изд. автора, 1908) было включено 32 стихотворения.

³ Стихотворение “Измена” с незначительными разночтениями вошло в “Романтические цветы”. В третьем издании сборника – под заглавием “Ягуар”.

⁴ Впервые опубли.: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 87.

⁵ “Диалог (между Одиссеем и Ахиллом)” вошел в первое издание “Романтических цветов”, однако исключен из 2-го и 3-го. В экземпляре сборника, хранившемся в библиотеке Брюсова, им были сделаны следующие пометки к этому стихотворению: в стихе 10 подчеркнуто “лилеет” и на поле пометка – “опечатка”; в стихе 11 подчеркнуто “дебри” и на полях вопрос – “Где там были дебри?” К заключительной строфе на полях помета – “Плохо и неясно” (*Пуришева К.* Библиотека Брюсова // *ЛН*. Т. 27–28. С. 673–674).

⁶ Впервые опубли.: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 88–89.

16. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 августа/ 6 сентября (1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень благодарю Вас за Ваше письмо; верьте, что я никогда бы не надоедал Вам так с просьбами об ответе, если бы это не было после нашего первого свиданья. Я серьезно боялся не понравиться Вам. Но теперь я готов писать Вам месяцами, не ожидая ответа. Я в восторге от Вашей похвалы. Лучше действительно трудно похвалить поэта двадцати одного года. Но меня только удивило, что Вы взяли для “Весов” мою “Царицу Содомы”¹ – стихотворение, которое я очень не люблю и которое может показаться неловким подражанием Вашему “Близ медлительного Нила, там где озеро Мерида...” (цитирую на память)². Но, наверное, у Вас были основания поступить так, хотя я своими силами не могу догадаться о них.

Так как Вы обещали написать мне вскоре, то я хочу задать Вам несколько вопросов.

Какого Вы мнения о моей “Влюбленной в Дьявола”? Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих³ и которое мне не говорит ничего.

Потом, какое из моих стихотворений, присланных Вам этим летом и осенью, Вы считаете наиболее удачным? Ваш ответ поможет мне, наконец, разобраться в том, как мне надо писать стихотворения, до сих пор я понял только, как мне не надо их писать.

Очень благодарю Вас за письмо к Рене Гилю. Я пойду к нему через неделю, чтобы дать ему время получить Ваше письмо⁴.

Недели две тому назад, “обуянный жаждой славы”, я послал многие мои стихотворения в “Русскую мысль”, “Перевал” и “Русь”, приложив марки на ответы, но, увы, ответил только “Перевал”. Он взял моего злополучного “Крокодила” и “Измену”⁵. “Русская мысль” и “Русь” хранят гробовое молчание⁶.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы указали мне журналы или газеты, где я имел бы шанс быть напечатанным. Недели две после нашей встречи⁷ я опять был в Москве и заходил к Вам, но не застал Вас дома.

Посылаю Вам еще два стихотворения.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

... Что ты видишь во взоре моем⁸,
В этом бледно-мерцающем взоре?
... Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской,
Колебались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Измумрудно-блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огненное стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,

Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетаая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В отуманенном взоре твоём.

* * *

С корабля замечал я не раз,⁹
Как пучиной, где солнце лучится,
Как рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немим океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилия,
И на землю ее не вернут
Утомленные, белые крылья.

И когда заглянул я в твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я увидел в нем тот же позор,
Тот же ужас измученной птицы.

¹ Имеется в виду стихотворение "Маскарад" ("В глухих коридорах и залах пустынных..."), опублик. в "Весах" (1907, № 7). Пятая строфа в нем кончалась стихом: "Что зная тебя я, царица Содомы!" В письмах Гумилева этого стихотворения нет. Не исключено, что оно было передано Брюсову при встрече в Москве.

² Цитируется первая строка стихотворения "Встреча" ("Весы", 1907, № 5; I, 474).

³ Стихотворение "Влюбленная в Дьявола" послано было Брюсову в п. 13. Возможно, Гумилев в числе прочих имел в виду и оценку И. Анненского, который впоследствии писал об этом стихотворении: «Тема ясна и хорошо развивается: это придушенное семейное несчастье – истеричка-дочь, "влюбленная в дьявола". Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие ассонансы в чередовании с рифмами» (Речь. 1908. 15 дек. № 308). В черновике процитированной рецензии И. Анненский, по-видимому, сопоставлял это стихотворение с "Огненным ангелом" Брюсова: "Да, но ведь это только четыре звучных, четыре скользящих по голубому льду равнодушия и, может быть, даже иронии... строфы. Не роман, для которого надо рыться в процессах колдуний и в сочинениях алхимиков. Оцените же хоть это" (ЦГАЛИ. Ф. 6. Оп. I. Ед.хр. 201. Д. 3).

⁴ Визит Гумилева к Рене Гилло, намеченный уже давно (см. п. 10), состоялся 9 октября 1907 г. (см. п. 21).

⁵ Стихотворение "Крокодил" без заглавия было напечатано в "Переvale" (1907, № 11). О стихотворении "Измена" см. п. 15, прим. 3.

⁶ Стихотворения, посланные Гумилевым в журнал "Русская мысль", опубликованы там не были. "Русь" в еженедельном иллюстрированном приложении напечатала "С корабля замечал я не раз..." (1907, № 32, 21 авг.) и "За покинутым бедным жилищем..." (1907, № 33, 27 авг.).

⁷ Гумилев нанес Брюсову визит в начале июня 1907 г.

⁸ Стихотворение "Что ты видишь во взоре моем..." под заглавием "Корабль" было включено в сб. "Романтические цветы".

⁹ Стихотворение "С корабля замечал я не раз..." вошло в сб. "Романтические цветы" под заглавием "Воспоминание", о первой публикации см. прим. 6.

17. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва. 3/16 сентября 1907 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Вы просите указать на газеты и журналы, где могли бы печатать свои стихи. Предлагаю Вам московскую газету "Столичное утро". Ее литературным отделом (до некоторой степени, конечно) заведует мы, деятели "Весов", передавая туда стихи и рассказы, печатать которые у себя не можем по недостатку места¹. Если позволите, я передам туда два последних присланных мне Вами стихотворения: "Что ты видишь" и "С корабля"². "Утро" обещает сделаться газетой в литературном отношении приличной, и гонорары платит аккуратно. Правда, Вы по политическим убеждениям – правый, а она – левая, но ведь и "Русь" – левая, а Вы свои стихи в нее послали. Кстати:

Вы, кажется, не знаете, что стихи Ваши в “Руси” напечатаны были: не знаю точно, одно стихотворение или два³. Лично просил бы Вас только не предлагать стихов “Золотому Руну”, так как вся группа “Весов” решительно отказалась иметь какое-либо дело с этим журналом⁴.

О Ваших стихах, присланных мне, постараюсь сказать подробнее в следующем письме. Простите мою краткость, объясняемую крайней стесненностью во времени.

Ваш Валерий Брюсов.

3/16 сент. 1907

¹ Московская общественно-литературная газета “Столичное утро”, издаваемая С.Л. Кугульским, выходила с мая по октябрь 1907 г. Альянс сотрудников “Весов” с редакцией газеты “Столичное утро” был недолгим. 31 августа Брюсов обратился к Ф. Сологубу с просьбой о сотрудничестве со “Столичным утром”: «В сентябре “Столичное утро”, в литературной своей части, реформируется и обещает быть пристойным». (*Ежегодник 1973*. С. 111), но уже через три дня после настоящего письма Гумилеву Брюсов и Ликиардопуло подписали коллективное письмо группы литераторов о выходе из редакции “Столичного утра” (см.: “Русское слово”, 1907. № 206. 7 сент.). Очевидно, конфликт быстро уладился (см.: *ЛН*. Т. 92, кн. 1. С. 502), но вскоре издание было приостановлено в административном порядке.

² См. п. 16, прим. 6, 8, 9.

³ См. п. 16, прим. 6.

⁴ О конфликте Брюсова, Белого и др. с журналом “Золотое руно” см.: *ЛН*. Т. 85. С. 341, 696.

18. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 10/23 сентября 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за письмо и за указания относительно печатанья. Я буду очень рад помещать мои вещи в “Столичное утро”¹ и думаю, что для стихов и рассказов направление газеты мало играет значения. Только Вы предлагаете передать туда стихотворение “С корабля”, а оно было в числе без вести пропавших в таинственных глубинах редакции “Русь”, из которой я не получил ни одного слова. Я сегодня же напишу туда, а пока, может быть, Вы найдете возможным, передавая в “Столичное утро” стихотворение “Что ты видишь...”, прибавить какое-нибудь другое мое стихотворение, например, “Юный маг”, “Перчатка”, “Ахилл и Одиссей”, “Влюбленная в Дьявола”² или что-нибудь из настоящей присылки. Нельзя ли также устроить, чтобы мне высылали номера, где будут напечатаны мои вещи. Простите меня еще раз, что я так эксплуатирую Вашу доброту.

Я совершенно не помню, благодарил ли я уже редакцию “Весов” за гонорар, а Мих. Феод. Ликиардопуло за любезное письмо. Но последнее время я был болен и в разъездах, обе вещи в одно время, так что не очень смейтесь моей забывчивости.

Теперь я в русской литературе, как в лесу, получаю только одни “Весы”, да и то с большим запозданием через мою семью. Поэтому я был бы более чем в восторге, если бы “Весы” могли отправлять мне в счет будущего гонорара (как с них, так и со “Столичного утра”) самые крупные новинки, напр.: “Цветник Ор”³, Эме Лебеф⁴ и т.п. Но я боюсь, что это будет очень затруднительно.

Последнее время я опять с вождением подумываю о прозе и все собираюсь написать рассказ. Если будет хоть какая-нибудь возможность, я пришлю его Вам.

Пока посылаю Вам два новых стихотворения, но кажется, очень неудачные. Но я утешаю себя тем, что я решительно не способен отдать себе отчет в достоинствах или недостатках своих стихов прежде, чем я услышу чье-нибудь мнение о них. А в Париже у меня нет никого, способного оказать мне эту услугу.

Пока всего хорошего; еще раз благодарю Вас за Ваше доброе отношение ко мне; верьте, что я понимаю его важность, и это очень ободряет меня в моей работе.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Над тростником медлительного Нила⁵,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

“Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растения.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками,
Неправда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

Ее глаза светились изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови...”

По деревьям собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные безжалостные плети.

* * *

За стенами старого аббатства⁶
– Мне рассказывал его привратник –
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловеющий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но на утро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И на утро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

Н. Г у м и л е в.

¹ В “Столичном утре” стихотворения Гумилева не публиковались. См. п. 17, прим. 1.

² Стихотворения “Что ты видишь во взоре моем...” и “С корабля замечал я не раз...” были приложены к п. 16, “Юный маг в пурпуровом хитоне...” к п. 14, “Диалог (между Одиссеем и Ахиллом)” к п. 15 и “Влюбленная в Дьявола” к п. 13. Стихотворение “Перчатка” (“На руке моей перчатка...”) в архиве Брюсова не сохранилось. Возможно, Гумилев ошибся, забыв, что это стихотворение он послал не Брюсову, а в редакцию “Золотого руна” (см. п. 32, прим. 4). “Перчатка” опубли. без заглавия в “Романтических цветах”.

³ “Цветник Ор. Кошница первая” – альманах, выпущенный в мае 1907 г. издательством “Оры”, в котором было опубликовано стихотворение Брюсова “Одиночество”.

⁴ Имеется в виду повесть М.А. Кузмина “Приключение Эме Лебефа” (СПб., 1907), вышедшая в мае 1907 г. и посвященная К. Сомову. Рецензию на нее Брюсов поместил в “Весах” (1907, № 7).

⁵ Стихотворение “Над тростником медлительного Нила...” опубликовано в газете “Раннее утро” (1907, № 10, 22 нояб.). В третьем издании “Романтических цветов” получило заглавие “Гиена”. Более поздний текст с незначительными разночтениями и пометой Брюсова “недушно” приложен к п. 23. На экземпляре “Романтических цветов” парижского издания, хранившихся в библиотеке Брюсова, им были перечеркнуты в 6 стихе слова “грешная сирена” и на полях записан вопрос: “Что это такое?” (Пуришева К. Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27–28. С. 673).

⁶ Впервые опубликовано, Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 89–90.

19. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж.

19 сентября/ 2 октября (1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыпятся. Сегодня посылаю Вам четыре новых. Если Вы захотели бы сохранить что-нибудь для “Весов” или “Столичного утра”, то напишите мне об этом, потому что огонь моей предприимчивости еще не погас, и я собираюсь писать все в новые и новые журналы.

В “Русь” я писал недели две тому назад и не получаю никакого ответа, несмотря на приложенную марку. Я решительно не знаю, что мне думать. Я все хвораю и настроение духа самое мрачное, вот почему я не был до сих пор у Ренэ Гиля. Но я боюсь, что не хватит места для стихов, и поэтому кончаю.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. За что меня больше не печатают в числе сотрудников “Весов”? Неужели я изгнан? Тогда почему же Георгий Чулков не написал мне приветственного письма¹.

Н.Г.

* * *

Дня и ночи перемены²
Мы не в силах превозмочь!
Слышишь дальний рев гиены?
Это значит – скоро ночь!

Я несу в мои пустыни
Слезы девичьей тоски,
Вижу звезды, сумрак синий
И сыпучие пески.

Лев свирепый, лев голодный,
Ты сродни опасной мгле,
Бродишь, Богу неугодный,
По встревоженной земле.

Я не скроюсь, я не скроюсь
От грозящего врага,
Я надела алый пояс,
Дорогие жемчуга.

Я украсила брильянтом
Мой венчальный белый ток

И кроваво-красным бантом
Оттенила бледность щек.

Подойди, как смерть, красивый,
Точно утро, молодой,
Потряси густою гривой,
Гривой светло-золотой.

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Ласку смерти приготовь,
Дай услышать страшный запах –
Темный, пьяный, как любовь.

Это тело непорочно
И не тронута людьми,
И его во тьме полночной
Первый ты теперь возьми.

Как куренья, дышат травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

ЦВЕТНИК ОР. КОШНИЦА ПЕРВАЯ.
1907

Обложка М.В. Добужинского

* * *

Улыбнулась и вздохнула,³
 Догадавшись о покое,
 И последний раз взглянула
 На ковры и на обои.

И чужие миру звуки
 Издалека наплывают,
 И незримый бисер руки,
 Задрожав, перебирают.

Красный шарик уронила
 На вино в узорный кубок
 И капризно омочила
 В нем кораллы нежных губок.

На ковре она трепещет,
 Точно белая голубка,
 А отравленная блещет
 Золотая влага кубка.

И живая тень румянца
 Заменялась тенью белой
 И, как в странной позе танца,
 Искривясь, поникло тело.

* * *

(Это стихотворение может служить продолжением предыдущего).

На камине свеча догорала, мигая,⁴
 Отвечая дрожаньем случайному звуку,
 Он, согнувшись, сидел на полу размышляя,
 Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
 Об обрывках давно миновавших событий,
 И шептал: "О, убейте меня, о, повесьте,
 Забросайте камнями, как пса, задавите!"

В набегающем ужасе странной разлуки
 Ударял себя в грудь, исступленьем объятый,
 Но не слушались жалко повисшие руки,
 И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
 Успокоит она, тишиной обнимая,
 И забудет он горы, равнины и реки,
 Где когда-то она проходила, живая!

Но предателем сзади подкралось раздумье,
 И он понял: конец роковой самовластью.
 И во мраке ему улыбнулось безумье
 Лошадиной, оскаленной пастью.

* * *

Под землей есть тайная пещера⁵,
 Там стоят высокие гробницы,
 Огненные грезы Люцифера —
 Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
 Но придет и властно взглянет в очи
 Смерть, старик угрюмый и костлявый,
 Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
 Понесет от башни и до башни,

Со стеклянным выпученным взором,
 Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в свою гробницу,
 Ты загредишь о небесном храме,
 Ты увидишь над собой блудницу
 С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе прикинуться,
 Целовать со злобой бесконечной,
 Ты не сможешь двинуться иль крикнуть...
 Это все! И это будет вечно!

Н. Гумилев.

¹ Фамилия Гумилева указывалась в числе ближайших сотрудников “Весов” начиная с № 12 за 1906 г. и кончая № 9 за 1909 г. Однако в тех случаях, когда фамилии сотрудников публиковались в конце журнала, а не в помещенном в нем каталоге книгоиздательства “Скорпион”, иногда фамилия Гумилева отсутствовала, так было в номерах: 2, 6 и 7 за 1907 г., 2 и 7 за 1908 г. и 5 за 1909 г.

Фамилия Чулкова, как участника журнала, печаталась регулярно с № 2 за 1904 г. по № 1 за 1907 г. Статьи Брюсова «“Вехи”, IV. “Факелы”» (Весы. 1906. № 5) и «“Вехи”. V. “Мистический анархизм”» (Весы. 1906. № 8), подписанные псевдонимом Аврелий и направленные против Георгия Чулкова, послужили началом острой полемики. Если бы Гумилев порвал с “Весами”, то Чулков, вероятно, постарался бы привлечь его на свою сторону.

² Стихотворение “Дня и ночи перемены...” под заглавием “Невеста льва” в переделанном виде вошло в “Романтические цветы”.

³ Стихотворение “Улыбнулась и вздохнула...”, опубликованное в газете “Раннее утро” (1907, № 30, 22 дек.), вошло в “Романтические цветы”. Текст этого стихотворения, отличающийся незначительными разночтениями, приложен также к п. 23.

⁴ Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 90–91.

⁵ Стихотворение “Под землей есть тайная пещера...” опубликовано в “Романтических цветах”, в третьем издании озаглавлено “За гробом”.

20. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. Около 23 сентября/6 октября 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера получил Ваше письмо и уже написал Р. Гилю. Сегодня получу ответ, если выбранный мною день для визита ему не понравится. Я Вам очень благодарен, что Вы мне сообщили о бойкоте “Столичного утра”. Хотя я совершенно не знаю обстоятельств дела, я заранее присоединяюсь к Вашему мнению и так же не желал бы быть напечатанным в “Ст. утре”¹. Таким образом выходит, что я бойкотировал уже два издания – “Утро” и “Руно”. Недурно на начинающего писателя! Но правдива была старая истина, гласившая, что “поднявший меч от меча погибнет”². Я тоже бойкотирован “Русью”, которая, напечатав мои стихи, упорно не хочет ответить мне на мои письма³. Забудьте мою просьбу присылать мне книги в счет будущего гонорара⁴. Во-первых, может выйти путаница, а во-вторых, я буду получать новые книги через моих петербургских знакомых. “Весы” я получаю все время и еще на днях прочитал их 8-й номер.

Я не хотел Вам говорить что-нибудь об “Огненном Ангеле”⁵, но теперь не могу удержаться, чтобы не написать Вам хоть незначительную часть того, что я об нем думаю: прежде всего, мне трудно припомнить что-нибудь равное ему по продуманности и гармоничной четкости и краткости линий, разве только Роденовскую “Данаиду” из Люксембургского музея⁶. Во-вторых, признак вещи, создающей эру, она кажется каждому его собственной биографией (действительной или возможной, все равно), и я уже встречал людей, говоривших: “Я, как Рупрехт...”. Я мог бы написать и “в-третьих” и “в-четвертых”, но, верный моему обещанию, кончаю.

Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились мои соседи В. Гофман и Садовской⁷, особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов⁸. О Сологубе, конечно, не мне писать⁹.

Соловьев крайне неотчетлив; его мысли и образы напоминают шепелявящих детей, и, прочтя все шесть страниц его стихов, с трудом соображаешь, что он говорил о какой-то девушке, но что, как и зачем, это ускользает даже от внимательного читателя. Где же новизна рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал в Вашей рецензии?¹⁰ Неужели “звнящая тишина”¹¹ и “родимый лес”. Грустно!¹² А я уже любил Соловьева за его переводы из Шиллера¹³.

Тарасов слишком откровенно воспользовался Вашими “Грядущими гуннами”, так что о нем и говорить не приходится. Я ничего не имею против “заимствований” (по выражению Твеневского Финна-отца)¹⁴, но наивно, позаимствовав картину, обмазывать ее дегтем, чтобы не узнали. Простите меня за резкость, но как нарочно стихотворение “Грядущие гунны” – одно из моих любимейших, и “...мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери...”¹⁵.

Б.А. САДОВСКОЙ

Фотография с дарственной надписью:

“Дорогому Юлиану Павловичу Анисимову от искренне любящего его Бориса Садовского.

4 января 1912 г. Москва.

Но не хочу, о други, умирать! Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать. И может быть...”

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

После таких строгих замечаний мне стыдно посылать Вам мое новое стихотворение, которое несомненно, как и все, что я пишу, хуже соловьевских, но по старой привычке отнимать у Вас нужное Вам время, я все-таки делаю это.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

На горах розовеют снега¹⁶,
Я грущу с каждым мигом сильней,
Для кого я собирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Под тобой лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежной его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,
В красоте жемчужовых убранств,
Как жених, я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обогранных в крови,
Расскажу о тебе и себе
И о нашей жестокой любви.

И на миг забывая покой,
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

Н. Гумилев.

Как видно из предыдущего письма, 19 сентября по ст. ст. Гумилев еще не знал о бойкоте “Столичного утра”.

Поэтому настоящее письмо можно условно датировать концом сентября. В подборке гумилевских писем сохранился конверт с московским почт. шт. 26.IX (парижский почт. шт. вырезан вместе с маркой). Естественно предположить, что этот конверт принадлежит настоящему письму, отправленному из Парижа около 23 сентября 1907 г.

¹ См. п. 17, прим. 1.

² Евангельское выражение (от Матфея, 26, 52).

³ См. п. 16 прим. 6.

⁴ Просьба Гумилева о присылке книг из Москвы “в счет будущего гонорара” изложена в п. 18.

⁵ Роман Брюсова “Огненный ангел” начал печататься в “Весех” с январского номера 1907 г.

⁶ Часть Люксембургского дворца в Париже с 1818 г. была занята под музей новейшей французской живописи и ваяния. Картины и скульптуры, приобретенные для музея правительством, хранились в нем в течение 10 лет, а затем передавались в Лувр и другие музеи.

⁷ В июльском номере “Весов” за 1907 г. были помещены три стихотворения Гумилева: “Императору Каракалле” (“Призрак какой-то неведомой силы...”), “Император” (“Император с профилем орлиным...”) и “Маскарад” (“В глухих коридорах и залах пустынных...”). Там же появились стихотворения “Песня к лугу” В. Гофмана и “Июньский закат” Б. Садовского.

⁸ В августовском номере “Весов” за 1907 г. помещен цикл стихотворений С. Соловьева: “Ты взманила к вешним трелям...”, “Я блуждал в лесу родимом, где звенела тишина...”, “Тают тайные печали...” – и стихотворение Е. Тарасова “Азия”, перекликающееся по мысли с брюсовскими “Грядущими гуннами” (I, 433). Евгений Михайлович Тарасов (1882–1943) – активный участник революционного движения, автор двух стихотворных сборников: “Стихи, 1903–1905” (СПб.: Книгоиздательство “Новый мир”, 1906) и “Земные дали” (СПб.: Шиповник, 1908). Оценка Брюсовым творчества Евгения Тарасова была принципиально иной. Он писал, что на долю молодого поэта в какой-то мере выпал “песен дивный дар”, считал, что у него есть “молниенные вспышки поэзии” (рецензия Брюсова на сб. Е. Тарасова “Стихи” – Весы. 1906. № 9. С. 56). Об отношении Брюсова к Тарасову см. также статью Н.А. Трифонова “Недосказанная поэма” (Рус. лит. 1982. № 4).

⁹ В “Весех” № 8 за 1907 г. опубликовано стихотворение Ф. Сологуба “Чертовы качели” и “Что было, будет вновь...”.

¹⁰ Речь идет о рецензии Брюсова на книгу С. Соловьева “Цветы и ладан”. Оценка первого сборника поэта не столь однозначна, как это следует из письма Гумилева. Отмечая, что “рифмы С. Соловьева большей частью очень интересны”, Брюсов указывает, однако, что “в этой погоне за красивыми рифмами и хитро построенными строфами, С. Соловьев успевает следить только за концами стихов, да за чередованием ударений, а что за слова стоят в начале строк, ему, порой, бывает все равно” (Весы. 1907. № 5. С. 63). В числе прочих недостатков Брюсов называет шаблонность эпитетов, неестественное расположение слов, недостаток музыкальности, надуманность описаний и ученический характер сборника в целом.

¹¹ Имеется в виду строка “где звенела тишина” из стихотворения С. Соловьева “Я блуждал в лесу родимом...”.

¹² Позднее Гумилев по поводу сб. С. Соловьева “Апрель” (М.: Мусaget, 1910) писал: “Сравнительно с первой книгой (...) его стих совершенствуется, но скорее по пути нежности и певучести, чем медной кованости, как о том мечтает сам поэт” (Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923. С. 95).

¹³ В майском номере “Весов” за 1905 г. появились в переводе С. Соловьева три баллады Шиллера: “Кассандра” “Геро и Леандр” и “Рыцарь Тоггенбург”.

¹⁴ Гумилев вспоминает слова Гека: “Папаша всегда говорил, что не грех брать взаймы, если собираешься отдать когда-нибудь; а от вдовы я слышал, что это то же воровство, только по-другому называется, и ни один порядочный человек так не станет делать” (Твен М. Приключения Гекльберри Фина // Собр. соч. М.: Правда, 1980. Т. 5. С. 259).

¹⁵ Приведена цитата из 1-й сцены “Моцарта и Сальери” Пушкина.

¹⁶ Стихотворение “На горах розовеют снега...” впервые в кн.: Гумилев Н. Неизданное и несобранное. Р.: Умса-Press, 1986. С. 16.

21. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 26 сентября/ 9 октября (нов. ст.)
(1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Никогда еще в жизни я не показывал себя таким бессовестным, как я это сделаю сейчас. Именно: я прошу Вас написать мне хоть самую маленькую открытку, но сейчас. Чем скорее я получу Ваш ответ, тем скорее я успокоюсь. Дело вот в чем: около месяца тому назад я послал в “Золотое Руно” три моих стихотворения¹, а на другой же день получил Ваше письмо, где Вы просите меня не делать этого. Тотчас же я послал в “Золотое Руно” извинения за беспокойство и просьбу предать дело о моем сотрудничестве забвению. Все это было месяц тому назад², и я перестал даже и думать о “Золотом Руно”, как вдруг вчера я получаю оттуда письмо, копию с которого я пересылаю Вам. Из него ясно видно, что г-н Рябушинский³ получил мои извинения, но внимания им не придал. Теперь передо мной большая дилемма, разрешить которую можете только Вы. С одной стороны, мне как писателю молодому и неизвестному хотелось бы печататься возможно больше и по собственной инициативе я не могу гнушаться журналом, где пишут Ал. Блок, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, К. Бальмонт и др., особенно после такого более чем любезного приглашения. С другой стороны, Ваш выход из него и Ваше предупреждение останавливают меня согласиться. И вот, следуя совету Ренэ Гиля, прежде чем ответить что-нибудь Рябушинскому, я пишу Вам, чтобы узнать, как Вы советуете мне поступить. Если Вы найдете нужным повторить Ваш совет, поверьте, я ни на минуту не подумаю упрекать Вас, наоборот, я буду спокоен, отказывая Рябушинскому. Я уже как-то писал Вам, что я отдал в Ваши руки развитие моего таланта, и теперь опять очень прошу Вас высказать Ваше мнение, которое будет решающим.

Сегодня я был у Гиля, и он мне понравился без всяких оговорок. Это энергичный, насмешливый, очень тактичный и действительно очень умный человек (я описываю здесь только его внешние качества, а внутренние знакомы Вам много больше, чем мне). Со мной он был крайне приветлив с каким-то особенным оттенком дружеской фамильярности, что сразу сделало нашу беседу непринужденной. Вообще, я был совершенно не прав, когда боялся к нему идти⁴, и теперь я знаю, что французские знаменитости много общежительнее русских (Вы знаете, о ком я говорю)⁵.

За последнее время по еженедельному количеству производимых стихотворений я начинаю приближаться к Виктору Гюго. Кажется, попадаютс недурные (для меня, конечно). Я посылаю Вам два.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Царица, иль, может быть, только печальный ребенок⁶,
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан, перехваченный шалью, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу сверкающим зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица.
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины,
Чтоб ехать к серебряным замкам влюбленного принца,
Они предлагали свои изумрудные спины.

Но голос хрустальный казался особенно тонок,
Когда он упрямо сказал роковое “не надо”.
Царица, или, может быть, просто капризный ребенок,
Усталый ребенок с тяжелою мукою взгляда!

* * *

Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд⁷,
И руки особенно тонки, колени обняв,
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его испещряет волшебный узор,
С которым равняться осмелится только Луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его строен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран,
Про черную деву, про страсть молодого вождя...
Но ты слишком много вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь?.. Послушай: далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Н. Г у м и л е в.

Приложение

КОПИЯ С ПИСЬМА РЯБУШИНСКОГО

М.Г.

Простите, что не знаю Вашего имени, отчества, но с благодарностью пишу Вам. Ваша поэзия уже знакома мне из "Весов" и вызывает общее внимание. Хотел писать Вам, но Вы предупредили меня любезной присылкой стихотворений. Надо быть искренним и честным: в Вашем стихотворении прелестные образы, в нем есть нечто родственное нашим стремлениям. Поэтому я с радостью помещаю Ваше имя в числе сотрудников "Золотого Руна". Стихотворения Ваши будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати.

На днях буду в Париже, очень интересно было бы повидаться с Вами лично и поговорить о Вашем дальнейшем сотрудничестве. Может быть, Вы пришлете нам еще другие беллетристические произведения.

В ожидании Вашего ответа остаюсь

Вас искренне уважающий Николай Р я б у ш и н с к и й.

¹ См. п. 30 и п. 32, прим. 4.

² О бойкоте "Золотого руна" Брюсов писал Гумилеву в п. 17.

³ Речь идет об издателе "Золотого руна" Н.П. Рябушинском.

⁴ См. п. 10.

⁵ Гумилев намекает на З.Н. Гиппиус и Д.С. Мерёжковского (см.: Там же).

⁶ Стихотворение "Царица, иль, может быть, только печальный ребенок..." опубликовано в "Романтических цветах". В 3-е издание вошло под названием "Отказ".

⁷ Стихотворение "Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд..." впервые напечатано там же, как первая часть цикла "Озеро Чад". Во втором издании цикл был сохранен, а в третьем он распался на три самостоятельных стихотворения. Первая часть получила заглавие "Жираф". В экземпляре сборника "Романтические цветы" (1-е изд.), хранившемся в библиотеке Брюсова, им в 12 стихе были подчеркнуты слова "мраморный грот", а на полях сделана пометка: "На озере Чад???". В 5-й строфе Брюсов подчеркнул рифмы "вождя" и "дождя" и на полях отметил: "Произносится дождя" (Пуришева К. Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27-28. С. 674). Последнее замечание Брюсова вряд ли справедливо, т.к. старомосковское и столичное произношения отличались, и для петербуржца Гумилева слово "дождя" слышалось так же, как и писалось.

22. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. Середина октября, н.ст., 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень Вас благодарю за письмо и за высказанное Вами мнение. Я думаю поступить следующим образом: из нелюбви к кляузам, я не думаю требовать у г-на Рябушинского приостановки номера или исключения из него моих стихов. Но не буду также и посылать что-нибудь новое или вступать в переписку с этой редакцией, так что, как видите, фактически я не буду его сотрудником. В общем, мне не повезло, когда я появился со своими стихами на книжный рынок. “Нива”, “Правда” и “Русь”¹ вовсе не ответили мне на мои вопросы о принятии моих стихов. Относительно “Перевала” я не знаю ничего². Вы, наверное, его читаете и, может быть, сообщите мне, когда там появятся мои стихи.

Очень благодарю Вас за любезное предложение устроить меня в “Столичное утро” и “Голос Москвы”³. Я посылаю Вам для них стихи, которые, во-первых, безусловно свободны, а во-вторых, которые я не думаю переделывать и считаю поконченными (далеко не то же, что законченными).

Быть может, также для какого-нибудь из этих изданий понадобятся рассказы (отвлеченного характера, без русских фамилий), у меня есть кое-что в этом роде.

Я посылаю Вам сейчас четыре новых стихотворения, кажется, Вам еще неизвестных. Они свободны. Свободны также из находящихся у Вас следующие: 1) “Гиена”, 2) “Святой Георгий”, 3) “Я смотрю на закат и снега...”, 4) “Усмехнулась и вздохнула...”, 5) “Безумье (с лошадиной мордой)”, 6) “Под землей есть тайная пещера”, 7) “Царица или Ребенок”⁴ и многие другие, но я надеюсь, что это более чем довольно. Может быть, напишете, что Вы оставляете за собой.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Следом за Синдбадом—мореходом⁵
В дальних странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики Солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же,
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,

Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью,
В сердце гибель загорелась снами,
Я как мальчик, схваченный любовью
К девушке, закутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

* * *

В темных покрывалах летней ночи⁶
Заблудилась юная принцесса,
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Накормил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья,
Красноватым пламенем лампадка
Освещала только часть строения.

Что там? Или это только тряпки,
Жалкие ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
 Кажется мучительно знакомо,
 И ей шепчут грязные поленья,
 Что она теперь лишь вправду дома.

...Ранним утром заспанный рабочий
 Проводил принцессу до опушки,
 И не раз потом в глухие ночи
 Проливались слезы об избушке.

* * *

Видишь, мчатся обезьяны⁷
 С диким криком на лианы,
 Что свисают низко, низко,
 Слышишь шорох многих ног?
 Это значит, близко, близко
 От твоей лесной поляны
 Разъяренный носорог.

Встреть спокойно носорога,
 Как чудовищного бога,
 Посреди лесного храма,
 Не склоня к земле лица,
 Если страсть твоя упряма,
 Не закрадется тревога
 В душу смелого жреца.

Видишь общее смятенье,
 Слышишь топот... Нет сомненья,
 Если даже буйвол сонный
 Отступает глубже в грязь,
 Но в нездешнее влюбленный,
 Не ищи себе спасенья,
 Убегая и таясь.

Подними высоко руки
 С песней счастья и разлуки,
 Взоры в розовых туманах
 Мысль далеко уведут...
 ...И из стран обетованных
 Нам незримые фелуки
 За тобою приплывут.

* * *

Неслышимый, мелкий падал дождь⁸,
 Вдали чернели купы рощ,
 Я шел один средь трав высоких,
 Я шел и плакал тяжело
 И проклинал творящих зло,
 Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца
 С могильной бледностью лица
 И с пересохшими губами,
 В хитоне белом, дорогом,
 Как бы упившийся вином,
 Он шел неверными шагами.

И он кричал: "Смотрите все,
 Как блещут искры на росе,
 Как дышат томные растенья,
 И Солнце, золотистый плод,
 В прозрачном воздухе плывет,
 Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
 Как травы, выются волоса,
 И нет в душе печалям места

За то, что я убил тебя,
 Склоняясь, плача и любя,
 Моя царица и невеста".

И все сильнее падал дождь,
 И все чернели купы рощ,
 И я промолвил строго-внятно:
 "Убийца, вспомни Божий страх,
 Смотри, на дорогих шелках,
 Как кровь, алеющие пятна".

Но я отпрянул, удивлен,
 Когда он свой раскрыл хитон
 И показал на сердце рану,
 По ней дымящаяся кровь
 То тихо капала, то вновь
 Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
 А на задумчивом холме
 Рыдала горестная дева,
 И я задумался светло
 И полюбил творящих зло
 И пламя их святого гнева.

Н. Г у м и л е в.

¹ "Нива" в 1907 г. стихов Гумилева не публиковала. Так как "Правда", московский журнал искусства, литературы и общественной жизни, перестал существовать в 1906 г., то, вероятно, имеется в виду петербургская газета "Голос правды", в которой печатались многие сотрудники газеты "Слово", или московская газета В.Т. Клименкова "Правда живая" (вышло всего три номера в октябре 1907 г.). О судьбе стихотворений, посланных в "Русь", см. п. 16, прим. 6.

² О стихах Гумилева, напечатанных в "Перевале", см. п. 16, прим. 5.

³ По всей видимости, Гумилев ошибочно вместо "Раннего утра" написал "Столичное утро". За обещание устраивать его произведения в "Столичное утро" он благодарил Брюсова еще в п. 18.

"Голос Москвы", кадетская газета, выпускаемая В.П. Рябушинским, братом издателя "Золотого руна". Брюсов намеревался организовать при этой газете еженедельное "Литературное приложение" с привлечением Сологуба, Блока, Белого, но отказ всех трех от сотрудничества с кадетами разрушил эти планы (см. письмо Брюсова к Сологубу от 16 октября 1907 г. – *Ежегодник* 1973. С. 112, письмо Белого от октября 1907 г. – *ЛН*. Т. 85. С. 411 и письмо Брюсова к Блоку от 28 октября 1907 г. – *ЛН*. Т. 92, кн. 17. С. 29).

⁴ "Гиена" ("Над тростником медлительного Нила...") и "Святой Георгий" ("За стенами старого аббатства...") были приложены к п. 18; "Улыбнулась и вздохнула...", "Безумье" ("На камине свеча догорала, мигая...") и "Под землей есть тайная пещера..." – к п. 19; "Царица или ребенок" ("Царица, иль, может быть, только печальный ребенок...") – к п. 21. Что касается стихотворения "Я смотрю на закат и снега...", то, скорее всего, имеется в виду посланное в письме 20 стихотворение "На горах розовеют снега...", последняя строфа которого начинается словами: "И на миг, забывая покой, ты припомнишь закат и снега...".

⁵ На рукописи стихотворения "Следом за Синдбадом-мореходом..." помета Брюсова: "Раннее Утро". В этой газете оно и было опубликовано (1907, № 25, 16 дек.). Заглавие "Орел Синдбада" стихотворение получило в третьем издании "Романтических цветов".

⁶ Стихотворение "В темных покрывалах летней ночи" было включено в сборник "Романтические цветы". Заглавие "Принцесса" получило в 3-ем издании.

⁷ Стихотворение "Видишь, мчатся обезьяны..." опубликовано там же как вторая часть цикла "Озеро Чад" с подзаголовком "Барабанный бой племени Бурну". В третьем издании напечатано как самостоятельное стихотворение под заглавием "Носорог".

⁸ Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 91–92.

23. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 14/27 октября 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас, перечитывая Ваше последнее письмо, я увидел, что Вы хотели бы иметь новые списки моих стихов для редакций. Сперва я прочитал слово "списки", как слово "стихи". Сейчас я посылаю Вам три новых и два уже известных Вам¹ и буду очень благодарен, если Вы, по Вашему любезному предложению, выберете что-нибудь для упомянутых Вами газет. Я слышал, что в Петербурге начинается новый журнал "Луч" при участии Блока и Сологуба². Если это что-нибудь интересное, то, пожалуйста, когда будете писать мне, напишите его адрес, я бы, может быть, подписался. Я пишу очень много, но начинаю бояться, что я приближаюсь к парнасизму, от которого Вы меня предостерегали в Москве³. Но, во всяком случае, это не плод теорий, а может быть, просто временное умственное затемнение. Я им пользуюсь, чтобы работать над формой.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

В красном фраке с галунами⁴
Надушенный встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки мерные оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метался по зале,
И роняли бриллианты.

К золотым спускались рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,

И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

* * *

От кормы, изукрашенной красным⁵,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Они спорят, храбрясь и бледнея,
И вополгоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами
На корме, изукрашенной красным.

* * *

Приближается к Каиру судно⁶
С красными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос, гортанный и резкий,
На снастях видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их смуглые тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Слышен зов: это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок,
Он кричит: "Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок".

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанье о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболопные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи,
Они всех выше
И им виднее.

Аисты – воздушные маги,
Им многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

Н. Г у м и л е в.

Упоминание журнала "Луч" позволяет условно датировать это письмо октябрём 1907 г. (см. прим. 2). В подборке гумилевских писем сохранился конверт, на котором московский почт. шт. отсутствует, а от парижского отпечаталась лишь часть: 27.1... Таким образом, конверт мог быть отправлен в октябре, ноябре или декабре 1907 г. Но 30 ноября (см. п. 24) Гумилев извиняется за долгое молчание, а в декабре он посылает письмо 26 числа. Поэтому, скорее всего, конверт, по которому датируется настоящее письмо, был отправлен из Парижа 27.10.1907 г. по новому стилю.

¹ К письму приложены копии двух стихотворений: "Над тростником медлительного Нила..." (см. п. 18) и "Улыбнулась и вздохнула..." (см. п. 19) и три новых. Стихотворение "Приближается к Каиру судно..." приложено также к п. 27. В более позднем тексте автор заменил ошибочный эпитет "красные" во втором стихе на "длинные" (т.к. знамена пророка зеленого цвета), а также в 10-м стихе – "смуглые" на "тонкие", чтобы избежать повтора одного и того же эпитета в соседних строфах.

² Общественно-политический и литературно-художественный еженедельник нового типа "Луч" под редакцией Н.П. Боровской выходил в Петербурге в октябре 1907 г. Издание прекратилось на втором номере (о журнале "Луч" см.: Воспоминания об А.Н. Толстом: Сб. М.: Сов. писатель, 1973. С. 34–35).

³ Имеется в виду, вероятно, майская встреча Брюсова и Гумилева.

⁴ Стихотворение "В красном фраке с галунами..." впервые опубликовано в журнале "Образование" (1908, № 7) без посвящения, затем оно вошло под заглавием "Маэстро" в "Жемчуга" (1910) с посвящением Н.Л. Сверчкову, племяннику Гумилева, участнику экспедиции в Африку в 1913 г.

⁵ Стихотворение "От кормы, изукрашенной красным..." под заглавием "Помпей у пиратов" опубликовано в "Романтических цветах". Согласно Плутарху, Помпей воевал с пиратами, но в плен к ним попал не он, а Юлий Цезарь, захваченный у острова Фармакусы близ Милета. 38 дней провел он среди пиратов, дожидаясь, пока придет назначенный за его жизнь выкуп, и "вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели" (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963. Т. 2. С. 451).

⁶ Стихотворение "Приближается к Каиру судно..." опубликовано в "Романтических цветах". В третьем издании вошло под заглавием "Зараза". См. также прим. 1.

24. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 17/30 ноября (1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что я так долго не писал Вам, я сам чувствую, что плохо плачу Вам за Ваше хорошее отношение ко мне. Но за последнее время я имел массу хлопот, был в России (между прочим, проездом в Киеве¹ сделался сотрудником “В мире искусств”²) и по приезде в Париж принялся упорно работать над прозой. Право, для меня она то же, что для Канта метафизика, но теперь, наконец, я написал три новеллы и посвященные к ним, все неразрывно связанное между собою³. Наверное, завтра я pošлю их Вам заказным письмом. Нечего и говорить, что я был бы в восторге, если бы Вы согласились напечатать их в “Весах”⁴, но, по правде сказать, я едва надеюсь на такую честь. Поэтому не бойтесь обескуражить меня отказом, я к нему уже подготовлен и приму его за должное, но, если возможно, ответьте поскорее, берете ли Вы эти новеллы или нет. Тогда я предложу их в другое место, а по романическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее⁵. Но, конечно, если их возьмут “Весы”, я готов ждать хоть год. Они имеют вид миниатюр и в печати возьмут все вместе не более шести, семи страниц.

Но если эти новеллы покажутся Вам вообще плохими или подражательными, то, может быть, Вы с Вашей обычной добротой не откажетесь откровенно сказать мне это, и я предам их забвению, как некогда “Шута короля Батиньоля”⁶. Я знаю, что мне надо еще очень много учиться, но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончатся опыты и начинается творчество. И теперь моя высшая литературная гордость – это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе.

Я продолжаю писать и стихи, но боюсь, что мои последние вещи не показывают никакого прогресса. Впрочем, я возлагаю большие надежды на Рождество, когда у Вас, может быть, найдется время и желание написать мне письмо вроде одного из прошлогодних, где на примере моих же стихов укажете мне, на какие приемы письма я должен обратить особенное внимание и какие недостатки уничтожить. Сейчас посылаю Вам два самых последних стихотворения; из них первое я послал в “Ниву” и жду ответа⁷; второе свободно, и я не имею на него пока никаких планов.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

* * *

Сады моей души всегда узорны⁸,
В них ветры так свежи и тихейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И – кто поймет намек священной тайны –
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб блей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки, розоватый жемчуг юга,
Сокровище немислимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Сплетаются в молитвенном экстазе.

У ног ее две черные пантеры
С отливами змеинными на шкуре,
Над скалами, где кроются пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны,
Пушай сирокко носится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

ЛЮБОВНИКАМ

Печаль их душ родилась возле моря⁹
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... Страннее и суровей
Едва ль была мужская красота,

Спокойный взор, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Из всех одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка!

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет.

Ее уста не говорили “нет”,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ,
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

Н. Г у м и л е в.

P.S. Не откажите упомянуть в письме, были мои вещи в “Золотом Руно” и какие? Так же в моск.газ.¹⁰ благодаря Вам?

Н.Г.

¹ В октябре 1907 г. Гумилев приезжал в Киев, чтобы встретиться с А.А. Горенко (см. *Haight A. Anna Akhmatova // A poetic pilgrimage. Oxford, 1976. P. 14*). В конце октября Гумилев вернулся для “исполнения воинской повинности” в Царское Село, “но, по освидетельствованию, признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден навсегда от службы”. 30 октября 1907 г. Царскосельское уездное присутствие по воинской повинности выдало ему об этом официальное свидетельство (*ЛГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61522. Л. 13*).

² “В мире искусств” (Киев) – декадентский журнал, выходивший в 1907–1910 гг. В нем опубликовано стихотворение Гумилева “Я долго шел по коридорам...” (1907, № 20–21, 1 дек.).

³ Имеются в виду три новеллы “Радости земной любви”, вошедшие в сборник рассказов “Тень от пальмы” (Пг.: Мысль, 1922).

⁴ Новеллы были опубликованы: Весы. 1908. № 4.

⁵ “Радости земной любви” были посвящены А.А. Горенко (Ахматовой).

⁶ О драме “Шут короля Батиньоля” см. п. 8.

⁷ См. п. 22, прим. 1.

⁸ Стихотворение “Сады души моей всегда узорны...” впервые было напечатано в “Романтических цветах”. В третье издание вошло под заглавием “Сады души”. 1 июля 1908 г. Гумилев писал В.Е. Аренс: «Мне очень интересно, какое стихотворение Вы предположили написанным для Вас. Это – “Сады моей души”» (*ЦГАЛИ. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 1*).

⁹ Стихотворение “Любовникам” опубликовано: Там же.

¹⁰ “Золотое руно” в 1907 г. произведений Гумилева не публиковало (см. п. 30). С помощью Брюсова его стихи печатались в московской газете “Раннее утро”, но уже после отправления этого письма (см. п. 22, прим. 5, п. 27, прим. 1).

25. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. Между 2 и 6 декабря, н. ст., 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Еще несколько необходимых слов по поводу моих новелл. Мне кажется, что их надо печатать все разом, потому что они дополняют одна другую. Но, конечно, сделайте, как решите сами. Если у Вас не будет времени прочесть их самому, может быть, Вы их передадите лицу, заведующему вообще чтением всех рукописей, присылаемых в “Весы”. Все поправки и изменения я заранее принимаю с благодарностью. У меня есть три стихотворения, род серии, на африканские мотивы. Два из них, “Жирафа” и “Носорога”¹, Вы знаете. Не посоветуете ли Вы мне какой-нибудь альманах, куда я мог бы послать их все вместе². Если да, то сообщите, пожалуйста, и его адрес. А то в Париже я совсем отстал от русской жизни.

Кстати, “Носорог” будет называться:

Встреча Смерти.

Барабанный бой племени Бурну.

Чтобы заполнить место, посылаю Вам и третье в таком же роде. Прочитайте как-нибудь в совсем свободное время, потому что оно довольно длинное. Мне так известно, что я отнимаю у Вас столько времени стихами и письмами.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

На таинственном озере Чад
Повисают, как змеи, лианы,
Разъяренные звери рычат
И блуждают седые туманы.
По лесистым его берегам
И в горах у зеленых подножий
Поклоняются странным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

*

Я была жена великого вождя,
Дочь любимая властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала тайну древнего обряда.
Взор мой был бесстрашен, как стрела,
Грудь трепетные звали к наслаждению,
Я была нежна и не могла
Не отдаться зоревому искушению.

*

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем.
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал, что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губам,
И безумной знойной ночью
Мы увидели воочью
Счастье, данное богам.

*

Муж мой гнался с верным луком,
Пробежал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам,
И достался смертным мукам.
... Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

*

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груди
Шкур пантерных и тканей восточных,
Я, как птица, неслася на север,
Я, играя, ломала мой веер,
Ожидая восторгов полночных.

Я раздвинула гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце...
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

*

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скупная любовница,
Точно вещь, я брошена в Марселе.

Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы спать, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами
И они, смеясь, владеют мною.

Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом потухает.
Умереть?! Но там, в полях неведомых,
Там мой муж. Он ждет и не прощает.

Н. Гумилев.

Конверт не сохранился. В этом письме были отправлены новеллы, которые 17/30 ноября 1907 г. Гумилев обещал отправить на следующий день заказным письмом (см. п. 24).

¹ Стихотворение "Жираф" ("Я вижу, сегодня особенно грустен твой взгляд...") было приложено к п. 21, а "Носорог" ("Видишь, мчатся обезьяны...") – к п. 22.

² Все три стихотворения в новой редакции и под общим заглавием "Озеро Чад" были опубликованы в сб. "Романтические цветы".

26. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 ноября / 7 декабря 1907 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Перебирая старые бумаги, в одном из Ваших прошлогодних писем я нашел следующие фразы: "говорю Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы Вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте... стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах...". Кроме того, я помню, что в прошлом году Вы просили меня написать впечатление от выставки Дягилева¹. Но, подобно строптивому сыну Евангеля, я долго, почти год, молчаливо отказывался, до такой степени я ненавидел мои многочисленные попытки

писать прозой. И вот только недавно, не более месяца, я попробовал писать рассказ (3-ю новеллу о Кавальканти)² и не покраснел и не почувствовал прежней жгучей ненависти к себе. С того дня я начал писать много и часто и думаю, что мог бы продолжать, если бы меня не мучила мысль, что мое “довольство” собой происходит только от притупленья моего художественного чутья.

Дней пять тому назад я послал Вам новеллы³, сегодня посылаю впечатленья новой русской выставки⁴. Теперь я мог бы исполнить Вашу просьбу и в неограниченном количестве присылать Вам и статьи, и рассказы, и пр. Но насколько моя проза годится для “Весов”, я думаю, Вы можете судить по двум образцам. Может быть, они Вас не удовлетворят по каким-нибудь легко устранимым причинам, и в принципе будет решено, что моя проза имеет шанс пройти в “Весы”. Если же она Вас не удовлетворит совсем, то, ради Вашей веры в мое будущее (Вы мне писали об ней), прошу Вас, сообщите мне это совершенно откровенно. Я буду, как прежде, писать только стихи.

Еще раз прошу Вас, если Вы заняты, не читайте сами моей статьи и не отвечайте мне, а передайте ее редактору, как и все присылаемые рукописи, и, может быть, г-н Ликиардопуло возьмет на себя труд ответить мне о ее судьбе.

Простите мне за такую канонаду писем, но ведь она совсем не обязывает Вас отвечать на нее. Я верю в Ваше расположение ко мне и знаю, что когда будет можно, Вы напишете.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Новеллы “Радости земной любви” были отправлены около 2 декабря (см. п. 25). Так как настоящее письмо послано, как пишет Гумилев, “дней пять” спустя, оно может быть условно датировано 7 декабря нового стиля. В архиве Брюсова сохранился конверт с парижским почт. шт. 7.12.07, который и позволяет установить точную дату отправки письма.

¹ О рецензии, заказанной Гумилеву “Весами” на выставку русской живописи, устроенную Дягилевым, см. п. 6.

² Гвидо Кавальканти – итальянский поэт, герой трех новелл Гумилева “Радости земной любви”.

³ См. п. 24.

⁴ О судьбе заметки см. п. 27, прим. 3 и п. 29.

27. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 3/16 декабря (19)07 (г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил № “Раннего утра”¹ с моей “Гиеной” и очень благодарю Вас за напечатание ее. Сама газета мне показалась симпатичной, но я настолько наивен в делах политики, что так и не понял, какого она направления². Но, кажется, “приличного”, единственного, которому я теперь сочувствую.

На русской выставке, о которой я писал в “Весы”³, я познакомился с Рёрихом⁴ и княг. Тенишевой⁵. Теперь я все собираюсь пойти опять к Ренэ Гилю, его пятницы уже начались. Я пойду, наверно, вместе с Nicolas Denicet – молодым французским поэтом, моим приятелем. Вы об нем, наверно, уже читали в статье для “Весов” Ренэ Гиля⁶.

Сам я все это время сильно нервничаю, как Вы можете видеть по почерку. Пишу мало, читаю еще меньше. Часто хожу в Jardin de Plantes и там кормлю хлебом тибетских медведей⁷. Кажется, они уже узнают меня. Неправда ли, это стоит прошлогодневого календаря камергера Альвинга из “Привидений” Ибсена⁸.

На всякий случай, если Вы захотите напечатать еще что-нибудь мое, я посылаю Вам два из моих старых стихотворений, заново переписанных⁹. Кстати, не беспокойтесь, пожалуйста, мне присылать №№ с моими стихами. Наверное, это затрудняет Вас, а мне достаточно знать, что такое-то стихотворение есть или будет напечатано. Зато меня интригует “Золотое Руно”. Там лежат три моих стихотворения, из которых

два я очень люблю, и я не знаю, напечатаны они или нет. Если да, то сообщите мне об этом, когда будете писать¹⁰. Еще раз благодарю Вас за память.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. За последнее время я много занимался теорией живописи, а отчасти и театра, читал, посещал выставки и говорил с артистами. Результаты Вы можете видеть в моем письме о "Русск. Выст."¹¹. Если оно Вас удовлетворяет, может быть, Вы сможете мне указать какой-нибудь орган, хотя бы "Раннее Утро", где я мог бы писать постоянные корреспонденции о парижских выставках и театрах. Этим Вы оказали бы мне еще раз большую услугу¹².

Н.Г.

* * *

Как труп, бессилен небосклон¹³,
Земля – как уличенный тать,
Преступно-тайных похорон
На ней зловещая печать.
Ум человеческий смущен,
В его глубинах – черный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка – жизнь и тайна – смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?

И неужели не видна
Судьба, их радостная мать,
Что пеной глущего вина
Любила смертных опьянять?

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран,
Там только ужас, только яд,
Змеєю жалищий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос.

Н. Г у м и л е в.

¹ Брюсов некоторое время заведовал стихотворным отделом в московской газете кадетского направления "Раннее утро", которая стала выходить с ноября 1907 г. Кроме Брюсова и Гумилева, в ней принимали участие А. Белый и М. Волошин. О публикации "Гиены" см. п. 18, прим. 5.

² Ср. п. 17.

³ Заметка Гумилева "Выставка нового русского искусства" опубликована в "Весах" (1907, № 11).

⁴ Николай Константинович Рерих (1874–1947) был одним из участников выставки нового русского искусства в Париже, открывшейся 5 декабря н. ст. 1907 г. Гумилев так оценил его экспозицию: "Королем выставки является, бесспорно, Рерих (выставивший 89 вещей). Мне любопытно отметить здесь его духовное родство с крупным новатором французской живописи Полем Гогеном" (Весы. 1907. № 11. С. 87). С Рерихом Гумилев поддерживал отношения и в Петербурге – ср. письмо А.М. Ремизова к Рериху от 28 марта 1909 г. с предложением навестить Гумилева в день его рождения 3 апреля (ЛТГ. Ф. 44. № 1189). Гумилеву принадлежал эскиз к картине Рериха "Строят лады" (см. Эрн С. Н.К. Рерих. Пг.: изд. общины св. Евгении, 1918. С. 113). Позднее Гумилев еще более высоко оценивал творчество Рериха. В заметке «По поводу "салона" Маковского» он писал: "Рерих – вот высшая степень современного русского искусства. Он глубоко национален, а не народен. Не принимая современную Россию за нечто самоценное, законченное, он обращается к тому времени, когда она еще создавалась, ищет влияний скандинавских, византийских и индийских, но всех преображенных в русской душе. Манера его письма могучая, здоровая, такая простая с виду и такая утонченная по существу, меняется в зависимости от изображаемых событий, но всегда раскрывает лепестки одной и той же души, мечтательной и страстной. Своим творчеством Рерих открыл непочатые области духа, которые суждено разрабатывать нашему поколению" (Журнал театра Литературно-художественного общества. 1909. № 6. С. 17). К сожалению, оказались утраченными письма Гумилева к Рериху, о которых последний вспоминает в неопубликованном очерке "Давно", написанном 21 января 1946 г. (Собрание П.Ф. Беликова).

⁵ Мария Клавдиевна Тенишева (1867–1928) – известная художница и меценатка, поощрявшая народное искусство и кустарные ремесла, устроительница выставки нового русского искусства. О ее художественных мастерских в имении Талашкино вышла книга со статьями Н.К. Рериха и С.К. Маковского: Талашкино. Издание мастерских кн. М.Кл. Тенишевой. Пг.: изд. "Содружество", 1905. "Княгиня Тенишева, – как сообщает Гумилев, – выставила свои эмали и керамику и, кроме того, работы крестьянок Смоленской губернии, сделанные под ее наблюдением. Она и проповедуемое ею крестьянское искусство имеют большой успех в Париже, так что многие вещи уже проданы, некоторые даже французскому правительству" (Весы. 1907. № 11. С. 88). О выставке Тенишевой см. также статью М.В. Фармаковского – Одесский листок. 1907. 30 нояб.

⁶ Nicolas Deniker (Гумилев написал его фамилию неправильно) – малоизвестный французский поэт, друг Г. Аполлинера, примыкавший к группе "Аббатство". Его отец – французский антрополог Жозеф Деникер, а мать – родная сестра Иннокентия Анненского. 2/15 октября 1906 г. Гумилев сообщал В.И. Анненскому (Кривичу): "Очень и очень благодарю Вас и Иннокентия Феодоровича за знакомство с Деникерами.

Я не писал Вам раньше потому, что я познакомился с m-er Nicolas в мое второе посещение, а именно вчера, когда я был приглашен завтракать Любовью Федоровной. Я был встречен очень сердечно (...) M-er Nicolas читал свои стихотворения, и мне они очень понравились: при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное отсутствие тех картонажных эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия. Я непременно переведу его стихи, если найду орган, где бы можно было печататься" (*ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1*).

Рене Гиль писал о первом сборнике Деникера "Poèmes": "В коротеньких поэмах, собранных в его первой книге, еще слишком много случайного, чтобы можно было выяснить общие тенденции его поэзии. Направление его мысли еще не определилось, и ритмика еще не выработалась" (*Весы. 1908, № 3. С. 117*). О Н. Деникере см.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. Л., 1983. С. 106 и 144 (прим. 296).

⁷ В Парижском Ботаническом саду не только выращиваются экзотические растения, но и содержатся по традиции редкие животные.

⁸ В первом действии пьесы Г. Ибсена "Привидения" Фру Альвинг рассказывает пастору Мандерсу, что ее покойный муж, бездельник и пьяница, "день-деньской валялся на диване и читал старый адрес-календарь" (*Ибсен Г. Собр. соч. М.: Искусство, 1957. Т. 3. С. 485*).

⁹ Одно из приложенных стихотворений ("Приближается к Каиру судно...") было отправлено Брюсову в п. 23. Неизвестно, был ли он знаком ранее с другим – "Как труп, бессилен небосклон..."

¹⁰ См. п. 24, прим. 10.

¹¹ См. прим. 3. Из других выставок, по-видимому посещенных Гумилевым, следует назвать "Осенний Салон" (см.: *Фармаковский М. Парижские выставки // Одесский листок. 1907. № 260. 13 нояб.*).

¹² В "Раннем утре" заметок Гумилева о парижских выставках и театрах не появлялось.

¹³ Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. С. 93–94*.

28. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 13/26.12.07)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень, очень благодарю Вас за "Пути и перепутья", которые я получил сегодня. Особенно рад я был прочесть стихи из "Tertia Vigilia"¹, которую я давно и тщетно искал и в книжных магазинах, и у знакомых.

Но мне хотелось бы лучше ориентироваться в истории развития Вашего творчества, и поэтому я решаюсь задать Вам нескромный вопрос, а именно, сколько Вам лет теперь. Тогда бы я вычислил, скольких лет написали Вы то или другое стихотворенье, и знал бы, на что смогу надеяться в будущем я. Может быть, это смешно, но я все утешаю себя в недостатках моих стихов, объясняя их моей молодостью.

Несмотря на мой сплин², я все-таки написал недавно два стихотворения и неуклонно посылаю их Вам.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА³

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси о недоступном, есть различные миры.
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры.

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
Тот навек погиб для счастья, для ласкающих лучей.
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь, ты замедлишь, и на миг прервется пенье,
Тотчас бешеные волки устремятся на тебя.
И запрыгают, завоюют в кроважадном иступлении,
Белоснежными зубами кости крепкие дробя.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше!.. Здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ..
Но я вижу – ты смеешься... Эти взоры – два луча!
... На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ,
И погибни страшной смертью, черной смертью скрипача.

* * *

Нас было пять... Мы были капитаны⁴,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекie, загадочные страны
Нас не пленяли чарою своею,
Нам нравились зияющие раны,
И зарево, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманные ненастья,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные камни,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

Н. Гумилев.

В письме поставлена дата 26.11.07. Но, во-первых, 30 ноября Гумилев извиняется за долгое молчание (см. п. 24), во-вторых, на конверте настоящего письма стоит штемпель московской почты 17–XII–1907, а в-третьих, 1-й том “Путей и перепутий”, за который Гумилев благодарит Брюсова, выпущен издательством “Скорпион” в первых числах декабря 1907 г. (см.: Раннее утро. 1907. № 3, 20 нояб.). Таким образом, можно считать, что в дате Гумилева описка.

¹ Сб. “Tertia Vigilia” в дополненном виде вошел в состав первого тома “Путей и перепутий”.

² К декабрю 1907 г. относится попытка самоубийства Гумилева (Haight A. Anna Akhmatova. P. 14). Об этом эпизоде, произошедшем в Булонском лесу, Гумилев рассказывал А.Н. Толстому (Толстой А.Н. Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. См. также: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 38).

³ Стихотворение опубликовано: Весы. 1908. № 6.

⁴ Стихотворение опубликовано в сборнике “Романтические цветы”. В экземпляре парижского издания сборника, хранившегося в библиотеке Брюсова, им был подчеркнут 4-й стих, а на полях сделана заметка: “Кто? мы или океаны. Грамматически неточно”. К 9-му стиху на полях помета: “Неясно, неясно” (Пуришева К. Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27–28. С. 674).

29. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 19 декабря 1907 г./1 января 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас получил Ваше письмо и спешу поблагодарить Вас за Ваше внимание ко мне. Меня крайне обрадовало, что моя заметка о выставках принята Вами для “Весов”¹. Ведь это моя первая напечатанная проза, потому что “Сириуса” считать нельзя².

Все это время я читал “Пути и перепутья”, разбирал каждое стихотворение, – специальную мелодию и внутреннее построение, и, мне кажется, что найденные мною по Вашим стихам законы мелодии очень помогут мне в моих собственных попытках. Во всяком случае, я понял, как плохи мои прежние стихи и до какой степени Вы были снисходительны к их недостаткам.

Кончаю письмо, чтобы не отнимать у Вас дальше времени, но все-таки посылаю Вам два новых стихотворенья. Это обратилось у меня в привычку, и, быть может, Вы найдете удобным воспользоваться ими для какого-нибудь издания.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

* * *

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны³,
 Где безумье и ужас от века застыли на всем,
 Где гора в отдаленье казалась взъерошенным псом
 И клокочущей черною медью кипели вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
 И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
 И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
 Закружились, встревоженным воем приветствуя день.
 Был испуг ожиданья.

И в терновом венке, под которым сочилась кровь,
 Вышла тонкая девушка в голубоватом сиянье
 И серебряным плугом упорную взрезала новь...
 Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.
 Это было спасенье.

RENVOI⁴

Еще ослепительны зори,
 И перья багряны у птиц,
 И много есть в девичьем взоре
 Еще не прочтенных страниц.

И лилии строги и пышны,
 Прохладно дыханье морей,
 И звонкими веснами слышны
 Вечерние отклики фей.

Но греза моя недовольна,
 В ней голос тоски задрожал,
 И сердцу мучительно больно
 От яда невидимых жал.

У лучших заветных сокровищ,
 Что предки сокрыли для нас,
 Стоят легионы чудовищ
 С грозящей веселостью глаз.

Здесь всюду и всюду пределы
 Всему, кроме смерти одной,
 Но каждое мертвое тело
 Должно быть омыто слезой.

Искатель нездешних Америк,
 Я отдал себя кораблю,
 Чтоб, глядя на брошенный берег,
 Шепнуть золотое "люблю".

Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 27, прим. 3.

² См. п. 12, прим. 5.

³ Опубликовано в "Романтических цветах".

⁴ Стихотворение "Renvoi" ("Возвращение" – франц.) опубликовано без заглавия: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 94–95.

30. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 20 дек(абр)я 1907 г.

Дорогой Николай Степанович!

Мне очень нравится Ваша "Волшебная скрипка". Свободна ли она? Я бы охотно ее взял для "Весов"¹.

В "Раннем Утре" я напечатал еще Вашего "Синдбада"² и хочу отдать туда "Улыбнулась и вздохнула"³. За все Ваше, напечатанное там, Вы имеете получить гонорар, хотя довольно скромный.

Посылаю Вам № "Утра" с Вашими стихами и другой – со статьей А. Белого обо мне⁴.

В "Руне" еще Ваших стихов не было. Альманаха, куда бы Вам предложить Ваши "африканские" стихи, сейчас не предвидится⁵. "Образование" № 11 недавно говорило о Ваших стихах в "Весях" очень "похвально"⁶.

Родился я 1 декабря 1873 г.⁷

Ваш Валерий Б р ю с о в.

Приветствую Вас с 8 годом века.

В.Я. БРЮСОВ

Фотография А.С. Элиасберга. Москва. 1910-е годы
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

Вот список Ваших стихов, находящихся у меня (остальные, увы, затерялись).

- ✓ Каракалле <“Призрак какой-то неведомой силы...”>
- ✓ <Маскарад.> Баронессе О(рвиц)-З(анетти)
Загадка <“Музы, рыдать перестаньте...”>
- ✓✓ Мне было грустно, <думы обступили...>
Он воздвигнул <свой храм на горе...>
Сегодня у берега нашего <бросил...>
Неоромантическая сказка
Сады моей души <всегда узорны...>
Любовникам <“Печаль их душ родилась возле моря...”>
Неслышный мелкий п(адал) дождь...
Видишь, мчатся обезьяны...
Чад <“На таинственном озере Чад...”>
- ✓ Гиена <“Над тростником медлительного Нила...”>
- ✓✓ Улыбнулась и вздохнула...
В темных покрывалах <летней ночи...>
- ✓ Следом за Синдбадом<-мореходом...>
- ✓✓ От кормы <, изукрашенной красным...>

- vv В красном фраке (с галунами...)
 Приближается к Каиру (судно)
 Как труп, бессилен) небосклон...
- vv Волшебная скрипка
 Нас было пять... (Мы были капитаны...)

Отмеченные v – напечатаны; отмеченные vv – мне хотелось бы оставить в своем распоряжении: я отдам их в то или иное издание. – Кроме того, у меня Ваша драма и новелла⁸. О новелле окончательный ответ дам вскоре.

В.Б.

¹ См. п. 28, прим. 3.

² См. п. 22, прим. 5.

³ См. п. 19, прим. 3.

⁴ Статья А. Белого “Поэт мрамора и бронзы” напечатана в “Раннем утре” (1907, № 27, 19 дек.).

⁵ Ответ на просьбу Гумилева, высказанную в п. 25.

⁶ В “журнальном обозрении” рецензент П. Дмитриев писал: “В стихах г-на Гумилева “Маскарад” (“Весы”, № 7) вовсе нет выдумки; и, однако, это стихотворение поражает вас, как всегда поразит падающая звезда: вы знаете, что метеор сам по себе – камень; но никогда не будете думать об этом камне, когда по безоблачному темному небу вспыхнет огненная полоска и на несколько мгновений засветится призрачным блеском” (Образование. 1907. № 11. С. 115–116).

⁷ Ответ на вопрос Гумилева, заданный Брюсову в п. 28.

⁸ Возможно, Брюсов сообщает о драме “Шут короля Батиньоля” и опубликованных в “Весах” (1908, № 4) новеллах “Радости земной любви”.

31. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 25 декабря 1907 г./) 7–I–(19)08 (г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень благодарю Вас за напечатание Синдбада и за присылку “Раннего Утра”¹. Статья А. Белого о “Путях и Перепутьях” интересна, и я с удовольствием бы подписался под ее второю частью, особенно под тем, что у Вас нет учеников². Я люблю называть Вас своим учителем, и, действительно, всему, что у меня есть лучшего я научился у Вас, но мне нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от Вас могла почувствоваться читателями³. То же, я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппировавшихся вокруг Вас. Но мне всегда очень неловко писать Вам о Вас же, и потому я кончаю это щекотливое, хотя и приятное занятие. Буду писать о себе.

В этом письме я посылаю Вам рассказ, который, может быть, Вы взяли бы для “Раннего Утра”⁴ или, если “новеллы” не приняты, для “Весов”, хотя мне лично было бы приятнее увидеть в “Весах” последние. Этот последний рассказ я переписывал четыре раза, всегда с крупными поправками. Так что относительно старательности я сделал все, что мог. Очень скоро я пошлю Вам еще один рассказ, уже специально для “Раннего Утра” без посягательств на “Весы”⁵. Он уже написан, но еще не отделан. Вообще все, что я Вам присылаю, поступает в Ваше полное распоряжение как редактора разных изданий, и я заранее благодарю Вас за все места для моих вещей, даже за пылающую печь. Сборник моих стихов (последних) уже печатается, выйдет через две, три недели⁶. Поэтому я буду очень благодарен, если в “Раннем Утре” появятся какие-нибудь мои стихи из имеющихся у Вас до его выхода⁷.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 30.

² А. Белый писал: “Валерий Брюсов, поэт хаоса и бесформенности, закрыл свою проповедь железным щитом формы, и об этот щит бессильно разобьются модернистические волны поэтов, пока не придут к Брюсову его действительные ученики. Их еще нет, но они будут” (Раннее утро. 1907. № 27. 19 дек.; позднее статья включена в книгу: Арабески. М.: Мусагет, 1911).

³ Русская критика довольно рано отметила брюсовское влияние на поэзию Гумилева. Об этом см. вступ. ст. к наст. публ.

⁴ К письму приложен рассказ “Золотой рыцарь”, который вместе с “Принцессой Зарой” под общим заглавием “Новеллы” опубликован: РМ. 1908. № 8, а также два стихотворения: “От кормы, изукрашенной красным...” (ранее послано в п. 23) и “Под землей есть тайная пещера...” (послано в п. 19).

⁵ О судьбе рассказа см. п. 33.

⁶ Речь идет о сб. “Романтические цветы”.

⁷ См. п. 32.

32. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 27 декабря 1907 г./) 9–I–(19)08 (г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я очень рад, что Вам понравилась “Волшебная Скрипка”. И хотя она и должна была войти в мою книгу, но я беру ее оттуда и с большим удовольствием отдаю для “Весов”¹. Что же касается двух стихотворений “От кормы...” и “Улыбнулась и вздохнула”², то было бы хорошо, если бы Вы смогли напечатать их вскоре, а то через три недели выйдет мой сборник с ними. Два остальные “Мне было грустно” и “В красном фраке” в сборнике не будут, и потому делайте с ними, что хотите³.

Я очень рад, что мне идет гонорар, и даже хотел бы его получить, а также и за статейку в “Весы”. Но пересылать стоит только, начиная с 20 р. (50 fr.).

Хорошо, что “Руно” забыло обо мне; таким образом Ваше желание о моем несотрудничестве там устроилось без хлопот. Вопрос об этом можно считать совсем исчерпанным, потому что стихи, бывшие в “Руно”, войдут в мой сборник⁴.

Если новеллы не пройдут в “Весы”, может быть, Вы возьмете их для “Раннего Утра” или для чего-нибудь другого?

Не согласится ли магазин “Скорпион” взять на себя распространение моей книги в России, как он это делает для “Ор”⁵? Я бы дал *какой угодно* процент и на свой счет пересылал бы книги в Москву. Их всего 300 экз., для себя и Парижа я оставлю 50. Следовательно, остается 250 экз. В каждой 4 печатных листа (64 стр.), бумага vergé. Цена экз. 50 к. За пересылку в редакции для отзывов плачу я, но устраивает эту пересылку магазин. Если это можно устроить, это будет для меня почти спасением. Напишите мне об этом маленькую открытку, а то через две недели книга будет отпечатана.

Теперь я много работаю над прозой. Скоро должен прислать Вам рассказ и буду рад, если его можно будет напечатать. Правду сказать, скоро я буду нуждаться в гонораре⁶.

Поздравляю Вас с прошедшим новым годом. Увы, я совсем было забыл об этом важном событии.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 28, прим. 3, а также п. 30.² См. п. 30.³ См. п. 6, прим. 9 и п. 23, прим. 4.

⁴ В письме 21 Гумилев сообщает, что в “Золотое руно” в начале сентября 1907 г. было отправлено три стихотворения. Если указание настоящего письма верно, т.е. все они включены в парижские “Романтические цветы”, то легко установить их названия. В первое издание сборника вошло 32 стихотворения. 12 из них, как видно из примечаний, были до выхода книги опубликованы в разных периодических изданиях, 16 стихотворений были посланы Брюсову для возможной передачи в “Столичное утро”, “Весы”, “Раннее утро” и другие редакции, а из четырех оставшихся – стихотворение “Одинокое незрячее солнце...”, посланное в п. 29, написано было значительно позднее момента отсылки Гумилевым своих стихов в “Золотое руно”. Таким образом, получается, что три стихотворения, о которых шла речь, это: 1) “На руке моей перчатка...”, 2) “Мне снилось, мы умерли оба...”, 3) “Японской артистке Садо-Якко, которую я видел в Париже”.

⁵ См. п. 14, прим. 8.

⁶ Возможно, Гумилев имел в виду расходы, связанные с печатанием “Романтических цветов” (см. п. 37).

33. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 9/22 января 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я написал Вам две недели тому назад, и с тех пор, конечно, накопилось много новых стихов. Но так как за последнее время новые мои взгляды на искусство стихосложения, вызванные отчасти “Путями и Перепутьями”, частью перечитыванием Пушкина, еще не сумели найти себе места в моих стихах, хотя поколебали и уничтожили многое, то я посылаю Вам только некоторые. Строение последней фразы доказывает, что я перечитывал и Карамзина.

Со стихами моими делайте, по обыкновению, все, что хотите. Через пять дней отсылаю Вам мою книгу. Обещанный рассказ для “Раннего Утра” я бросил в печь¹. Вы, наверное, уже слышали о внезапной смерти Ив.Ив. Шукина².

Я подумываю о скорой поездке в Италию³.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ОСНОВАТЕЛИ⁴

Ромул и Рем взошли на гору,
Лес перед ними был глух и нем,
Ромул сказал: “Здесь будет город!”
“Здесь будут стены”, – ответил Рем.

Ромул сказал: “Волей созвездий
Мы обрели наш прежний почет!”

Рем отвечал: “Что было прежде,
Надо забыть, взглянем вперед!”

“Здесь будет цирк, – промолвил Ромул, –
Здесь будет дом наш, открытый всем...”
“Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы”, – ответил Рем.

* * *

Манлий сброшен. Право Рима⁵,
Власть все та же, что была,
И как прежде, недвижима
Нерушимая скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Чтоб простить его, пришлось бы
Слушать просьбы многих губ...
И народ в ответ на просьбы
Получил холодный труп.

Манлий сброшен! Почему же
Шум на улицах растет?
Как жена, утратив мужа,
Мести требует народ.

Семь холмов, как звери, хмуры,
И смущенные стоим
Мы, сенаторы, авгуры,
Чьи отцы воздвигли Рим.

Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мертв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой!

* * *

Моя душа осаждена⁶
Безумно странными грехами,
Она – как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге пряхь,
Склоняя взоры все суровой,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность бурной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

¹ См. п. 31.

² См. п. 10, прим. 9. Шукин покончил с собой 4/17 января 1908 г., т.к. купленные им картины старых испанских мастеров оказались фальшивыми, что потрясло его морально и привело к разорению (см.: *Белов Е.* Самоубийство И.И. Шукина // *Рус. слово.* 1908. № 6. 8 янв.).

³ Поездка в Италию в 1908 г. не состоялась.

⁴ Впервые опубликовано с некоторыми разночтениями в сборнике “Жемчуга” (М.: Скорпион, 1910).

⁵ Впервые опубликовано в третьем издании “Романтических цветов” (Пг.: Прометей, 1918) в сильно сокращенном и переделанном виде. Марк *Манлий Капитолийский* – полководец и римский консул 392 г. до н.э. Согласно Ливию, он задумал ограничить аграрные права патрициев, однако потерпел неудачу и был казнен в 384 г. до н.э.

⁶ Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма.* С. 95.

34. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 13/26 января 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Одновременно с этим письмом я посылаю Вам мою книгу в двух экземплярах, один для Вас лично, а другой, как полагается, для отзыва¹. Она придет немного позже, потому что послана заказным.

К несчастью, последнее время я хворал и не мог лично присмотреть за печатанием и брошюровкой, и потому книга вышла в виде брошюры, несмотря на то, что она только на один лист меньше “Пути Конквистадоров”.

Я не доволен этой новой книгой, но очень доволен, что издал ее. Теперь я свободен от власти старых приемов и тем, и мне много легче будет пойти вперед. Я не знаю, будете ли Вы говорить об этой книге в “Весех” и, конечно, не могу просить об этом, но если Вы решите сделать это, то, может быть, не откажете, хотя бы одной фразой отметить, какую из сторон моего творчества я должен культивировать². А то до сих пор большинство моих критиков, почти всех благосклонных, только указывало на мои недостатки, так что если я захочу послушаться всех сразу, мне придется вовсе бросить писать стихи. Если бы я знал, что “Раннее Утро” помещает рецензии, я послал бы туда мою книгу для отзыва. Я пишу кое-что, но все неудачно, не могу попасть в верный тон с моими новыми мыслями об искусстве. Жду какого-нибудь внешнего толчка и мечтаю, что им будет Ваш отзыв о моей книге, хотя бы в частном письме.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Рецензия Брюсова на “Романтические цветы” появилась в мартовском номере “Весов” за 1908 г., а позднее вошла в сборник критических статей “Далекие и близкие” (М.: Скорпион, 1912).

² Отмечая работу автора над техникой стиха, Брюсов писал: «Лучше удастся Н. Гумилеву лирика “объективная”, где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху. В стихах же, где надо передать внутренние переживания музыкой стиха и очарованием слов, Н. Гумилеву часто не хватает силы непосредственного внушения» (Весы. 1908. № 3. С. 77–78).

35. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва.)

20 янв(аря)/2 февр(аля) 1908 г.

Дорогой Николай Степанович!

Простите, что давно не писал Вам. Умер мой отец, – с которым Вы встречались в Париже¹. Это надолго расстроило все мои занятия.

Благодарю Вас за книгу. Издание очень мило, особенно на лучшей бумаге. Жаль, что Вы не сделали всех экземпляров “лучшими”. Напрасно также Вы были слишком строги к своим стихам. “Маскарад” (ба(роне)ссе О(рвиц)-З(анетти)), “Сегодня у берега”, “Неоромантическая сказка”² и др. имели бы право занять свое место в книге. Общее впечатление, какое произвела на меня Ваша книга, – положительное. После “Пути” Вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания. В “Весех” о Вашей книге буду писать непременно я³. Лучшими пьесами в “Цветах” кажутся мне: “Юный маг”, “Над тростником”, “Что ты видишь”, “Там, где похоронен” (добавления очень удачны), “Мой старый друг”, “Каракалла”, “Помпей”, “Улыбнулась и вздохнула”, “Царица, иль может быть”, “Сады моей души”, “Озеро Чад” (кое-что в I, все II, конец III), “Сада Якко” (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотворениях “Измена”, “Под землей”, “Я долго шел”, “Следом за...”, “Приближается к Каиру”, “На руке моей перчатка”. Если бы Вы прислали мне еще один экземпляр, я бы вернул его Вам с подробными означениями, что мне кажется удачными, что нет⁴.

“Раннее утро” для нас закрылось, ибо в нем изменилась редакция⁵. Ваш гонорар, надеюсь, все же доставят Вам. Можно ли дать Ваши стихи в “Русский артист”?⁶

Всегда Ваш Валерий Б р ю с о в.

P.S. “Радости земной любви” могут быть напечатаны в “Весех”, в одном из весенних №№⁷.

¹ Яков Кузьмич Брюсов скончался 7 января 1908 г. За год до смерти он посетил Париж (см. п. 11).

² Причины, по которым "Маскарад" и "Неоромантическая сказка" не вошли в "Романтические цветы", изложены Гумилевым в п. 37. Позднее они были включены в третье издание "Романтических цветов". С высокой оценкой стихотворения "Сегодня у берега нашего бросил..." (см. п. 8) Гумилев, видимо, не согласился, т.к. оно не входило и в последующие издания сборника.

³ См. п. 34, прим. 1.

⁴ Просьбу Брюсова Гумилев выполнил (см. п. 37). О некоторых замечаниях Брюсова см.: п. 13, прим. 4; п. 15, прим. 5; п. 18, прим. 5; п. 21, прим. 7; п. 28, прим. 4. Кстати, добавим, что в стихотворении Гумилева "Перчатка" ("На руке моей перчатка..."), упомянутом в настоящем письме, Брюсов отчеркнул в посланном сборнике стихи:

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня – моя перчатка...

и пометил на полях: "Слишком" (Пуришева К. Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27–28. С. 674).

⁵ В 1908 г. вместо Н.Л. Казецкого редактором-издателем "Раннего утра" стал Н.П. Прединский.

⁶ В "Русском артисте" стихов Гумилева не появлялось.

⁷ См. п. 30, прим. 8.

36. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 января / 6 февраля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам одно из моих новых стихотворений, чтобы Вы могли судить, кончился ли срок моего искуса, о котором я Вам писал!; сам я не имею никакого мнения на этот счет, так как два единственные мои слушателя уехали из Парижа² и остались только французы и русские, не интересующиеся стихами. А я не способен без посторонней помощи судить мои стихи. Но об этом и вообще о моих сомнениях в области творчества я поговорю подробнее в следующем письме, а теперь мне хотелось бы поднять неприятный разговор, а именно, что я был бы не прочь получить мой гоно-рар с "Раннего Утра"³ даже таков, как он есть (рублей 12, я думаю). Если также Вы не думаете взять мою прозу⁴, я бы предложил ее в другое место (куда, сам не знаю); мне достаточно только знать, что отвергнуто Вами, так как у меня целы все черновики. Поверьте, что это не жажда славы, которая побуждает меня печататься, а другие более низменные причины, о которых не трудно догадаться. Стыдно в таком письме говорить о чем-нибудь более интересном, и я его кончаю.

Всегда искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

КАМЕНЬ⁵

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень,
Не думай, то не светляки.

Давно угрюмые друиды⁶,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот, лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы смог увидеть
Его ночной и тайный путь,
... И берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз,
Он промолчит и будет с виду
Недвижим, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленье,
Увидя блеск его щелей,
Услыша шум его паденья
И жалкий хруст твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он покинет дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

Н. Г у м и л е в.

¹ Возможно, Гумилев имеет в виду ожидание “внешнего толчка”, стимулирующего его поэтическое вдохновение (см. п. 34 и 37).

² Неизвестно, кого Гумилев подразумевает под единственными слушателями. Возможно, одним из них был Андрей Андреевич Горенко.

³ Гумилев должен был получить гонорар за три стихотворения, опубликованные в “Раннем утре” (см. п. 18, прим. 5; п. 19, прим. 3; п. 22, прим. 5).

⁴ Речь идет о рассказе “Золотой рыцарь” (см. п. 31, прим. 4.) и новеллах “Радости земной любви” (см. п. 24).

⁵ Впервые опубликовано в журнале “Весна” (1908, № 7) с подзаголовком “Бретонская легенда” и различиями сравнительно с публикуемым текстом. “Камень” включен в “Жемчуга” с посвящением матери поэта А.И. Гумилевой.

⁶ Друиды – жрецы у древних кельтов.

37. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 25 января / 7 февраля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

сейчас я получил Ваше письмо, и, если бы не первое печальное известие¹, оно привело бы меня в восторг. Вам понравились “Цветы”². Вы будете писать о них в “Весах” и пришлете книгу с Вашими указаниями. Кроме того, новеллы пойдут в “Весах”. При таком Вашем внимании ко мне и я начинаю верить, что из меня может выйти поэт, которого Вы не постыдитесь назвать своим учеником. Тем более, что насмотревшись картин Gustave’a Moreau³ и начитавшись парнасцев и оккультистов (увы, очень слабых), я составил себе забавную теорию поэзии, нечто вроде Mallarmé⁴, только не идеалистическую, а романтическую, и надеюсь, что она не позволит мне остановиться в развитии. Вы и Ваше творчество играют большую роль в этой теории. Вы жалеете, что не все издание “Цветов” напечатано на бумаге ingres⁵, но ведь ее даже не держат в типографиях, и я отыскал ее специально в художественном магазине. Впрочем, если кто-нибудь из Ваших знакомых пожелал бы иметь эту книгу, напишите мне одно слово, и я тотчас же пришлю Вам пять, шесть экземпляров на этой бумаге.

“Неоромантическая Сказка” осталась за флагом потому, что я издавал книгу на свой счет и сэкономил место⁶, а “Маскарад” – из-за своего посвящения, которое несогласно с общим⁷.

Теперь я опять начал писать и, кажется, увереннее и сильнее, чем в период, представленный “Цветами”. Примеры: вчерашний “Камень” и два сегодняшние. И я очень и очень интересуюсь узнать Ваше мнение по этому поводу. Жаль только, что конквистадоры моей души, по-видимому, заблудились и вместо великолепных стран и богатых городов попали в какие-то каменноугольные шахты, где приходится думать уже не о победе, а о спасенье. Это делает мои последние вещи однообразными и почти антихудожественными. Жду девятого вала переживаний.

Сегодня я послал Вам книгу для Ваших замечаний. Стихи мои, которые я посылал, посылаю и буду посылать Вам, всецело отдаются в Ваше распоряжение (всегда свободны), и я буду Вам всегда очень благодарен за напечатанье их, где бы Вы ни пожелали.

Нельзя ли хоть купить № 11 “Весов”, который не был доставлен почтой (я писал об этом г. Ликиардопуло), а то мне крайне важно знать, как отнеслась Рената к раненому Рупрехту⁸.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

БОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ⁹

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я, согретая неволью,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное: довольно.

Светила смотрят все мрачней,
Но час тоски моей недолог,

И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой,
Необозримые равнины,
И на равнинах никого.

* * *

Я уйду, убегу от тоски,
Я назад ни за что не взгляну,
Но руками сжимая виски,
Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сада¹⁰
Между ласково-серых равнин,
И отныне везде и всегда
Буду я так отраднo один.

Гибких трав вечереющий шелк
И второе мое бытие.

Да, сюда не прокрадется волк,
ТАМ вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав,
Под уютный задумчивый куст.
И не двинется призрачность трав,
Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года,
Но и здесь я печаль сохраню,
И я буду бояться всегда
Возвращенья к жестокому дню.

Н. Гумилев.

¹ Гумилев имеет в виду сообщение о смерти Я.К. Брюсова.

² Подразумевается сб. "Романтические цветы".

³ Гюстав Моро (1826—1898) — французский живописец-символист.

⁴ В заметке о Малларме Брюсов писал: «Малларме порвал с традициями "Парнаса" и создал свою теорию искусства. В поэзии он отказался от описания и повествования и сознательно поставил на первое место — символ. Стремясь дать читателю "радость угадывания", Малларме стал почти исключительно пользоваться сравнениями, аналогиями и намеками. В речи он старался отбрасывать все несущественное: второстепенные мысли, второстепенные слова, не считаясь с правилами обычного синтаксиса. Благодаря этому, последние произведения Малларме крайне трудны для понимания» (ПСС. XXI. С. 258).

⁵ Часть тиража "Романтических цветов" была напечатана на особой красной бумаге.

⁶ "Неоромантическая сказка" — сравнительно большое стихотворение (23 строфы) (см. п. 9).

⁷ "Маскарад" при публикации в "Весах" посвящен "баронессе де Орвиц-Занетти" (которой, по сведениям П.Н. Лукницкого, ненадолго увлекся Гумилев), а весь сборник — Анне Андреевне Горенко. После существенной переработки стихотворение вошло в третье издание "Романтических цветов" (без посвящения). Никаких дополнительных данных об Орвиц-Занетти публикатору найти не удалось.

⁸ Рената и Рупрехт — главные герои романа Брюсова "Огненный ангел", публиковавшегося в "Весах".

⁹ Впервые опубликовано: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 96—97.

¹⁰ Отдавая стихотворение в газету "Речь", Гумилев озаглавил его "После смерти" (ЦГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед.хр. 2950. Л. 2), внес изменения в 1 и 5 строфы, а также переделал вторую строфу:

И пойду в голубые сады
Между ласковых серых равнин,
Чтобы рвать золотые плоды,
Потаенные сказки глубин.

38. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 10 / 23 февраля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

Я давно не писал Вам и теперь хочу искупить этот проступок, посылая Вам несколько новых стихотворений, из которых первое кажется мне не очень плохим, хотя в нем, пожалуй, я воспользовался Вашей темой¹. Второе обращение к себе самому; в нем я высказываю кое-что пришедшее мне в голову относительно конструкции стиха. Так что взгляните на него скорее как на рассуждение, чем как на стихотворение. Третье – я считаю пустяком, но его захвалили и, может быть, оно понравится и Вам. Недавно случайно в № “Образования” я нашел Вашу “Жизнь”², и она мне понравилась больше каждого стихотворения “Венка”. Теперь уже, когда у меня спрашивают, какая Ваша книга наиболее вырисовывает Ваше творчество, я принужден отвечать, что все уже более или менее устарели и что Вы уже обогнали их на очень-очень многое. Никогда бы я не стал Вам писать всего этого, если бы у меня не было корыстной цели: побудить Вас издать новый сборник Ваших последних стихов.

В самом деле, мы (т.е. русские читатели) получаем Блока и Городецкого по несколько книг в год, а Вас – раз в три и даже больше. Но я, конечно, не говорю здесь о распространении книг для поддержания или увеличения Вашей славы, надеюсь Вы меня не заподозрите в этом, нет, но просто для современного читателя важно быть *au courant** Вашего творчества. Тогда бы и русская литература очистилась от мелких гениев, которых приходится хвалить за неимением лучшего, и Георгий Чулков бросил бы перо к великой радости г. Андрея Белого³, и Городецкий подумал бы, что теперь писать левой ногой стало как-то неловко⁴. И я бы поучился.

Все это я пишу Вам как читатель и с его точки зренья мечтаю о Вашей книге, но как *писатель* должен сознаться, что Вы своей строгостью к себе лучше, чем словами, учите нас тактичному обращению с литературой. Но мне кажется, что эта Ваша последняя задача уже выполнена: кто хотел, понял, а горбатого исправит могила. Простите мою многоречивость.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

АНДРОГИН⁵

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное бог-существо,
Мы знаем, ты здесь, ты готов появиться,
Мы верим, мы верим в твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самою,
Ты тело даешь для великого бога,
А я ему душу мою отдаю.

Спешите же, подруга! Как духи, нагими
Должны мы исполнить священный завет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

* в курсе (франц.)

Уж воздух, как роза, и мы, как виденья,
 То видит отчизну свою пилигрим...
 И верь: не коснется до нас наслажденье
 Бичем оскорбительно-жгучим своим.

ПОЭТУ⁶

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
 Как тополь зеленеющей долины,
 Как грудь земли, куда вонзился плуг,
 Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги,
 Твой стих не должен ни порхать, ни биться,
 Хотя у музы легкие шаги,
 Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
 Соблазн уклонов, легкий и свободный,
 Оставь, оставь накрашенным шутам,
 Танцующим на площади народной.

И выйдя на священные тропы,
 Певучести пошли свои проклятья,
 Пойми, она любовница толпы,
 Как милостыни, ждет она объятья.

* * *

Под рукой уверенной поэта
 Струны трепетали в легком звоне,
 Струны золотые, как браслеты
 Сумрачной царицы беззаконий.

Опьяняли зовы сладострастья,
 И спешили поздние зарницы,
 Но не даром звякнули запястья
 На руках бледнеющей царицы.

И не даром взоры заблестали,
 Раб делил с ней счастье этой ночи,
 Лиру положили в лучшей зале,
 А поэту выкололи очи.

Н. Г у м и л е в.

¹ Конечно, речь идет не о прямом заимствовании темы стихотворения "Андрогин", а о том, что Брюсов охотно использовал в своих произведениях мифологические сюжеты.

² Стихотворение "Жизнь", вошедшее позднее в сб. "Все напевы", опубликовано: Обзорение. 1907, № 4.

³ А. Белый систематически выступал на страницах "Весов" против Г. Чулкова, причем в очень резкой форме. Так, в рецензии на альманах "Цветник Ор" он писал: "Грязен и непричесан, как всегда, в стихах г. Чулков" (Весы. 1907. № 6. С. 68); в следующем номере журнала, критикуя альманах "Проталина", утверждал: "... на этом бледном фоне грязной кляксой усаживается Чулков (ну, прямо из юрты!)" (№ 7, с. 74).

⁴ Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – поэт и литературный критик, примыкавший в те годы к символистской школе. Брюсов похвалил первую книгу Городецкого "Ярь" (Весы. 1907. № 2), однако его второй сборник "Перун", вышедший в том же году, он оценил гораздо ниже: «В области форм, во власти над своим стихом, С. Городецкий, сравнительно со своей первой книгой, не сделал никаких успехов, а скорее даже пошел назад. В "Яри" он иногда достигал большой силы простотой и безыскусственностью стиха. В "Перуне" их заменила небрежность и грубость. Вместо того, чтобы работать над художественной

“ВЕСЫ”, 1906, № 5

Дьяволы потешаются надо мной.

Рисунок Дж. Энсора. 1895

формой, г-н Городецкий, по-видимому, думает завоевать ее наскоком, но только разбивает себе лоб» (Там же. № 10. С. 52).

⁵ Опубликовано: Альманах 17. СПб.: Рус. скоропечатня, 1909. Андрогини – мифические перволюди, соединяющие в себе мужские и женские признаки. Согласно мифу, воспроизведенному в диалоге Платона “Пир”, Зевс наказал андрогинов за гордость, разделив их на две половинки, которые с тех пор ищут друг друга, чтобы воссоединиться.

⁶ Два последних стихотворения, приложенных к письму, впервые опубликованы: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 98–99.

39. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 23 февраля / 7 марта (19)08 (г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я так долго не писал Вам по двум причинам: во-первых, надеялся, что Вы напишете мне вскоре, а во-вторых, думал, что мне удастся написать несколько стихотворений, чтобы по обыкновению послать Вам. Ни то, ни другое не оправдалось. Стихотворенье я написал, но очень слабое и, если бы не привычка и не новая для меня форма, ни за что бы не послал его Вам. На днях я получил № 1 “Весов” и пришел в восторг, узнав, что “все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов”¹. Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом. Теперь же в цепи Ваших стихов она кажется вполне обоснованной истиной, и я удивляюсь ее глубине, как удивился бы угольщик своему собственному сыну, воспитанному в королевском дворце. Видите, я даже впал в семинарский стиль. Из всего цикла мне больше всего понравился “Лунный Дьявол”. Не правда ли, рога – это лучи, а агатовые взоры – это пятна на луне?² Удивительное сочетание четкости с тонкостью.

Почему-то предположив, что мой “Камень” Вам не понравится, я послал его в “Образование”. Если же я ошибся и Вы думаете взять его, напишите, я pošлю в “Образование” извиненья³.

Когда Вы вздумаете писать мне, скажите хоть несколько слов о моем “Андрогине” (“Тебе никогда не устанем молиться”) и что Вы думаете с ним делать? “Он” меня очень

интересует. Сейчас я пишу философско-поэтический диалог под названием “Дочери Каина”⁴, смесь Платона с Флобером, и он угрожает затянуться. Когда кончу, непременно пошлю Вам. Не так давно я познакомился с новым поэтом, мистиком и народником Алексеем Н. Толстым (он посылал Вам свои стихи)⁵. Кажется, это типичный “петербургский” поэт, из тех, которыми столько занимается Андрей Белый⁶. По собственному признанию, он пишет стихи всего один год⁷, а уже считает себя maître’ом. С высоты своего величия он сообщил несколько своих взглядов и кучу стихов. Из трех наших встреч я вынес только чувство стыда перед Андреем Белым, которого я иногда упрекал (мысленно) в несдержанности его критик. Теперь я понял, что нет таких насмешек, которых нельзя было бы применить к рыцарям “Патентованной калоши”⁸.

Сегодня собираюсь пойти к Ренэ Гилю; у него прием.

Может быть, Вам не будет трудно в начале второй из моих новелл перечеркнуть слово “Симла” и поставить вместо него “Мартишор”⁹. Первого зверя я выдумал сам, о втором упоминает Аристотель¹⁰.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

НА ПИРУ¹¹

Влюбленный принц Диего задремал
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И растянул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
А на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно,
Ему с его невестой суждено.
Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество,
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.

Н. Г у м и л е в.

¹ Цитируется стихотворение Брюсова “Поэту” из цикла “Обреченный” (Весы. 1908. № 1).

² “Лунный Дьявол” так же опубликован в цикле “Обреченный”. Гумилев говорит о начале стихотворения:

Лунный дьявол бледно-матовые
Наклонил к земле рога.
Взоры, прозрачно-агатовые,
Смотрят с неба на снега...

³ См. п. 36, прим. 5.

⁴ Рассказ “Дочери Каина” напечатан в журнале “Весна” (1908, № 3, авг.), а затем включен в сборник рассказов “Тень от пальмы”. Возможно, что первоначально замышлялось совершенно иное произведение, так как рассказ не соответствует характеристике Гумилева: “философско-поэтический диалог... смесь Платона с Флобером”, хотя в нем и заметно влияние повести Г. Флобера “Легенда о святом Юлиане Милостивом”, неоднократно публиковавшейся на русском языке в переводе И.С. Тургенева.

⁵ Алексей Николаевич Толстой (1882–1945) начинал свою литературную деятельность как поэт. 12 марта 1908 г. А. Толстой писал К.И. Чуковскому из Парижа: «... я пользуюсь случаем обратить Ваше внимание на нового поэта Гумилева. Пишет он только в “Весях”, потому что живет всегда в Париже; очень много работает, и ему важна в начале правильная критика» (ГБЛ. Ф. 620. 63.45. Л. 8, 8об.). О своих встречах с Гумилевым он вспоминал: “Мы сидели за столиком кафе, под каштанами, летом 908 года (...) В этом кафе под каштанами мы познакомились и часто сходились и разговаривали – о стихах, о будущей нашей

славе, о путешествиях в тропические страны, об обезьянках, о розысках остатков Атлантиды на островах близ южного полюса, о том, как было бы хорошо достать парусный корабль и плавать на нем под черным флагом" (Нисхождение и преображение. С. 7; перепечатано в сб.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 39).

⁶ Андрей Белый неоднократно выступал против петербургских поэтов; например, в рецензии на альманах "Цветник Ор" он возмущался, что "с соизволения почтёйного, но как-то растерявшегося В. Иванова, сверхиндивидуалисты чувликистами молоточками откалывают камушки от трудносдвигаемых твердынь Ницше, Ибсена, толкут в ступке и этой пылью опрыскивают фланеров Невского проспекта" (Весы. 1907. № 6. С. 66).

⁷ Это утверждение не совсем точно. Уже в 1905 г. А. Толстой напечатал в провинциальных газетах ряд стихотворений, но первый сборник стихов "Лирика" вышел в 1907 г. (СПб., изд. автора).

⁸ Статья А. Белого, направленная против петербургских модернистов, называлась "Штемцелеванная калоша" (Весы. 1907. № 5).

⁹ В сборнике "Тень от пальмы" и в "Весах" в новелле второй – "Радости земной любви" – сохранено первоначальное название чудовищного зверя, "который живет во владениях Великого Могола, ежедневно пожирая тысячи людей", – Симла.

¹⁰ Мартихор (по-персидски "Людоед") – чудовищный зверь, похожий на быка и тигра с иглами на хвосте; Аристотель упоминает о нем со ссылкой на описание Индии, сделанное Ктесием, историком, знаменитым своими выдумками (Аристотель. История животных. 501 а 26). В письме зверь назван Мартишором.

¹¹ Впервые опубликовано: Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. С. 99–100.

40. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 12/25 марта 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я чувствую мою вину. Открылась выставка Indépendants¹, и я ничего не пишу о ней в "Весы"². Это происходит не от лени и не из-за моих других работ (их у меня действительно много), но исключительно из-за самой выставки. Слишком много в ней пошлости и уродства, по крайней мере для меня, учившегося эстетике в музеях. Может быть, это тот хаос, из которого родится звезда, но для меня новые течения живописи в их настоящей форме совершенно непонятны и не симпатичны. А писать о том немногим, что меня заинтересовало, не имело бы смысла. Впрочем, скоро открывается Весенний Салон, и я надеюсь, что с ним я буду счастливее³. Также я попросил бы Вас дать мне для разбора какую-нибудь книгу русских стихов. Моим мыслям о поэтическом творчестве пока было бы удобнее всего вылиться в рецензии⁴.

Мне очень интересно, сколько моих стихов Вы думаете напечатать в этом году. Если три, то я позволю себе обратить Ваше внимание на "Скрипку" (уже взятую Вами), "Андрогина" и сегодняшнее – "Одержимый"⁵. Они мне нравятся больше всего, мною написанного⁶, но, конечно, Ваш выбор может переменить мое мнение⁷, составленное совершенно одиноко.

Не надо ли прислать их переписанными заново? Февральского номера "Весов" я еще не получил и жду его с нетерпением.

Всегда преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ "Société des Artistes Indépendants" ("Общество независимых художников") основано в 1884 г. в Париже. Его ежегодные выставки привлекли внимание любителей постимпрессионистской живописи.

² Позднее Гумилев прислал статью об этой выставке (см. п. 45, прим. 1 и 3).

³ Весенний салон – ежегодные с 1881 г. выставки Общества французских художников – Société Nationale des Beaux Arts, в которых участвуют представители традиционных направлений в живописи. Свои впечатления от этой выставки Гумилев изложил в заметке, присланной для "Весов" (см. п. 43).

⁴ Брюсов не откликнулся на эту просьбу. Первая рецензия Гумилева на сборник стихов М. Кузмина "Сети" появилась в газете "Речь" (1908, № 121, 22 мая).

⁵ В приложении к настоящему письму "Одержимый" отсутствует. Возможно, Брюсов передал рукопись стихотворения в "Весы", где оно было опубликовано в подборке из трех стихотворений (1908, № 6).

⁶ И в дальнейшем автор высоко оценивал "Одержимого" ("Луна плывет, как круглый щит давно убитого героя..."). В начале 1913 г. Гумилев по пути в Африку писал А.А. Ахматовой из Одессы: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо, по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что "от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца", но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Гаилла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады» (The Slavonic and East European review. Vol. L. № 118. P. 102).

⁷ Брюсов заменил в подборке Гумилева стихотворение "Андрогин" на "Рыцарь с цепью".

41. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 24 марта / 6 апреля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спешу Вас известить, что мое поползновение печататься, по обыкновению, не увенчалось успехом, и Арцыбашев¹ объявил, что стихи мои не подходят “по характеру”. Впрочем, из интересных я посылал ему только “Камень”. Но теперь свободен и он.

Я посылаю Вам несколько новых вещей, чтобы у Вас был больше выбор. Не могу Вам не признаться в недавней мальчишеской шутке. Я познакомился с одной барышней m-lle Богдановой², которая бывает у Бальмонтов и у Мережковских, и однажды в Café d'Harcourt она придумала отнести мое стихотворение “Андрогин” для отзыва З.Н. Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью “очень хорошо”, и даже Мережковский отнесся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но, конечно, ей не удастся это сделать. Так что, если “Андрогин” не будет в “Весех”³, для Зинаиды Николаевны останется загадкой “застенчивый” талант-метеор (эпитет Образования)⁴.

Теперь я хочу попросить у Вас совета как у maître'a, в руках которого находится развитие моего таланта. Обстоятельства хотят моего окончательного переезда в Россию (в Петербург)⁵, но не повредит ли мне это как поэту. Тогда их можно устранить. Сообщите мне Ваше мнение, и оно будет играть роль в моем решении. Конечно, я напому Вам джеромовского юношу, который вечно жил советами⁶, но Ваше влияние на меня было до сих пор так благотворно, что я действую по опыту. Мне совестно писать Вам об этом, но я надеюсь получить от Вас ответ сравнительно скоро, так как через три недели я опять начну кочевой образ жизни и долго не буду иметь определенного адреса. Скоро, наверное, в Москву приедет поэт гр. Толстой⁷, о котором я Вам писал. За последнее время мы с ним сошлись, несмотря на разницу наших взглядов, и его последние стихи мне очень нравятся. Очень интересно, что скажете о нем Вы⁸.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. Несколько слов об Анне Коммене⁹, о которой я написал стихотворение. Историки любят выставить ее идеальной, но многие факты заставляют меня подозревать противное. Вспомните крестоносца Боемонта¹⁰, помилованного разбойника¹¹ etc. Думаю, я не исказил истины.

Н.Г.

АННА КОММЕНА¹²

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит беззаботный полет кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно-красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов,
Он отдал сраженья за стол наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли,
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны
Дрожа увлекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользающий взгляд,
А утром спокойный, красивый и стройный,
Он выпьет коварно предложенный яд.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальной, дрожа в своей спальне,
В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Коммены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки томительной скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

¹ Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878–1927) – популярный в свое время беллетрист. Гумилев посылал свои произведения в журнал “Образование” (см. п. 39), к редакции которого Арцыбашев был весьма близок в те годы.

² Никаких сведений о Богдановой получить не удалось.

³ Стихотворение “Андрогин”, приложенное к п. 38, в “Весах” опубликовано не было.

⁴ См. п. 30, прим. 6.

⁵ Возвращение Гумилева в Россию было ускорено, скорее всего, болезнью его отца, а также скептическим отношением последнего к образованию, полученному за границей. О.Л. Делла-Вос-Кардовская в неопубликованных воспоминаниях рассказывает: “Отца Николая Степановича мы не знали. В течение многих лет он болел какой-то хронической болезнью и был прикован к постели. (...) Судьба сына, видимо, крайне волновала родителей, так как между ними на этот счет очень часто происходили длительные споры. Отец хотел, чтобы сын прежде всего закончил университет и затем избрал себе какую-либо научную деятельность. Литературное поприще казалось ему недостаточно серьезным и малообеспеченным. Ему не нравилось также, что сын, не получив необходимого русского образования, уехал учиться в Сорбонну и хочет стать поэтом” (собрание Л.В. Горнунга).

⁶ Возможно, что Гумилев имел в виду Поплытона, героя рассказа Д. Джерома “Человек, который забитись обо всех”, или же одного из персонажей рассказа “О вреде чужих советов”.

⁷ А.Н. Толстой вернулся в Россию в октябре 1908 г. (см.: Радянские литературознания. 1974. № 7). С.И. Дымшиц-Толстая вспоминает: “Поздней осенью мы вернулись из нашей первой парижской поездки домой, в Петербург, на Таврическую улицу, 25” (Воспоминания об А.Н. Толстом. М.: Сов. писатель, 1973. С. 68.).

⁸ По поводу второго сборника стихов А.Н. Толстого “За синими реками” (М.: Гриф, 1911) Брюсов писал: «Умело пользуясь выражениями и оборотами народного языка, присказками, прибаутками, гр. Толстой выработал склад речи и стиха совершенно свой, удачно разрешающий задачу – дать не подделку народной песни, но ее пересоздание в условиях нашей “искусственной” поэзии. (...) Некоторую расплывчатость изложения и некоторую склонность к дешевым эффектам можно отнести за счет неопытности дебютанта...» (VI, 366). Зимой 1908 г. на заседании “Общества свободной эстетики” Толстой прочитал пять стихотворений, заслуживших одобрение Брюсова (см. об этом подробнее: наст. кн., Переписка с Волошиным п. 76, прим. 2).

⁹ Анна Комнина (1083–1148) – дочь византийского императора Алексея I. Считалась одной из образованнейших женщин своего времени. Выйдя замуж за Никифора Вриенния, византийского полководца и писателя, старалась с его помощью отнять престол у своего брата Иоанна II. Однако заговор не увенчался успехом, и Анна Комнина удалась в монастырь, где написала исторический труд – “Алексиаду”, прославляющую деяния ее отца и содержащую множество ценных исторических сведений. Произведение это считается одним из шедевров византийской литературы. Гумилев, по-видимому, был знаком с этим трудом по какой-либо исторической хрестоматии или по его переводу на русский язык – “Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина” (ч. I. СПб., 1859). В одном из “Писем о русской поэзии” он вспоминает о героине стихотворения: “Анна Комнена, написавшая жизнеописание своего отца, императора Алексея, извинялась перед своими читателями, что ей приходится упоминанием грубых и неблагозвучных имен крестоносцев разрушать благородный ритм греческой речи” (Аполлон. 1910. № 7. С. 36).

¹⁰ *Бозмунд I Тарентский* (1065–1111) – старший сын норманского герцога Роберта Гвискара. Сражался еще юношей в войсках своего отца против византийского императора Алексея I. Принимая участие в Первом крестовом походе, захватил Антиохию, но попал в плен, пробыв в нем четыре года. Выкупившись из плена, он отправился в Европу и женился на дочери французского короля Филиппа I. Собрал с помощью тестя войско, он снова повел его против императора Алексея I, но вынужден был заключить невыгодный мир. В “Алексиаде” Бозмунд I выведен как чудовищный злодей. Анна Комнина характеризует его так: “Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войск и денег” (Анна Комнена. *Алексиада*. М.: Наука, 1965. С. 291; см. также: *Безобразов П. Бозмунд Тарентский* // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Т. 226). Впоследствии, в 1918 г., Гумилев писал: “От Сарданапала, через Алкивиада, Бозмунда Тарентского, Букинггама вплоть до Джорджа Брюмеля – какая удивительная цепь людей – поэм, не творцов, а произведений искусства” (*Тут Петроний Арбитр*. Матрона из Эфеса / Пер. с лат., послесл. и прим. Г.И. Гидони, с предисл. Н.С. Гумилева. Пг., 1923. С. 5).

¹¹ Имеется в виду следующий эпизод из “Алексиады”: “Однажды самодержец на площади большого дворца занимался игрою в шары, скача верхом на коне, В это время один варвар (...) подходит к самодержцу и, преклонив колена, прикидывается просителем. Самодержец тотчас остановил коня и, обратившись, спросил: о чем он просит? Тогда этот убийца больше, чем проситель, протянув руку и схватившись за меч, стал обнажать его. Но меч не повиновался руке, хотя раз и два пытался он вынуть оружие. (...) Тут преданнейшие самодержцу хотели было растерзать того варвара, но самодержец и знаками, и рукою, и разными угрозами удержал их от такого намерения. Что же далее? Тот убийца воин тут же получает совершенное прощение (...) и величайшие дары” (Византийские истории. Т. 3. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Труды Анны Комниной. Ч. I. Пер. под ред. проф. В.Н. Карпова. СПб., 1859. С. 424–425).

¹² Стихотворение в несколько иной редакции было отдано в газету “Речь” (*ЦГАЛИ*. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 1), однако там не появилось. Впервые опубликовано: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма*. С. 100–101. Какие еще произведения присланы с этим письмом, установить не удалось. Возможно, что в их числе было “Рыцарь с цепью”, о котором Гумилев высказывает свое мнение в п. 42 (опубл.: *Весы*. 1908. № 6).

42. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 9/) 22 апреля (19)08 (г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

сейчас я получил Ваше письмо, и мне очень стыдно, что я отрываю Вас от Ваших работ. Но, сказать по правде, статья А. Белого о вольноотпущенниках и их закулисной жизни меня затронула¹, я принял ее также и на свой счет и захотел еще раз убедиться в неизменности Вашего расположения ко мне. Уверяю, это было совершенно бессознательно. Очень благодарю Вас за рецензию² и совет. В рецензии Вы отнеслись ко мне снисходительнее, чем я думал, и в ней Вы сделали все, чтобы вывести меня на путь известности. Особенно же мне понравилось бесконечное верное (я надеюсь) замечание, что “Романтические Цветы” только ученическая книга³. Я уже теперь считаю ее за пройденный этап творчества. Что касается совета, я вполне понимаю его справедливость, и меня утешает только то, что если я перееду в Россию, я буду жить не в Петербурге, а в Царском Селе, которое очень тихо и спокойно⁴. Но этот вопрос, может быть, нам удастся выяснить при встрече, потому что я в первой половине мая буду в Москве и постараюсь увидаться с Вами⁵. Я работаю много, написал два рассказа⁶ и много стихов, из которых кое-что мне кажется удачным. Я посылаю стихи Вам, и, может быть, Вы выберете третье для “Весов”. “Рыцарь с цепью” мне нравится мало: он какой-то легкомысленный⁷, но я в восторге, что Вы одобрили “Одержимого”⁸.

Завтра я пойду в “Весенний Салон” и посмотрю, не смогу ли написать о нем; заодно упомяну и о “Независимых”⁹.

А через неделю, наверно, выеду из Парижа.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ВЫБОР¹⁰

Созидающий башню сорвется,	А ушедший в глухие пещеры
Будет страшен стремительный лет,	Иль к безлюдью пустынной реки,
И на дне мирового колодца	Повстречает свирепой пантеры
Он безумье свое проклянет.	Наводящие ужас зрачки.
Разрушающий будет раздавлен,	Не избежешь ты доли кровавой,
Опрокинут обломками плит,	Насмеется беззвучная твердь,
И Всевидящим Богом оставлен,	Но молчи: несравненное право
Он о муке своей возопит.	Самому выбирать свою смерть.

КОЛОКОЛ¹¹

Тяжкий колокол на башне	Дальше звал он, точно пенье,
Медным ревом заревел,	К созидающей борьбе,
Чтоб огонь пылал бесстрашной,	Люди мирного селенья,
Чтобы бешеные люди	Люди плуга брали молот,
Праздник правили на груди	Презирая зной и холод,
Изуродованных тел.	Храмы строили себе.
Звук помчался в дымном поле,	А потом он умер, сонный,
Повторяя слово: “смерть”.	И мечтали пастушки:
Звери корчились от боли,	– Это, верно, бог влюбленный,
И испуганные птицы,	Приближаясь к сладкой цели,
Как багряные зарницы,	Нежным рокотом свирели
Летом взрезывали твердь.	Потревожил тростники.

ЗАВЕЩАНИЕ¹²

Очарован соблазнами жизни,	Пусть высоко на розовой влаге
Не хочу я растаять во мгле,	Вечереющих горных озер
Не хочу я вернуться к отчизне,	Молодые и строгие маги
К усыпительной черной земле.	Кипарисовый сложат костер.

И, покорно склоняясь, положат
На него мой недвижимый труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
По-иному печален и туп.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет

В час, когда задрожит и отчалит
Огневеюще-траурный плот.

Словно демон в лесу волхований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

Н. Г у м и л е в.

¹ Статья А. Белого "Вольноотпущенники" из серии "На перевале" была опубликована в "Весах" (1908, № 2) и направлена против эпигонов символизма, "оравы обозников", "литературных паяцев", примкнувших к модному направлению в искусстве.

² В статье Брюсова "Дебютанты" разбиралась среди прочих также книга Гумилева "Романтические цветы". В рецензии отмечалась упорная работа автора над техникой стиха. "Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и, большей частью, интересны по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой обдуманностью и изысканностью выбирает эпитеты" (Весы. 1908. № 3. С. 77).

³ Подводя итог, Брюсов писал: "Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы, и "Романтические цветы" — только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно, и по тому самому встающих высоко" (Там же. С. 78).

⁴ По всей видимости, отвечая на вопрос Гумилева (см. п. 41), не повредит ли его поэтическому развитию возвращение в Россию, Брюсов советовал ему избегать суетливой литературной жизни Петербурга.

⁵ Вероятно, эта встреча состоялась, и тогда же Гумилев отдал в "Весы" свой рассказ "Скрипка Страдивариуса".

⁶ Весной 1908 г. Гумилев написал большинство своих рассказов: "Скрипку Страдивариуса", "Дочерей Каина", "Принцессу Зару", "Черного Дика" и "Последнего придворного поэта".

⁷ Стихотворение "Рыцарь с цепью" ("Слышу гул и завыванье призывающих рогов...") опубликовано: Весы. 1908. № 6. Возможно, оно было послано с п. 41.

⁸ См. п. 40, прим. 5–6.

⁹ См. п. 45, прим. 1 и 3.

¹⁰ Опубликовано в "Журнале театра Литературно-художественного общества", редактируемого Б.С. Глаголиным (1909, № 2).

¹¹ Опубликовано там же (1909, № 5).

¹² Опубликовано с рядом изменений в газете "Речь" (1908, № 136, 8 июня).

43. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Париж. 15 / 28 апреля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

На днях я был в Весеннем Салоне, и он мне так понравился, что я написал о нем и "Независимых" заметку, которую буду очень рад увидеть в "Весах"¹. Посмотрите, нельзя ли будет ее там напечатать. А то я все еще мало верю в мой талант как художественного критика. Впрочем, я много вращаюсь в кругах художников², и сообщаемые мною сведения вполне достоверны. Очень благодарю Вас за II том "Путей и Перепутий". Я ему особенно обрадовался, так как "Urbi et Orbi"³ у меня зачитали. Больше не пишу Вам ничего, потому что недели через три мы, наверное, увидимся.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 45, прим. 1.

² За время пребывания в Париже Гумилев познакомился с Н. Рерихом, Е. Кругликовой, К. Петровым-Водкиным, М. Фармаковским, М. Тенишевой, А. Божеряновым, С. Гуревичем и др. художниками. Л.В. Шапорина вспоминает о парижской мастерской Е.С. Кругликовой: «Приезжал в 1907 году еще совсем моло-

дой Н.С. Гумилев, читал свои стихи. Мало кто знал его тогда, но говорили шепотом друг другу: «Он “весит”, его печатают в “Весех”!» (Кругликова Е.С. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 68).

³ Во второй том Собрания стихов Брюсова “Пути и перепутья” вошли сборники “Urbi et Orbi” и “Stephanos”. Рецензируя этот том, Гумилев писал: “Даже в самых враждебных ему кругах Брюсов заслужил репутацию мастера формы. Он разделяет мечты Малларме и Рене Гийя о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям. Строгим выбором выражений, отточенной ясностью мысли и медной музыкой фраз он достигает результатов, которые не всегда доставались на долю его французских собратьев. Вечно-непокорное слово уже не борется с ним; оно нашло своего господина” (Речь. 1908. № 127. 29 мая).

44. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 12 мая 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я посылаю Вам по условию три отмеченные Вами стихотворения в несколько исправленном виде¹. Если Вы пожелаете изменить в них что-нибудь сами, Вы доставите мне этим громадное удовольствие. Теперь Вы, конечно, знаете, возьмется ли “Скорпион” за издание моих стихов, и я со жгучим нетерпением жду Вашего ответа по этому поводу². Еще раз повторяю, что если объявление о моей книге будет печататься в списках изданий “Скорпиона”, я буду ждать хоть два года. Мне было бы также интересно знать, пойдет ли в “Весех” мой рассказ “Скрипка Страдивариуса”³, потому что в случае отказа я мог бы предложить ее в другое место. Но с этим не торопитесь и прочтите ее, когда Вам будет удобно.

Сейчас я перечитывал “Путь конквистадоров” (первый раз за два года), все Ваши письма (их я читаю часто) и “Романтические Цветы”. Нет сомнения, что я сделал громадные успехи, но также нет сомнения, что это почти исключительно благодаря Вам. И я еще раз хочу Вас просить, не смотреть на меня как на писателя, а только как на ученика, который до своего поэтического совершеннолетия отдал себя в Вашу полную власть. А я сам сознаю, как много мне надо еще учиться.

Так как Вы не помните моего “Андрогина”, я посылаю его Вам и был бы в восторге, если бы его можно было напечатать в “Весех”: я его очень люблю⁴.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Приложенные к письму стихотворения отсутствуют. Скорее всего, это три стихотворения, вошедшие в подборку “Весов” (1908, № 6). См. п. 40, прим. 5.

² См. п. 45, прим. 4.

³ Новелла “Скрипка Страдивариуса” опубли.: Весы. 1909. № 7. По выходе ее в свет она подверглась разбору В.И. Анненского-Кривича: “Новелла интересна и несколько напоминает старый миф о Фамире-Кифареде. Он тоже разбил свою кифару, убедившись, что муза играет безмерно лучше его (...) Яркий, оригинальный язык, фантазия, интересная в большинстве случаев, архитектоника фразы, – но все же проза г. Гумилева несколько утомляет. Она как-то уж слишком густа, а периоды ее тяжеловесны для самой формы рассказа (...) Когда читаешь прозу этого интересного поэта, то все кажется, что за нею был раньше стихотворный размер, автором уничтоженный” (Аполлон. 1909. № 1. С. 24). По поводу публикации Гумилева в “Весех” Б.В. Томашевский сообщал А.А. Попову (Виру) 23 сентября 1909 г.: «...стихи Гумилева – непролазная риторика. Вообще, Гумилев после успехов становится неопрятным. Например, в новелле “Скрипка Страдивариуса” (№ 7) имеются такие пассажи: говоря о бумеранге, он пишет: “Он оживает в злобной руке дикаря, летит, поворачивается и, разбив голову врагу, возвращается к ногам хозяина, такой гладкий и невинный”. Как известно – бумеранг возвращается лишь в том случае, если не достигает цели, так как всякий удар расстраивает правильность его движений. Далее: “Через пять дней сторож нашел его умершим от жажды и ночью закопал на рву, как скончавшегося без церковного погребения”. Неужели для того, чтобы скончаться, нужно быть предварительно погребенным?» (ГБЛ. Ф. 654). В сборнике “Тень от пальмы” первая неточность сохранилась, а вторая (явная описка: погребения вместо покаяния) – была исправлена.

⁴ См. п. 38, прим. 5 и п. 41, прим. 3. Текст стихотворения в данном письме отсутствует.

45. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва. После 13 мая 1908 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи¹, которую очень прошу просмотреть и вернуть, как можно скорее. Особенно следует проверить транскрипцию собственных имен. Мы кое-что смягчили в Ваших словах о Сезанне². Может быть, придется вообще сделать к этой заметке “редакционное примечание”³, но все же она интересует нас.

В принципе “Скорпион” принимает на себя издание Ваших “Жемчугов”. О сроках и подробностях сообщу отдельно⁴.

Вы не указали Вашего Петербургского адреса в последнем письме, и это письмо я посылаю наудачу по Вашему старому адресу.

Ваш Валерий Брюсов.

908.

P.S. Статья Ваша такого рода, что я советую Вам подписать ее лишь инициалами⁵.

¹ Речь идет о статье “Два салона. (Société des Artistes Indépendants – Société Nationale des Beaux Arts)”, опубликованной в “Весах” (1908, № 5).

² Даже в смягченном виде творчество Сезанна оценивается Гумилевым не очень высоко: “Будучи уже автором многих картин, обнаруживающих большой вкус и знание техники, он внезапно взялся за отыскание новых путей для искусства, приняв исходной точкой стиль ассирийцев и халдеян. Затворившись в своей мастерской, он начал упорно работать, стараясь прежде всего отделаться от прежних, мешавших ему, приемов творчества. Быть может, для искусства и запылала бы новая заря, но Сезанн умер в конце своей подготовительной работы...” (Там же. С. 103–104).

³ Автор довольно резко высказался по поводу полотен последователей Гогена и Сезанна, выставленных в Салоне Независимых, выделив лишь Анри Руссо, “создавшего несколько прекрасных картин”. По этой причине статья сопровождалась следующим примечанием: “Редакция помещает это письмо, как любопытное свидетельство о взглядах, разделяемых некоторыми кружками молодежи, но не присоединяется к суждениям автора статьи”.

⁴ Сборник Гумилева “Жемчуга” выпущен издательством “Скорпион” весной 1910 г.

⁵ Гумилев последовал совету Брюсова, статья была подписана инициалами “Н.Г.”.

46. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 15 июня 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодарю Вас за письмо, я уже давно не получал от Вас таких длинных, и это начинало меня угнетать. Напишите, пожалуйста, в какие места к океану Вы думаете ехать¹. Осенью я тоже думаю уехать из России, и, может быть, мне удалось бы повстречаться с Вами². А то, правду сказать, я не вполне удовлетворен нашими прежними встречами. Вы были моим покровителем, а я ишу в Вас “учителя” и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно. Вспомните, для примера, Ваше прошлогоднее письмо о рифмах и размерах. По “Романтическим Цветам” Вы видите, как много оно мне открыло. Недавно мне передавали, что Вяч. Иванов недоволен моими стихами и находит, что в них чувствуется Ваше влияние³. При встрече я искренне благодарю его за это мнение. Я не воспринял от Вас еще и четверти того, что мне надо, чтобы выяснить свою творческую индивидуальность. И мне кажется, чем решительнее, чем определеннее будут Ваши советы, тем больше пользы они мне принесут. Впрочем, делайте, что найдете нужным и удобным: уже давно я Вам сказал, что отдаю в Ваши руки развитие моего таланта, и Вы вовремя не отказались.

Пишу я, как и всегда летом, мало. Но надеюсь, что это затишье перед бурей. За мои стихи и рецензии в “Речи”⁴ меня травит маленькая вечерняя газета “Последние новости”⁵. Но пока довольно неостроумно: так, например, “Афродиту Уранию”, про которую я однажды упомянул, она спутала с Афродитой уранистов и т.д.⁶ “Русская

мысль” взяла один мой рассказ и просит еще⁷. Если Вы не берете “Скрипку Страдивариуса”, сообщите мне, я предложу ее туда⁸.

Жду “Романтических Цветов” с Вашими пометками. На всякий случай посылаю еще экземпляр⁹.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ 24 июля 1908 г. Брюсов с женой уехали на три месяца за границу. Сначала они провели месяц в Италии, затем отдыхали в маленьком приморском городке Сен-Жан-де-Люс, около Биаррица, и на обратном пути Брюсов остановился в Бельгии, чтобы нанести визит Верхарну.

² 7 сентября 1908 г. Гумилев отправился путешествовать в Африку (см. п. 49). Побывав в Константинополе, на полуострове Пелопонесс и в Каире, он вернулся в Петербург 9 ноября (см. письма к В.Е. Аренс от 8 и 19 октября 1908 г. – ЦГАЛИ. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 2, 3).

³ О влиянии Брюсова на Гумилева см. вступительную статью к настоящей публикации. Знакомство Гумилева с Вяч. Ивановым было в это время не очень близким (см. п. 50, прим. 2).

⁴ До 15 июня 1908 г. в газете “Речь” были помещены рецензии Гумилева на сборник М.А. Кузмина “Сети” (№ 121, 22 мая), на 2-й том “Путей и перепутий” Брюсова (№ 127, 29 мая) и стихотворение “Завещание” (№ 136, 8 июня). Гумилев и позднее неоднократно публиковал в “Речи” свои отзывы о выходящих книгах, в частности среди них была рецензия на сборник “Французские лирики XIX века. Перевод в стихах Валерия Брюсова” (1909, № 196, 20 июля).

О начале сотрудничества Гумилева в этой газете вспоминал В.Я. Ирецкий (Гликман): «...никому неизвестный молодой человек пришел в редакцию газеты “Речь” и вручил редактору (это был М.И. Ганфман) литературную заметку строк в шестьдесят. Посетитель был в цилиндре, в лайковых перчатках, необычайно для литератора элегантен; был строг и важен, придавал своей заметке чрезвычайно большое значение. Он стал частым гостем редакции и неизменно сохранял свою чопорность, свою несколько забавную важность» (Сегодня. 1931. 15 сент.).

⁵ “Последние новости” – вечерняя петербургская газета, издаваемая Б.А. Котловкером. Выходила с января по июнь, а затем в октябре и ноябре 1908 г. В перерыве подписчики получали газету “Вечер”, издаваемую И.П. Табурко. Анонимный автор заметки, озаглавленной “Пылающий”, полностью перепечатав стихотворение “Завещание” (см. п. 42), иронизирует: «Считаем необходимым указать, что это не пародия и что г-н Гумилев намерен “отпылать” всурьёз. Но если бы это случилось поскорее!» (Последние новости. 1908. № 119, 9 июня).

⁶ В рецензии на сборник “Сети” (см. прим. 4) Гумилев писал: “Кузмин – поэт любви, именно поэт, а не певец. В его стихах нет ни глубины, ни нежности романтизма. Его глубина чисто языческая, и он идет по пути, намеченному Платоном, – от Афродиты Простонародной к Афродите Урании”. Платон в “Пире” противопоставил дочь Зевса и Дионы Афродиту Пандемос (“Всенародную”) Афродите Урании (“Небесной”), возникшей из крови оскопленного Кроном бога неба Урана. Первая была, согласно Платону, доступна и понятна всем, она олицетворяла телесную любовь, сладострастие. Вторая же, более древняя, стала символом одухотворенности, любви к возвышенному, что определялось ее небесным происхождением. Она считалась богиней чистой семейной любви, садов, цветов, весеннего обновления природы. Газетный рецензент, решив, что Афродита Урания – богиня уранистов или уринингов, т.е. покровительница однополых любви, с возмущением писал: «Решительно непонятно, как могла мерзкая пропаганда Афродиты-Урании под видом рецензии о мерзких виршах Кузмина так цинично и откровенно расположиться на столбцах солидной “Речи”» (Последние новости. 1908. № 106. 23 мая).

⁷ О рассказах в “Русской мысли” см. п. 31, прим. 4. 1 июля 1908 г. Гумилев писал В.Е. Аренс: «...конечно, с восторгом исполню Ваше желание и буду присылать мои рассказы. В этом письме я посылаю Вам первый, довольно неудачный и не характерный для моего творчества. Лучшие появятся в “Весак” и в “Русской мысли”» (ЦГАЛИ. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 1).

⁸ См. п. 44, прим. 3.

⁹ См. п. 35. Экземпляр с пометами находился в библиотеке Брюсова (см. Пуришева К. Библиотека Брюсова. ЛН. Т. 27–28).

47. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 14 июля 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже давно собирался Вам писать, но не хотелось делать это без обычного приложения, т.е. стихотворенья.

Я написал его недавно, и, кажется, оно уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиление леконт-де-лилевского элемента¹. Кстати сказать, самого Леконта де Лиля я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае это спасенье от блоковских гуманностей². Я вырабатываю также и свою собственную

расстановку слов. Теперь, когда я опять задумался над теорией стихосложения³, мне было бы крайне полезно услышать Ваши ответы на следующие, смущающие меня вопросы: 1) достаточно ли самобытно построение моих фраз? 2) не нарушается ли гармония между фабулой и мыслью (“угловатость образов”)⁴? 3) заслуживают ли внимания мои темы и не является ли философская их разработка еще ребяческой?

На эти вопросы может ответить только посторонний человек, опытный и интересующийся моими стихами, и, кроме Вас, я таких не знаю. Верьте, что моя просьба об этих указаниях вызвана не тщеславным желанием получать от Вас советы, а только любовью к искусству, которому я посвящаю свою жизнь. Я помню Ваши предостережения об опасности успехов и осенью думаю уехать на полгода в Абиссинию⁵, чтобы в новой обстановке найти новые слова, которых мне так не достает. А успехи действительно есть: до сих пор ни один из моих рассказов не был отвергнут для напечатания. “Русская Мысль” взяла два мои рассказа и по моей просьбе (о ней ниже) напечатает их в августе⁶, “Речь” взяла три и просила еще⁷. Но я чувствую, что теоретически я уже перерос мою прозу, и, чтобы отделаться от этого цикла моих мыслей, я хочу до отъезда (приблизительно в сентябре) издать книгу рассказов⁸ и затем до возвращения не печатать ничего. Теперь я дошел до щекотливого пункта. У Вас есть мой рассказ “Скрипка Страдивариуса”, по общему мнению, много выше “трех новелл”⁹, и он должен войти в книгу. Поэтому для меня очень важно, если, в случае его принятия, он будет напечатан в августе. И так как это может ввести “Весы” в непредвиденные расходы по увеличению номера, я с удовольствием откажусь от гонорара за него. Если же это все-таки не удастся, то прошу Вас, не откажите сообщить мне об этом, я предложу его в другое место. Не рассердитесь за настойчивость моих просьб и, если они Вас стеснят, забудьте о них. Вы и так слишком много сделали для меня, чтобы я мог быть в претензии.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ЦАРИЦА¹⁰

Когда зарыдала страна под немилостью божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды; по ветру рвались знамена,
Как листья осенние, прелые, бурые листья,
Роскошные груди восточных шелков и виссона¹¹
С краев украшали литые из золота кисти.

Нагая царица томилась в неслыханном блюде,
Глаза ее были, как пропасти темного счастья,
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На стройных руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны ласкательной лютни:
“Спешите, героини, несущие луки и пращи,
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, героини, окованы медью и сталью,
Пусть в гибкое тело вонзятся свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью,
И будут пьяней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие грубые люди,
Мое иступленное сердце не знает боязни,
Идите, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд, протруби, приступите к восторженной казни”.

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновой,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые рокоты птичьи,
И царственно-синие женские взоры... и струны,
Которыми скалды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И щеки пылали и ждали сердца преступленья,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной улыбкой он крикнул слова отступленья.

Н. Г у м и л е в.

¹ В рецензии на "Романтические цветы" Брюсов указывал: "Н. Гумилеву часто не достает силы непосредственного внушения. Он – немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де-Лиль. Стыдливый в своих личных чувствованиях, он избегает говорить от первого лица, почти не выступает с интимными признаниями и предпочитает прикрываться маской того или иного героя. Сближает его с парнасцами и любовь к экзотическим образам: он любит выбирать для своих баллад и маленьких поэм, как декорацию, – юг с его пышной пестротой, или причудливость тропических стран, или прошлые века, еще не знавшие монотонности современных дней. Но Н. Гумилев менее сдержан, чем то было большинство парнасцев, и его фантазия чертит перед нами несколько угловатых, но смелых и неожиданных линии" (Весы. 1908. № 3. С. 78).

² Мистические и символические черты поэзии Блока были чужды Гумилеву. В рецензии на "Собрание стихотворений в трех книгах", изданное "Мусагетом", Гумилев писал: "О блоковской Прекрасной Даме много гадали. Хотели видеть в ней – то Жену, облеченную в Солнце, то Вечную Женственность, то символ России. Но если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то мне кажется, ни одно стихотворение в книге не опровергнет этого мнения, а сам образ, сделавшись ближе, станет еще чудеснее и бесконечно выиграет от этого в художественном отношении" (Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923. С. 155). Об отношении Гумилева к творчеству Блока см. также: ЛН. Т. 92, кн. 5.

³ О собственной романтической "забавной теории поэзии" Гумилев сообщает в п. 37.

⁴ См. прим. 1.

⁵ О поездке Гумилева в Абиссинию см. п. 49.

⁶ См. п. 31, прим. 4.

⁷ В газете "Речь" были напечатаны рассказы "Черный Дик" (1908, № 145, 15 июня) и "Последний придворный поэт" (1908, № 178, 27 июля).

⁸ 19 августа 1908 г. газета "Новая Русь" сообщала: «Выходит в начале зимы первый том "Рассказов" Н. Гумилева, первоначально печатавшихся в "Образовании", "Русской мысли", "Весах", "Речи" и "Слове". Издание не состоялось. Единственная книга рассказов Гумилева "Тень от пальмы" вышла посмертно.

⁹ Имеются в виду три новеллы "Радости земной любви".

¹⁰ Опубликовано под заглавием "Варвары" в "Альманахе 17". В рукописи в последней строфе к рифмам "площадь" – "лошадь" и "преступленья" – "отступленья" Брюсовым сделана помета: "слабо". Подчеркнуты также слова "на стройных руках" в 3-й строфе и "приступите к восторженной казни" в 6-й. В сборник "Жемчуга" текст стихотворения вошел со значительными изменениями, причем все отмеченные Брюсовым погрешности были устранены.

¹¹ Виссон – дорогая тончайшая материя, из которой, согласно Геродоту, делали царские и жреческие одеяния.

48. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(С.-Петербург. 20 августа 1908 г.)¹

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не только Вам, но и мне суждено начинать письма извиненьями. Но и у меня есть достаточные основания, чтобы объяснить мое долгое молчанье. Все это время во мне совершался перелом во взгляде на творчество вообще, а на мое в частности. И я убедился в моем ничтожестве. В Париже я слишком много жил и работал и слишком мало думал. В России было наоборот: я научился судить и сравнивать. Не думайте, что я соблазнился ересью В. Иванова, Блока или других. По-прежнему я люблю и ценю больше всего путь, указанный для искусства Вами. Но я увидел, как далеко стою я от этого пути. В самом деле, Ваше творчество отмечено всегдашней силой мысли. Вы

безукоризненно точно переводите жизнь на язык символов и знаков. Я же до сих пор смотрел на мир “пьяными глазами месяца” (Нитше)², я был похож на того, кто любил иероглифы не за смысл, вложенный в них, а за их начертанья и перерисовывал их без всякой системы.

В моих образах нет идейного основания, они – случайные сцепленья атомов, а не органические тела. Надо начинать все сначала или идти по торной дорожке Городецкого³. Но на последнее я не согласен. В одном стихотворении Вы говорите: “есть для избранных годы молчанья...”⁴. Я думаю, что теперь они пришли и ко мне. Я еще пишу, но это не более, как желанье оставить после себя след, если мне суждено “одичать в зеленых тайнах”⁵. В силу того же соображенья я возвращаю Вам “Скрипку Страдивариуса” с просьбой напечатать ее в “Весы”, когда это будет для них удобно. Книгу я решил не издавать, а мои вещи после перелома будут слишком долго незрелы, чтобы их можно было печатать.

Как видите, я написал Вам кислое письмо, но я серьезно думаю все это. От Вас зависит властью добровольно избранного *maître*’а повлиять на мое решение.

Успех продолжает меня преследовать: мною заинтересовался Петр Пильский, пригласил в “Новую Русь”⁶; в “Речи” мне хотят прибавить гонорар и т.п. Я никогда не думал, что все это может быть так не интересно. Когда “Весы” смогут опять напечатать мои стихи? Если одиннадцатый номер опять будет сборным⁷, нельзя ли и мне попасть туда. А то до сих пор я печатался в летних номерах, которые не читаются третью подписчиков. Если это будет возможно, не откажите сообщить, я бы выбрал лучшее.

Числа седьмого (по старому стилю) я думаю выехать из Царского. Когда мой адрес хоть сколько-нибудь установится, я тотчас сообщу его Вам (в Москву). Но, может быть, Вы напишете мне до моего отъезда.

Пока я не написал ничего такого, что хотелось бы отдать на Ваш суд.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Письмо адресовано в Сен-Жан-де-Люс (Франция), где отдыхал Брюсов.

² Цитируется высказывание Заратустры из главы “О незапятнанном познании”: “Быть счастливым в одном лишь созерцании за умеренно волею, без приступов гнева и жажды себялюбия, – быть холодным и серым во всем теле, но с пьяными глазами месяца!” (Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. Ю.М. Антоновского. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1900. Ч. 2. С. 230).

³ В 1908 г. Брюсов в рецензии на сборник Городецкого “Дикая воля” сожалел: «Появился эта книга за другой подписью, мы приветствовали бы ее с радостью. Но от автора “Яри” мы требуем большего. С. Городецкий, если и не зарыл еще своего “таланта” в землю, во всяком случае, не постарался приумножить его, как верный раб в притче» (VI, 334).

⁴ Цитируется первая строка стихотворения Брюсова “Годы молчанья” (I, 131).

⁵ Неточная цитата из стихотворения Брюсова “Искатель” (I, 274).

⁶ Петр Моисеевич Пильский (1876–1941) – литературный критик, сотрудничавший во многих газетах и некоторое время возглавлявший литературный отдел “Новой Руси”, которая выходила с 16 августа 1908 г. вместо газеты “Русь”. В иллюстрированном приложении к газете “Русь” Гумилев уже публиковался (см. п. 16, прим. 6). 19 августа 1908 г. “Новая Русь” (№ 4) поместила информационную заметку, в которой отмечалось: «Только что вышедшая небольшая книжка стихов Гумилева “Романтические цветы”, изданная в Париже, заслужила поощрительные отзывы критики: в лестных словах о ней написали “Весы”, “Образование” и “Русская Мысль”». Рецензия в “Образовании”, подписанная Л.Ф. (Л. Фортунатов), принадлежала, по-видимому, самому Пильскому (см. об этом: Александрович Ю. Литературные заметки // Сполохи. 1908.

“ВЕСЫ”, 1907, № 7

Виньетка по рисунку Ф. Кристофа

№ 4. С. 202, 205). Рецензия отмечала в авторе сборника хороший художественный вкус и серьезную эстетическую воспитанность. К недостаткам книги были отнесены “запоздавшая приверженность к вычурам декадентства”, “однообразие напева и даже тем” (Образование. 1908. № 7. С. 78–79, 3-я пагинация).

⁷ Редакция “Весов” обычно стремилась публиковать в каждом номере подборку из стихотворений одного поэта, дающую более или менее развернутое представление об его творчестве. Но в некоторых случаях, отступая от этого правила, выпускали сборные номера. В 1908 г. № 11 был как раз сборным, в нем были напечатаны произведения четырех поэтов: Балтрушайтиса, Садовского, Рукавишников и Сергея Пинуса.

49. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Египет. 6/19 октября 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я не мог не вспомнить Вас, находясь “близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида в царстве пламенного Ра”¹. Но увя! Мне не удастся поехать в глубь страны, как я мечтал². Посмотрю сфинкса, полежу на камнях Мемфиса, а потом поеду не знаю куда, но только не в Рим. Может быть, в Палестину или Малую Азию³. Адреса у меня нет. Когда будет, тотчас сообщу.

Преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Первая строка стихотворения Брюсова “Встреча” (“Весы”, 1907. № 5; I, 474).

² Гумилев собирался на полгода уехать в Абиссинию (см. п. 47).

³ Скорее всего, эти планы осуществить не удалось. 8 октября 1908 г. (н.ст.) Гумилев послал В.Е. Аренс открытку из Константинополя, сообщив свой будущий адрес: “Греция, Патрас, Главный почтам(т), до востр(ебования)”, а в открытке из Египта, посланной 19 октября 1908 г. (н.ст.), он писал: “Скоро думаю возвратиться. Может быть, буду в Палестине (...) Я все время в разъездах” (ЦГАЛИ. Ф. 1216. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 2, 3). 26 октября (н.ст.) он писал В.И. Кривичу из Каира: “Вернусь на днях” (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 2. Л. 2). В июле 1921 г. Гумилев рассказывал Н.Н. Берберовой о своем первом африканском путешествии: “Я жил под Петербургом, – (...) – было лето, но я не мог согреться. Уехал на юг – опять холодно. Уехал в Грецию – то же самое. Тогда я поехал в Африку, и сразу душе стало тепло и легко. Если бы вы знали, какая там тишина!” (Сегодня. Рига, 1926. 27 авг.).

50. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 27 ноября 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже недели три вернулся в Царское Село, но так как здесь циркулировали упорные слухи, что Вы в Лондоне¹, до сих пор не писал Вам. Но вчера на “среде” у Вячеслава Ивановича² мне сказали, что Вы в Москве. Из Каира я послал Вам большое письмо со стихами и просил Вас ответить, но, очевидно, Вы его не получили. Впрочем, в египетском почтовом ведомстве порядки поистине африканские. Я много и серьезно работаю и написал около пятнадцати стихотворений. Два из них я посылаю Вам для сведения, потому что очень хочу, чтобы Вы как мой лучший учитель были в курсе моего развития.

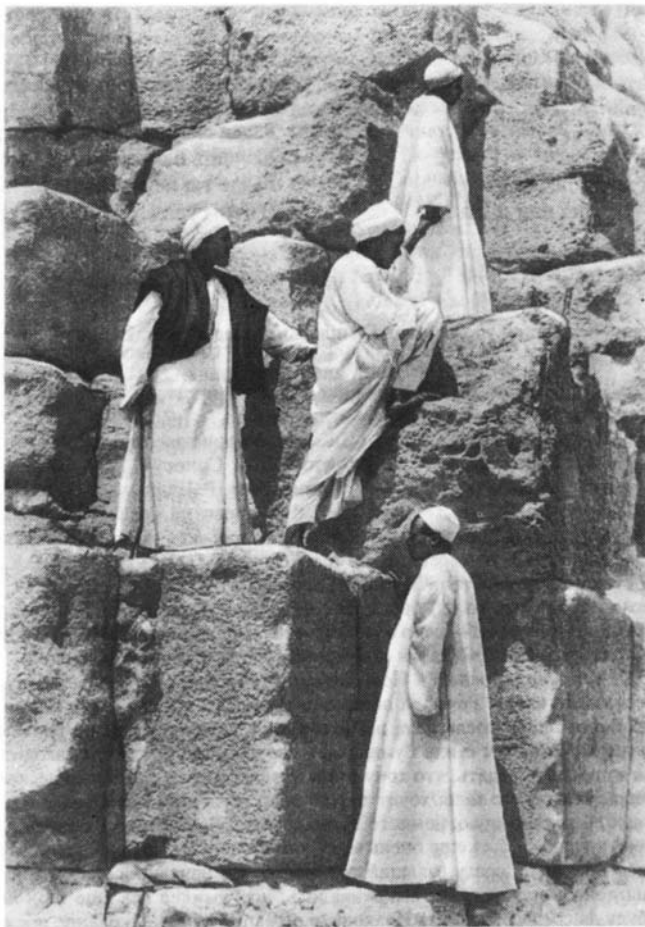
Я окончательно пошел в ход; приглашен в три альманаха: “Акрополь” С. Маковского³, о котором Вы, наверно, знаете, в “Семнадцать” – альманах “Кошковадов”⁴ и в альманах Городецкого “Кружок Молодых”⁵. В каждый я дал по циклу стихотворений. И критика ко мне благосклонна. Пока обо мне написали в 6-ти изданиях⁶ и, кажется, напишут еще в трех⁷. Но эти успехи заставляют меня относиться очень недоверчиво к себе. И я думаю отложить издание моих “Жемчугов” с назначенного Вами февраля на сентябрь. Это даст мне возможность напечатать в “Весах” еще партию моих стихов, теперь, быть может, большую.

Меня очень интересует судьба “Скрипки Страдивариуса”. Еще раз прошу Вас: не признавайте меня совершеннолетним и не отказывайтесь помогать мне советами. Всякое Ваше письмо с указаниями относительно моего творчества для меня целое событие. Вячеслав Иванович вчера сказал мне много нового и интересного, но учитель мой Вы, и мне не надо другого...

Кстати, Мережковский безапелляционно сказал, что ни стихов, ни рассказов моих печатать в “Русской Мысли” он не будет⁸.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Бульварная, д. Георгиевского.

ЕГИПЕТ. ПИРАМИДЫ

Открытка Н.С. Гумилева Брюсову. 6/19 октября 1908 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

* * *

Она колдует тихой ночью⁹
 У потемневшего окна
 И страстно хочет, чтоб воочью
 Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
 Но мысль упорна и горда,
 Она не ведает соблазна
 И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый,
 Там кто-то слушает и ждет,
 Но меч уверенный и острый —
 Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади у сквера,
 Где сонно падает роса,

Живет неслыханная вера
 В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
 Земля все та же, что была,
 Вот солнце выйдет из пучины
 И позолотит купола.

Ночные тени будут реже,
 Прольется гул, как ропот вод,
 И в сонный город ветер свежий
 Дыханье моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
 Кого-то примет тишина,
 Когда усталая поникнет
 У заалевшего окна.

* * *

Рощи пальм и дикого алоэ¹⁰,
Серебристо-матовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце,
Разве счастье — сказка или ложь?

Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду?
Разве ты не можешь жить, как травы
В этом упоительном саду?

Н. Г у м и л е в.

Письмо датируется на основании упоминания Гумилевым "среды" Вяч. Иванова, состоявшейся 26 ноября 1908 г. (см. прим. 2).

¹ Газета "Новая Русь" (1908, 7 окт., № 53) в рубрике "Книжки и писатели" сообщала о том, что Брюсов находится в Лондоне. На самом деле он в том году в Англии не был.

² Речь идет о "среде" Вяч. Иванова. Из записки В.К. Шварсалон известно, что на этой второй "среде" 1908 г. присутствовали: С.М. Городецкий, А.М. Ремизов, Ф.К. Сологуб, А.А. Блок, С.А. Ауслендер, Ю.Н. Верховский, Г.И. Чулков, П.П. Потемкин, К.А. Слонимберг, Г. Вильямс, В.Э. Мейерхольд, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, В.Ф. Нувель, Н.А. Котляревский, М.И. Ростовцев, А.А. Смирнов, А.В. Тыркова, С.П. Ремизова, С.М. Ростовцева, Ан.Н. Чеботаревская, В.В. Пушкирева-Котляревская, Н.Г. Чулкова, Н.И. Манасейна, М.П. Манасейн, Катя Манасейна, Е.П. Безобразова, Е.К. Герцык. «Читалось: "Сны" Ремизова, стихи Блока ("Степи"), стихи Городецкого» (ГБЛФ. 109, 47.19. Л. 52об., 53). 30 ноября 1908 г. Блок писал матери: "26-го (...) был я на среде у Вяч. Иванова. Долго разговаривал с Лизой Безобразовой (...) Среды стали уже не те — серо и скучновато". (Л., Academia, 1927. С. 236). Гумилева привел на эту "среду" С. Ауслендер. Воспоминания последнего о том, как это произошло, записал в 1924 г. Л.В. Горнунг. «Летом 1908 г. я жил у родных в Новгородской губернии с Кузьминым. Тогда мы впервые обратили внимание на рассказы в газете "Речь" за подписью Гумилева. На его стихи мы не обращали тогда никакого внимания. (...) Вернувшись после лета в Петербург и случайно узнав в редакции шебуевского журнала "Весна", что у них печатаются стихи Гумилева, я спросил, где он сейчас находится. Мне сказали, что в Петербурге. Тогда я просил передать, что хочу с ним познакомиться (...) Через несколько дней приходит ко мне снизу швейцар сказать, что меня хочет видеть один господин. (...) Я увидел высокую фигуру в черном пальто, в цилиндре, утрированную, немного ироническую. Было что-то жалкое в этой молодости. Сначала с ним было очень трудно. Я был еще очень молодым студентом, хотя уже печатался тогда. Но вот явился человек, которого я не знал, сразу взявший тон ментора и начавший давать мне советы, как писать. (...) Просидели мы долго, впечатление сглаживалось, но Гумилев все еще был накрахмаленным. Я сказал, что вечером буду на среде Вячеслава Иванова, и он выразил тоже желание поехать со мной, но с таким видом, точно он делает это из уважения к Вяч. Иванову. Вяч. Иванов в это время был общепризнанным поэтом, и мы все его очень ценили. Тогда, после смерти Зиновьевой-Аннибал, он жил уединенно, среды бывали более интимные, чем прежде, и он просил, чтобы к нему не приводили новых участников, не предупредив его. Поэтому я сказал Гумилеву, что надо позвонить по телефону и спросить разрешения приехать. Он это принял обижено, сказав, что он поэт, и кому же, как не ему, быть на средах.

Я вызвал Веру Константиновну (жену Вяч. Иванова), и хотя она говорила, что неудобно приезжать без предупреждения, но я все-таки упросил ее, сказав, что Гумилев сидит сейчас у меня, такой чопорный, и что трудно отказать ему. (...)»

И вот мы поехали к Вяч. Иванову. Выйдя на улицу, я начал торговаться с извозчиком. Гумилев французски заметил, что он этим шокирован, и просил меня садиться. Но тут же сказал, что у него нет с собою денег и что он просит меня довезти его. (...)»

Я не помню всего вечера на башне. Помню, что Гумилев читал стихи и имел успех. Стихи действительно были хорошие. Вяч. Иванов по своему обычаю превозносил их. Гумилев держался так, что иначе и быть не может.

После вечера мы вместе вернулись ко мне. Когда он снял свой скюртук и манишку, на нем осталась полосатая рубашка (почему-то она мне ясно запомнилась). Я нашел в шкафу черствую булку и много вина. Мы сидели на диване, и тут я увидел другой лик Гумилева» (Собрание Л.В. Горнунга).

³ Альманах С.К. Маковского "Акрополь", в котором предполагалось участие Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, К.А. Сомова, А.Н. Бенуа (Речь. 1908. 24 ноябр. № 287) в свет не вышел. (О нем см.: Ежегодник 1976. С. 223).

⁴ В "Альманахе 17" был опубликован цикл "Жизнь веков", куда вошли три стихотворения Гумилева: "Варвары", "Андрогин" и "В пути" ("Кончено время игры..."). В рецензии В. Гофмана на альманах отмечаются как интересные произведения Гумилева вообще, а стихотворение "Андрогин" в особенности (Речь. 1909. № 80. 5 апр.). Гумилев называет это издание "альманахом кошкодавов", т.к. его составителями были А.И. Котылев и П.П. Потемкин, чьи имена фигурировали в процессе "писателей-кошкодавов" в 1908 г. Андрей Белый вспоминает: "В петербургских газетах разоблачали писателей-хулиганов: где-то стали пропадать кошки; что же оказалось? Компания литераторов (назывались безызвестные имена модернистов, как то Потемкина), собираясь пьянствовать у какого-то фрукта, истязала-де кошек (...) говорили потом:

инцидент – газетная утка...” (Между двух революций. С. 176). В неподписанной заметке “Забавы молодых литераторов” сообщалось: «Обвиняемые кошкодавы-литераторы, свидетели – литераторы и защитники – также литераторы. Все эти литераторы так называемой “венской школы” из завсегдаев ресторана “Вена”. Дело возникло по жалобе члена общества покровительства животным Сергиевского. Привлечены к суду хозяин квартиры книгопродавец Попов, редактор газеты “Межа” Ялгубцев, поэт Потемкин, господа: Юдин, Баранов, Лаппа, Дмитриев, Котылев. Свидетели: Анат. Каменский, Свирский, Трозинер, Соломин, Жуков, Булацель» (Русское слово. 1908. № 251. 29 окт.). По делу “кошкодавов” см. также письма в редакцию А. Котылева (Новая Русь. 1908. № 12. 27 авг.) и А. Каменского (Новая Русь. 1908. № 56. 10 окт.), а также: Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 51.

⁵ Издание альманаха “Кружок молодых” не состоялось. См.: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 340.

⁶ До ноября 1908. г. на сборник “Романтические цветы” появились рецензии: 1) В. Брюсова (Весы. 1908. № 3); 2) В. Гофмана (Русская мысль. 1908. № 7); 3) Л. Ф(ортунатова) (Образование. 1908. № 7); 4) Н. Шебуева (Весна. 1908. № 1); 5) П. П(ильского) (Новая Русь. 1908. № 4. 1 сент.); 6) С. Городецкого (Утро. Понедельник. 1908. № 18. 29 сент.).

⁷ Возможно, Гумилев знал об отзывах на “Романтические цветы”, подготовленных А. Левинсоном (Современный мир. 1909. № 7), И. Анненским (Речь. 1908. № 308. 15 дек.).

⁸ В “Русской мысли”, где литературным отделом заведовал Д. С. Мережковский, вернувшийся в апреле 1908 г. из-за рубежа, опубликовано только одно стихотворение Гумилева – “Я счастье разбил с торжеством святотатства...” (№ 11). В последующие годы, вплоть до прихода в журнал Брюсова, ни стихов, ни рассказов Гумилева там не появлялось.

⁹ Опубликовано под заглавием “Месь” в подборке, куда вошли “Орел”, “Одиночество” и цикл “Возвращение Одиссея” (Весы. 1909. № 6). Наборная рукопись подборки сохранилась в архиве С. А. Полякова (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 1. №№ 74–77). Заглавие “Орел” написано на рукописи Брюсовым.

¹⁰ Впервые – в сборнике “Жемчуга” (1910).

51. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 9 декабря 1908 г.)¹

* * *

Давно вода в мехах иссякла,
Но, как собака, не умру, –
Я в память дивного Геракла
Сперва предам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб.

Он был героем, я – бродягой,
Он – полубог, я – полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред Смертью все – Терсит и Гектор –
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью светлый нектар
В полях лазеревой страны.

* * *

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни,
Странник – оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе... природа враждебна,
Все в ней рождает тоску и тревогу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли,
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж! Это путь величавый и строгий –
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Темные грезы оковывать метром.

Н. Г у м и л е в.

¹ Сохранился пустой конверт заказного письма с петербургским штемпелем 9.12.08. Из п. 54 следует, что в нем был послан исправленный текст “Скрипки Страдивариуса”, а из п. 52 – что вместе с рассказом Гумилев отправил два стихотворения. П. 55 уточняет – это были: “Давно вода в мехах иссякла...” и “В муках и пытках рождается слово...”, т. е. стихотворение “Охота” (“Князь вынул бич и кинул клич...”) было послано позже (см. п. 54). Оба эти стихотворения в “Весах” не появлялись, а были опубликованы в сборнике “Жемчуга” (1910), первое – под заглавием “В пустыне” с незначительным разночтением, а второе – под заглавием “Правый путь” и более существенными исправлениями.

52. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 10 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо и за приглашение принять более близкое участие в “Весах”. Для меня этот журнал был и остается самым интересным, и я считаю за большую честь печататься в нем¹.

Вчера послал Вам “Скрипку Страдивариуса” (исправленную) и, увы, только два стихотворенья. Но я дал их шесть Галичу для “Акрополя”² еще до Вашего письма и до сих пор не получил ответа. Теперь, с Вашего согласия, я возобновлю прежний ход вещей. Все, чем я останусь доволен, я буду посылать в “Весы”, и Вы время от времени будете сообщать мне, что взято Вами.

Завтра или послезавтра я посылаю Вам статью страницы в 4 или 5 печатных. Она должна пойти не позже январского номера, потому что об этом же предмете, только в области живописи, будет говорить в “Образованье” Мст. Фармаковский³. Так как совпадение главной мысли изумительно, то мы решили печатать обе статьи одновременно, чтобы не приходилось прибегать к оговоркам в примечаниях. Поэтому, если статья не пойдет для “Весов”, я очень бы просил Вас сообщить мне об этом возможно скорее, чтобы я мог отдать ее в другое место.

В конце этого месяца я думаю быть в Москве, главным образом, чтобы повидаться с Вами. Если бы Вы могли назначить мне число приезда, наиболее удобное для Вас, я был бы Вам бесконечно благодарен. А то я очень боюсь помешать Вам внезапным приездом⁴.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Датируется по указанию Гумилева о дне отсылки рукописи рассказа “Скрипка Страдивариуса” (см. п. 54).

¹ В заметке «Поэзия в “Весах”», вышедшей после прекращения выхода журнала, Гумилев писал: «Не смотря на все промахи, история “Весов” может быть признана историей русского символизма в его главном русле» (Аполлон. 1910. № 9. С. 42).

² Леонид Евгеньевич Габрилович (Галич; 1878–1953) – критик, сотрудник “Русской мысли”, “Речи”, “Руля”, “Столичного утра” и др. Об альманахе “Акрополь” см. п. 50, прим. 3.

³ См. п. 10, прим. 11. Статья Фармаковского в “Образовании” не появилась. О статье Гумилева см. п. 53.

⁴ Встреча Гумилева с Брюсовым в конце декабря (см. п. 53) не состоялась; по всей видимости, они встретились только в марте 1909 г. 1 марта Брюсов писал жене из Петербурга: «Несколько дней буду жить уединенно – посещу только “Пантеон”, Вяч. Иванова и увижу Гумилева – никого больше», а через неделю сообщал ей же: «Сейчас был у С. Маковского – обедал у него. Были: М. Волошин, Гумилев и наш московский Игорь Грабарь» (ГБЛ. Ф. 386, 142.12. Л. 2, 7).

53. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 15 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

спешу Вас известить, что я раздумал печатать ту статью, о которой я Вам писал¹, и вместо нее готовлю цикл стихотворений. Но у меня намечено несколько статей, которые я хотел бы напечатать в “Весах” в течение этого года². Не взяли бы Вы также повесть листа в 4, 5 печатных. Она из современной жизни, но с фантастическим элементом. Написана, скорее всего, в стиле “Дориана Грея”, фантастический элемент в стиле Уэллса. Называется “Белый Единорог”³. Кстати, нельзя ли поместить в каталоге “Скорпиона” заметку, что готовится к печати моя книга стихов под названием “Золотая Магия”. Это вместо “Жемчугов”⁴.

Посылаю Вам рецензию обо мне И.Ф. Анненского. Она только что вышла⁵.

Так как я до сих пор не получил от Вас уведомления, то думаю быть в Москве числа 22-го. Надеюсь скоро увидаться, не продолжаю письма.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 52.

² В 1909 г. в "Весак" не было напечатано ни одной статьи Гумилева.

³ Повесть Гумилева с таким названием неизвестна. Вспоминая о встречах с Гумилевым в 1908–1910 гг., А.А. Кондратьев писал: "Бывая у меня, он читал мне не только стихи, но и довольно интересные, по большей части фантастические рассказы" (Слово. Рига, 1926. № 238. 15 авг.).

⁴ Впоследствии Гумилев отказался от перемены названия сборника. В последнем номере "Весов" (1909, № 12, с. 200) объявляется, что «весной 1910 г. выходит сборник "Жемчуга"». Вторая книга стихов. Обложка Д.Н. Кардовского».

⁵ См. п. 50, прим. 7. Рецензия подписана инициалами "И.А." Свое отношение к ней Гумилев высказал в недатированном письме к Анненскому:

«Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Я уже много раз просил Валентина Иннокентьевича передать Вам мою искреннюю благодарность за Вашу чудесную статью о моей книге, но теперь уступаю желанью поблагодарить Вас самому.

Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы отнеслись к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об "Озере Чад", моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и, в значительной степени, обусловила название всей книги. С главной мыслью Вашей статьи – с веянием Парижа – я еще не могу вполне согласиться, но во всяком (случае) она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зренья. Надо ли говорить, как это ценно.

Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилия, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать мое творчество и подвинуть меня так намного "по тернистому пути славы".

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.»

(ЦГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 1).

54. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 19 декабря 1908 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

разумеется, я не приеду в Москву, пока Вы сколько-нибудь не освободитесь¹. И я верю, что когда это случится, Вы мне напишете. "Скрипка Страдивариуса" послана Вам 9-го декабря заказным письмом², и квитанция хранится у меня. Если Вы уверены, что она не дошла до редакции "Весов", то, пожалуйста, черкните мне маленькую открытку или поручите кому-нибудь сделать это – я тотчас взыскиваю с почты 10 руб. штрафа и посылаю Вам новый список этого рассказа. Если не получу этой открытки, буду думать, что она нашлась и пойдет в "Весак". Присылать ли также еще стихов, и пойдут ли два уже посланные³.

Я много работаю, и все больше над стихами. Стараюсь, по Вашему совету, отыскивать новые размеры, пользоваться аллитерацией и внутренними рифмами. Хочу, чтобы "Золотая Магия"⁴ уже не была "ученической книгой"⁵, как "Романтические Цветы". Посылаю одно такое стихотворение. Может быть, возьмете для "Весов".

Я безумно заинтересован "Основами поэзии"⁶.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

P.S. В Ваших словах о рецензии Анненского есть много правды⁷.

Н. ГУМИЛЕВ. ЖЕМЧУГА. М., 1910

Обложка Д.Н. Кардовского

ОХОТА⁸

Князь вынул бич и кинул клич,
Грозу охотничьих добыч,
И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,
Но не спастись ни в глубь, ни в высь –
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих росомах,
Грызет их медь седой медведь,

Но все же должен умереть,
И легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал.
Не дремлет конь – его не тронь –
Огонь в очах его, огонь.

И волк равнин, крадется финн
Туда, где дремлет властелин,
А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

Н. Гумилев.

¹ Зимой 1908 г. Брюсов был сильно загружен. В письме к Н.И. Петровской он сообщает: «Во внешнем, жизнь моя – одно сплошное “дело”, “работа”. Я совершенно уклонился от всех ненужных занятий: в Клубе на разных заседаниях бываю не чаще двух раз в месяц; во всех других обществах не бываю вовсе. Даже эти последние дни, когда везде читали Мережковские и Белый, не слушал ни одной из их лекций. Но над “Весами”, над несколькими печатаемыми книгами (одновременно), над обещанными в разные издания статьи – провожу опять 15–16 часов в сутки» (ЦГАЛИ. Ф. 376. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 77).

² См. п. 51, прим. 1.

³ Гумилев имеет в виду стихотворения, посланные Брюсову в п. 51.

⁴ См. п. 53, прим. 4.

⁵ Гумилев цитирует слова из отзыва Брюсова о “Романтических цветах” (см. п. 42, прим. 3).

⁶ Брюсов много лет вынашивал замысел написать книгу о законах русского стихосложения. Возможно, что своей идеей он поделился с адресатом. Однако осуществить этот замысел он смог уже в послереволюционные годы.

⁷ К сожалению, не известно, какие замечания к рецензии Анненского были сделаны Брюсовым.

⁸ 26 декабря 1908 г. Гумилев записал “Охоту” в альбом племянницы, М.Л. Сверчковой (ИМЛИ. Ф. 188. Оп. 1. № 2) с измененным 19 стихом: “подходит финн” вместо “крадется финн”. С этим изменением стихотворение опубликовано в сборнике “Жемчуга”.

55. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село.) 26 февраля 1909 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

я не писал Вам целую вечность и две вечности не получаю от Вас писем. Что послужило причиной последнего, не знаю и никакой вины за собой не чувствую. Я три раза виделся с “Царицей Савской” (так Вы называли однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился¹. Ни на каких редакционных или иных собраниях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал². Творчество мое идет без больших скачков, и я прилагаю все старания, чтобы каждая вещь тем или иным была выше предыдущей. И то, что я очень редко получаю за него похвалы, служит, как мне кажется, лучшей гарантией того, что я не изменяю сам себе. Это в теории, а на практике я очень обескуражен и пишу по одному, по два стихотворенья в месяц. Три лучших, на мой взгляд, стихотворенья я уже послал Вам и предложил их для “Весов”. На всякий случай напоминаю их начальные строчки (“Князь вынул бич и кинул клич”, “Давно вода в мехах иссякла”, “В муках и пытках рождается слово”). Через полторы недели истекает ровно три месяца с тех пор, как они посланы, и, согласно объявлению “Весов”, я буду считать их непринятыми³, если не получу до тех пор известия о их принятии. Я не знаю, как мне быть относительно “Скрипки Страдивариуса”, про которую Толстой⁴ передавал мне Ваши слова, что принятие ее еще не решено, а Ликиардопуло на мой запрос не отвечал ни слова. Ведь она тоже лежит в редакции около трех месяцев. Но я хочу верить, что так или иначе инцидент с ней уладится и поэтому готовлю для “Весов” новый рассказ⁵. Новых стихов я сейчас не посылаю,

потому что большая часть их появится в альманахе “Акрополь”, и я не хочу затруднять Вас чтением рукописи.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село.

Бульварная, д. Георгиевского.

¹ Валерий Брюсов, познакомившийся с Вяч. Ивановым 29 апреля 1903 г. в Париже, отметил эту встречу среди других парижских впечатлений: “Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов. Он читал в Русской Школе общественных наук о Дионисе. Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха...” (*Дневники*. С. 132). В журнале “Новый путь” (1904, № 1–4, 8, 9) Вяч. Иванов опубликовал в переработанном виде курс своих парижских лекций под заглавием “Эллинская религия страдающего бога”. Заключительная часть курса под заглавием “Религия Диониса. Ее происхождение и влияния” напечатана в “Вопросах жизни” (1905, № 6, 7). В этот же период появилась статья Вяч. Иванова “Ничше и Дионис” (Весы. 1904. № 5). Вероятно, Брюсов предупреждал Гумилева об увлечениях Вяч. Иванова.

² Неясно, против каких редакционных собраний предостерегал Гумилева Брюсов, но в это время уже началась подготовка к созданию журнала “Аполлон”, активное участие в которой принимал Гумилев (именно он 4 марта 1909 г. организовал встречу С.К. Маковского, М.А. Волошина, С.А. Ауслендера и П.П. Потемкина с И.Ф. Анненским в Царском Селе (см.: *Ежегодник 1976*. С. 223).

³ В объявлении “От редакции и конторы” (Весы. 1908. № 3) сообщалось: “Лица, не получившие в течение 3 месяцев извещения о принятии их рукописи к печати, могут располагать ею по своему усмотрению”.

⁴ Речь идет об А.Н. Толстом, встречу с которым Брюсов отметил в *Дневнике*. (с. 141).

⁵ После “Скрипки Страдивариуса” (Весы. 1909. № 7) других рассказов Гумилева в журнале не появилось.

56. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 21 апреля 1909 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

на этих днях я посылаю Вам первый номер “Острова”¹. В нем есть два мои последних стихотворенья², образчики того, что я усвоил в области хорей и ямба. Мне очень важно было бы узнать, как Вы отнесетесь к ним³. Вы, наверно, уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих⁴. Но, с другой стороны, меня все-таки пугает чрезмерная моя работа над формой. Может быть, она идет в ущерб моей мысли и чувства. Тем более, что они упорно игнорируются всеми, кроме Вас; я сужу по тому, что Вы мне сказали о моем “Орле” и “Одиночестве”⁵.

“Все напевы” пока еще несколько чужды. Они не вошли мне в кровь и в душу, “как другие Ваши книги”, но я думаю, что это все-таки будет из-за “Дедал и Икар” и “Кому-то”⁶.

Теперь несколько слов о делах. Не дадите ли Вы мне знать, какие из восьми взятых Вами моих стихотворений⁷ будут напечатаны, где и приблизительно когда. Оставшиеся – я думаю отдать для второго номера “Острова”, который выйдет недели через три⁸. Интересно было бы узнать, наконец, судьбу “Скрипки Страдивариуса”⁹.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Инициатива издания журнала “Остров” принадлежала Гумилеву, П.П. Потемкину и А.Н. Толстому, который вспоминает: “Мы снова встретились с Гумилевым в Петербурге и задумали издавать стихотворный журнал. Разумеется, он был назван “Остров”. Один инженер (Н.С. Кругликов), любитель стихов, дал нам двести рублей на издание. Бакст нарисовал обложку. Первый номер разошелся в количестве тридцати экземпляров. Второй – не хватило денег выкупить из типографии» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 39). Замысел возник в марте 1909 г., и в этот период первоначальный издатель журнала А.И. Котылев сообщал привлекаемым им авторам о брюсовском согласии участвовать в нем (*ЛН*. Т. 92, кн. 3. С. 350). Однако ни в последующих газетных объявлениях (напр.: Речь. 1909. № 83. 26 марта; № 110. 24 апр.), ни на обложке первого номера имя Брюсова больше не анонсировалось. В начале мая Гумилев писал Кузмину: «... наконец-то вышел первый номер “Острова”. (...) У нас есть теперь издатель Н.С. Кругликов. Так что журнал, наверно, пойдет. (...) Журналом заинтересовался Вячеслав Иванович, и

он много помогает нам своими советами» (ГПБ. Ф. 124. № 1400, л. 4). Самый ранний, по-видимому, печатный отзыв о первом номере появился 18 мая в газете «Утро» (№ 30), там говорилось: «Гумилев щеголяет „сочными“ рифмами, вроде „бронзы – бонзы“, „былое – алоэ“, „бок-о-бок“ – робок». Номер стал расхваливаться среди читателей, в том числе и иногородних – 18 июня С.П. Бобров подробно разбирал его состав в письме к Андрею Белому (в частности, он писал: «Гумилев – ужас! – безвкусен невероятно» – ГБЛ. Ф. 25, 10.2. Л. 7). 29 июня «Речь» (№ 175) поместила сочувственную рецензию С.А. Ауслендера на «Остров». В тот же день Брюсов писал Д.В. Философову в связи с обсуждением планов своего переезда в Петербург: «Но, право, у Вас хоть „Аполлон“, хоть „Остров“, хоть толки какие-то» (ГБЛ. Ф. 386, 73.4. Л. 3). «Хроника» журнала «Золотое руно» в неподписанной заметке, принадлежащей, по-видимому, С. Городецкому, отмечала: «Вышедший в мае первый номер ежемесячного журнала стихов „Остров“ возбуждает немало недоумений. Ввиду отсутствия какого бы то ни было редакционного заявления, свойственного первым номерам, трудно установить, с какой целью начат журнал, являются ли „островитяне“ определенной группой, выставляющей известные поэтические лозунги, или же они просто стихотворцы (...) Составлен номер вяло. Волошин, Потемкин и Толстой представлены неудачно. Потемкин жеманничает в своих „газелях“. Строки Толстого как-то неряшливы и по-дурному примитивны. В словообразованиях своих он не чуток к языку, рифмы не всегда связываются у него со смыслом, а миф его неубедителен. Волошин облечен по обыкновению в топазы, аметисты и смарагды. Лучшие их Гумилев и его „Царица“, которая, несмотря на обычные для учеников Брюсова изобилие географии и истории, и манерность рифм, идет дальше версификации» (ЗР. 1909. № 6. С. 78).

² В первом номере «Острова» были опубликованы: «Царица» («Твой лоб в кудрях отлива бронзы...»), «Лесной пожар» («Ветер гонит тучу дыма...») и «Воин Агамемнона» («Смутную душу мою тяготит...»).

³ Гумилев придерживается роли Брюсовского ученика. На самом деле он считал себя в это время уже сложившимся мастером. К.А. Сюннерберг вспоминает, как 25 октября 1909 г. на обеде в честь С.К. Маковского Гумилев говорил: «Во всяком случае, я считаю себя не ниже Блока; в крайнем случае – Блок, а сейчас же после него я...» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 70). Мнение Брюсова о гумилевских стихотворениях, опубликованных в «Острове», неизвестно. В «Весах» оценку им дал С. Соловьев. В рецензии на новый журнал он писал: «Н. Гумилев, по-видимому, находится под влиянием Леконта де Лиля. Его влечет античная Греция, еще больше – красочная экзотика Востока. Стих Гумилева заметно крепнет. Попадают у него литые строфы, выдающие школу Брюсова (...) К сожалению, Гумилев злоупотребляет изысканными рифмами. Так, в трех строфах подряд у него встречаются: бронзы – бонзы, злобе – Гоби, Агры – онагры. А через несколько строк далее идут: согнут – дрогнут, былое – алоэ. Эта изысканность рифм характеризует эпоху „Urbi et Orbi“» (Весы. 1909. № 7. С. 102).

⁴ Так называемая «Поэтическая академия», созданная по инициативе Гумилева и его тогдашних друзей А. Толстого и П. Потемкина, собиралась дважды в месяц на квартире Вяч. Иванова. Весной 1909 г. состоялось 8 заседаний, последнее прошло 16 мая. 27 апреля 1909 г. В.В. Гофман писал А.А. Шемшурину: «Был однажды у Вяч. Иванова. Он, оказывается, читает здесь у себя на квартире молодым поэтам целый курс теории стихосложения, все по формулам и исключительно с технической, с ремесленной стороны. Формулы свои пишет мелом на доске, и все за ним списывают в тетрадки. А какие-то дамы так же каждое слово его записывают в тетрадки, точно в институте. Среди слушателей были поэты с некоторым именем (Гумилев, Потемкин, гр. Толстой). Остальные какие-то неведомые юнцы. Держится Вяч. Иванов – куда более властно и надменно, чем Брюсов. Все же учреждение именуется Академией поэтов» (ГБЛ. Ф. 339, 2.13. Л. 7–7об.). А Вл. Пяст вспоминал: «В квартире на „башне“ бывало по вечерам в ту весну тихо и печально, – но царствовала кипучая работа. Появилась большая аспидная доска; мел в руках лектора; слышались звуки „божественной эллинской речи“; раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов, „пародов“ и „экзодов“. Все это ожило и в музыке русских, как классических, так и современных поэтов. (...) Из уст Вячеслава Иванова извергались светящимися потоками самоцветные мысли по вопросам поэтического мастерства. Каким откровением звучала для нас раскрытая им анапестическая природа „Грядущих гуннов“ Валерия Брюсова!» (Пяст В. Встречи. М.: Федерация, 1929. С. 138, 141). С октября 1909 г. «Академия поэтов» переместилась в редакцию начавшего выходить журнала «Аполлон» и оформилась в «Общество ревнителей художественного слова», в руководящий Совет которого вошел Брюсов.

⁵ Тексты стихотворений «Орел» («Орел летел все выше и вперед...») и «Одиночество» («Я спал, и смыла пена белая...») в письмах отсутствуют. Возможно, Гумилев передал их Брюсову при мартовской встрече. См. также п. 50, прим. 9.

⁶ Стихотворение Брюсова «Делал и Икар» (из цикла «Правда вечная кумиров») и «Кому-то» (из цикла «Современность») вошли в сборник «Все напевы» (3-й том «Путей и перепутий» – М.: Скорпион, 1909).

Сборник «Все напевы» вышел в декабре 1908 г. (см.: Речь. 1908. 26 нояб., № 289). Посылая его Гумилеву, автор написал на титульном листе: «Николаю Степановичу Гумилеву дружески. Валерий Брюсов. 1909» (ИРЛИ. 44.40).

⁷ Имеются в виду 4 стихотворения, составившие подборку в № 6 «Весов» за 1909 г.: «Орел», «Месь» («Она колдует тихой ночью...»), «Одиночество» и цикл «Возвращение Одиссея», а также 4 стихотворения, приложенные к пп. 50, 51 и 54.

⁸ В журнале «Остров» № 2 был напечатан «Сонет» («Я – попугай с Антильских островов...»), вошедший в сборник «Жемчуга» под заглавием «Попугай».

⁹ См. п. 55, прим. 5, а также наст. кн. Переписка с Поляковым, п. 122.

57. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 11 мая 1909 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

ради Бога, простите мою настойчивость, но к ней меня вынуждают обстоятельства.

Мне крайне интересно знать, как Вы думаете распорядиться взятыми у меня стихами. Какие и где будут напечатаны? Я это спрашиваю не только из любопытства, но и потому, что вещи, оставшиеся непринятыми, я отдам в “Остров”¹ или “Аполлон”. Первый очень нуждается в стихах.

Я жду решения г. Полякова относительно издания “Жемчугов”². Но мне все-таки хотелось бы получить ответ до конца мая, когда я уеду в Крым³. Я бы лично хотел издать книгу в октябре. Впрочем, в конце мая я буду проездом в Москве, и если бы Вы позволили мне увидаться с Вами, мы (бы) подробнее обсудили этот вопрос⁴.

Посылаю Вам мой новый сонет, может быть, Вы захотели бы его напечатать⁵.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село,
Бульварная, д. Георгиевского.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

В.И. Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смиру, не бдолах⁶, не кость слоновью
Я приношу зовущему пророку –
Багряный ток из виноградин сердца
И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Рока
Блаженно-расточаемою кровью.

Н. Г у м и л е в.

¹ Издание прекратилось в августе 1909 г. на втором номере, хотя позднее в печати и появлялись сообщения о том, что «основанный весной молодыми поэтами журнал “Остров” переходит в редактирование от Н. Гумилева к П. Потемкину» (*Пильский П. Blok-notes // Одесские новости. 1909. 20 окт. № 7944*). Подписчикам “Острова” в связи с невыходом № 2 возвращались деньги (см. запись в дневнике неуставленно-го лица за август 1909 г. – *ГРМ. Ф. 147. № 147. Л. 7*).

² О решении Полякова см. наст. кн. Переписка с Поляковым, п. 122.

³ Гумилев намеревался провести лето 1909 г. в Коктебеле у М.А. Волошина вместе с Елизаветой Ивановой *Дмитриевой* (1887–1928), (писавшей в “Аполлоне” под псевдонимом Черубина де Габриа), которой тогда был увлечен. 22 мая 1909 г. она извещала Волошина: “Дорогой Макс, уже взяты билеты, и вот как все будет: 25-го мая, в понедельник, мы с Гумилевым едем (...). В Москве мы остановимся до 27-го вечера, а потом (...) едем дальше, по моим расчетам, мы приедем в субботу в 7 часов утра в Феодосию, потому что едем в III классе” (*ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 318. Л. 17, 18*).

⁴ См. п. 58.

⁵ Сонет “Судный день” в “Весях” не публиковался. Впервые опубликован: *Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. С. 102*.

⁶ Бдолах, точнее бделий, – гуммисмола. Используется как лечебное и ароматическое средство. При курениях в храмах обычно смешивали с миррой.

58. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва. 26 мая 1909 г.)

Дорогой Николай Степанович!

Очень жалею, что Вы меня не застали. Мой день расположен таким образом, что при всем желании для меня невозможно заехать к Вам¹ в 7, час который Вы указали. Но я могу быть дома между 9 и 12 вечера. Если это для Вас возможно, приезжайте в эти часы ко мне “пить чай”. Буду очень рад.

Всегда Ваш Валерий Брюсов.

26 мая 1909 года.

¹ Записка послана в гостиницу “Славянский базар” на Никольской улице, где остановился Гумилев. Как рассказала А.А. Ахматова П.Н. Лукницкому (см. его запись в дневнике от 5 апреля 1926 г. Архив В.К. Лукницкой), встреча Брюсова с Гумилевым и Дмитриевой состоялась в кафе. Речь зашла о сонетах. Брюсов очень хвалил сонеты П.Д. Бутурлина, книгу которого Гумилев купил сразу же после встречи и подарил Дмитриевой с надписью: “Лиле по приказанию Брюсова”.

59. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Варна.) 3 декабря 1909 г.

Дорогой Валерий Яковлевич,

не знаю, простите ли Вы мне, что я так долго не писал; Вы будете справедливы, если не простите, и великодушны, если простите. Приветствую Вас из Варны, куда я заехал по пути в Абиссинию¹. Там я буду недели через полторы. Застрелю двух, трех павианов, поваляюсь под пальмами и вернусь назад, как раз, чтобы застать Ваши лекции в “Академии Стиха”². Напишу еще из Джибути или Харрара.

Искренне преданный Вам Н. Гумилев.

¹ 1 декабря 1909 г. Гумилев писал Вяч. Иванову из Одессы: “Многоуважаемый Вячеслав Иванович, карантин в Синопе, кажется, нет, 3-го (в среду) я выезжаю в К(онстантино)поль, там в пятницу. В субботу румынский пароход, и 9-го (во вторник) я уже в Каире. Незачем ехать в Триест. Так дешевле и быстрее. В Каире буду ждать телеграммы в русское консульство. Письмо очень запоздает. 12-го, если не будет телеграммы, еду дальше. Я чувствую себя прекрасно, очень хотел бы Вашего общества” (ГБЛ. Ф. 109, 17.28. Л. 1). 2 декабря Гумилев в Одессе посетил готовившуюся к открытию художественную выставку “Салон” (см.: Одесский листок. 1909. 3 дек. № 277; Одесские новости. 1909. 4 дек. № 7983). Ср. в письме Д.Д. Бурлюка к Э.Ф. Голлербаху от 12 июня 1930 г.:

“...на этой выставке Александра Александровна Экстер познакомила меня с Гумилевым, спешившим на пароход, идущий в Африку” (ГПБ. Ф. 207. № 18). Из Варны Гумилев отправил открытку группе сотрудников “Аполлона” – Е.А. Зноско-Боровскому, М.А. Кузмину, С.А. Ауслендеру и П.П. Потемкину: «Дорогие Женья, Миша, Сережа, Петя и т.д., одним словом, все, кто относится ко мне хорошо, приветствую Вас из Варны. Из-за карантина пассажиров не выпускают на берег, но я как-то удрал. Сажу в кафе и пью Бенедиктин за каждого из Вас. Выпейте и (вы) за меня, когда будете у Альберта, и не давайте меня обижать в “Аполлоне”. Качало нещадно, завтра опять будет качать. В субботу я в Константинополе, во вторник в Александрии. В Варне пробуду до полуночи, а теперь шесть вечера. У кого фантазия, фантазируйте.

Ваш Н. Гумилев»

(Архив М.Л. Лозинского).

² Брюсов был приглашен прочитать в “Обществе ревнителей художественного слова” курс по теории стиха. 21 сентября 1909 г. секретарь “Аполлона” Зноско-Боровский писал Брюсову: «Уже в прошлые годы молодые поэты Петербурга общались на частных квартирах в особых собраниях, во время которых читались доклады, посвященные вопросам формы стиха, затем разбирались новые, ненапечатанные стихотворения, с которыми их авторы знакомили тут же собрание. С этого года эти собрания решено поставить на более прочное основание и соединить с “Аполлоном”, главный редактор которого Сергей Константинович Маковский отнесся к этой идее с большим сочувствием. План этих собраний остается прежний, только будут они происходить более регулярно (предполагается – еженедельно) и, следовательно, более серьезно. И вот для чтения лекций-докладов все будущие участники собраний очень приглашают Вас, зная, что Вы в этом году намерены жить в Петербурге. (...) Кроме вас для той же цели пока приглашены гг. Вячеслав И. Иванов и Иннокентий Ф. Анненский, в числе своих слушателей вы увидите всех молодых поэтов, живущих здесь. Главным инициатором является Н.С. Гумилев» (ГБЛ. Ф. 386, 86.61. Л. 1). Учредителями Общества 20 октября 1909 г. зарегистрировались у петербургского градоначальника И. Анненский, Вяч. Иванов и С.К. Маковский. 20 ноября Правление Общества сообщило в канцелярию градоначальника свой состав: действительный статский советник И.Ф. Анненский, потомственный дворянин А.А. Блок, потомственный почетный гражданин В.Я. Брюсов, титулярный советник Е.А. Зноско-Боровский, сын титулярного совет-

ника В.И. Иванов, потомственный дворянин М.А. Кузмин, коллежский ассесор С.К. Маковский (ЛГИА. Ф. 287. Оп. 1. Д. 148. Л. 1,4). Вслед за этим, 24 ноября, С.К. Маковский направил Брюсову письмо с просьбой не отказываться от звания “члена правления” (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 356). 26 января 1910 г. А.А. Кондратьев писал Брюсову: “В Обществе ревнителей художественного слова (так теперь, кажется стала называться Академия поэтов) ждут Вас не дожидаясь” (ГБЛ. Ф. 386, 90.8. Л. 11). Брюсов дал согласие прочитать 5–7 лекций, но своего обещания не выполнил. 18 января 1910 г. Брюсов писал Вяч. Иванову: «“Академия” – учреждение очень приятное, заслуживающее всяческой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни. Иначе ее роль – сохранять, и бессмысленно сохранять традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям» (ЛН. Т. 85. С. 524, 525). Быть может, Брюсов был обижен тем, что почитаемый “аполлоновцами” Анненский в своей первой лекции в “Поэтической академии” 18 октября 1909 г., давая характеристики современным поэтам, сравнил Брюсова с “колодой карт”, подчеркнув тем самым непостоянство взглядов Брюсова, разнообразие комбинаций его меняющихся литературных союзников, периодическую перетасовку лозунгов “весовской” группировки (см.: *Пильский П. Blok-notes*) // Одесские новости. 1909. № 7944 20 окт.). Позднее, 2 июня 1910 г., в письме к П.Б. Струве Брюсов сообщал: “И эту Академию я могу только от всей души приветствовать и надеюсь быть ей полезным: готовлю для нее целый курс о русском стихе и о стихе вообще...” (Лит. архив. С. 267; в комментариях к этой публикации неверно утверждается, что “Академия поэзии в Петербурге не была основана”).

60. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Джибути. 24 декабря 1909 г. / 6 января 1910 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

как видите, пишу Вам уже из Джибути. Завтра еду в глубь страны, по направлению к Адис-Абебе, столице Мёненлика¹. По дороге буду охотиться. Здесь уже есть все, до львов и слонов включительно. Солнце палит немилосердно, негры голые. Настоящая Африка. Пишу стихи, но мало. Глушею по мере того, как чернею, а чернею я с каждым часом. Но впечатлений масса. Хватит на две книги стихов².

Если меня не съедят, я вернусь в конце января. Кланяюсь Вашей супруге.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ *Менелик II* (1844–1913) – император Эфиопии с 1889 г., проводивший политику централизации управления государством. После возвращения Гумилева из его последней поездки в Африку в 1913 г. в мировой печати появились сведения о смерти императора. Гумилев опубликовал в журнале “Нива” (1914, № 5) статью “Умер ли Менелик?”. В ней дается положительная характеристика личности Менелика и его политики. Судя по письмам Гумилева к Е.А. Зноско-Боровскому, сохранившимся в архиве М.Л. Лозинского, путешествие до столицы Менелика заняло около месяца и сначала проходило морским путем по маршруту Одесса – Варна – Константинополь – Александрия – Каир – Порт-Саид – Порт-Судан – Джибда – Джибути, а затем по суше: Дыре – Дауа – Харра – Аддис-Абеба. 25 декабря (нов. ст.) 1909 г. Гумилев сообщал из Каира:

«Дорогой Женя, через два дня отправляю тебе статью, которую отделяю. Как видишь, я уже в Каире. Через два дня еду дальше. В Джибути и потом куда Бог даст. В Каире очень хорошо. Это письмо я пишу на террасе кафе и сижу без пальто, а уже вечер. Послезавтра выйдет номер “Аполлона”. Поздравляю всех вас с этим событием. Пиши мне в Джибути до востребования и, пожалуйста, поразборчивее. Сегодня Рождество по новому стилю, и поэтому скандалов в Каире вдвое больше обычного. А этим сказано все. Право, это город пальм и авантюристов. И все-таки он очень хорош. Ты помнишь обещание: выслать 80 руб. до востребования в город, откуда я пошлю телеграмму. А то придется продать себя в рабство. Поклон всем

Всегда твой Н. Г у м и л е в.»

29 декабря 1909 г. (нов. ст.) Гумилев писал уже из Порт-Саида:

“Дорогой Женя, вчера я отправил тебе первую статью, вторую привезу с собой. Вернусь около 20 января. Если можно, вышли мне сейчас же 80 р в Джибути. 4 января я уезжаю оттуда. Около Каира я застрелил гиену. Хотел снять шкуру, но она очень пахла, и я бросил ее так. Кланяюсь всем.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.

Устрой, чтоб деньги пришли вовремя. Н.Г.”

А 3 января 1910 г. (нов. ст.), не успев отправить открытку из Порт-Судана, он посылает ее с берега Аравийского полуострова:

«...Я уже в Джедде. Здесь очень жарко, очень грязно, удивительно зеленый цвет воды, много акул и могила Евы. Я совершил туда паломничество. Мой привет “Аполлону” и всем нашим друзьям. Через три дня я буду уже в Джибути.

Искренне твой Н. Г у м и л е в.»

ОТКРЫТКА Н.С. ГУМИЛЕВА БРЮСОВУ

24 декабря 1909/6 января 1910 г.

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

² Одновременно с письмом к Брюсову Гумилев писал из Джibuти Вяч. Иванову:

“Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, до последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни другого. Я прекрасно доехал до Джibuти и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Аддис-Абебу, устраивая по дороге эскапады. Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. (...) Приветствую отсюда Академию стиха. Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки” (ГБЛ. Ф. 109, 17.23. Л. 2).

Из этой же поездки Гумилев писал и М.А. Кузмину:

«Дорогой Миша, пишу уже из Харрара. Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов (50 километров), чтобы найти леопардов. Так как княжество Харрар находится на горе, здесь не так жарко, как было в Дир-Адау, откуда я приехал. Здесь только один отель и цены, конечно, страшные. Но сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы и слоны, но они редки, как у нас лоси, и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их.

Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и медно красного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом.

Как видишь из этого письма, я совсем забыл русский язык: здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино.

Когда ты получишь это письмо, я буду, наверно, уже по дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя.

Кланяйся всем на башне и в “Аполлоне”. Мой слуга абиссинец ждет меня у дверей. Кончаю писать.

Всегда твой Н. Г у м и л е в.»

(ГПБ. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. № 1400. Л. 1, 2).

Свои впечатления от Абиссинии Гумилев изложил более точно в очерке “Африканская охота”, написанном после экспедиции 1913 года (см.: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу “Нива”. 1916. № 8). В нем отразился подлинный интерес Гумилева к природе и народностям этого тогда еще малоисследованного региона. Напротив, цикл из четырех стихотворений “Абиссинские песни” (“Военная”, “Пять быков”, “Невольничья” и “Занзибарские девушки”), опубликованный в “Антологии” (М.: Мусажет, 1911) и позднее вошедший в сб. “Чужое небо” (СПб.: Аполлон, 1912), носит явно стилизаторский экзотический оттенок.

61. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 25 марта 1910 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам, как моему учителю¹, и я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились написать о ней в “Аполлоне”². Но по многим соображениям необходимо, чтобы отзыв о моей книге появился в апрельском номере, и для этого надо, чтобы рукопись его была в распоряжении редакции никак не позже первого апреля. Так что, если Вы согласны писать обо мне, мне придется просить Вас взять корректуры у М.Ф. Ликиардопуло и написать Ваш отзыв по ним. Они уже все готовы, и часть книги отпечатана. Рукопись лучше всего прислать в “Аполлон” на имя секретаря Зноско-Боровского³.

Я тоже вынужден силой обстоятельств просить Вас известить меня открыткой о Вашем согласье или несогласье, чтобы в последнем случае, я мог просить рецензии другого⁴.

Я послал Вам три письма из Египта и Абиссинии. Дошли ли они?⁵

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село,

Бульварная, д. Георгиевского.

¹ Сборник “Жемчуга” (1910) вышел с посвящением: “Моему учителю Валерию Брюсову”.

² См. п. 62.

³ Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884–1954) – секретарь редакции “Аполлона”, драматург, театровед, литературный критик и известный шахматист. Автор книг “Шахматы и их чемпионы” (Л., 1925) и “Теория середины игры в шахматах” (Л., 1925).

⁴ Рецензию в “Аполлоне” поместил Вяч. Иванов (1910, № 7). Кроме этого отзыва, на сборник Гумилева “Жемчуга” были опубликованы рецензии в газете “Речь” (1910, № 181, 5 июля. С(ергей) А(услендер)); в “Студенческой жизни” (1910, № 24, Н. Абрамович); в “Новом журнале для всех” (1910, № 20. Бор. Кремнев (Г. Чулков)); в “Новом слове” (1911, март. М. Чунов (И. Ясинский)); в “Современном мире” (1911, № 5. В. Львов-Рогачевский). Рецензия Брюсова появилась в “Русской мысли” (см. п. 62, прим. 1).

⁵ Два письма из трех, отправленных Гумилевым Брюсову, по всей видимости, затерялись.

62. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

(Москва.) 28 марта 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

К сожалению, я не могу взять на себя приятный труд написать о Вашей книге в “Аполлоне”. Я обещался “Русской Мысли” давать ей рецензии о всех, стоящих внимания сборниках стихов¹. Писать же об одной книге в двух изданиях я считаю решительно неуместным (хотя Н. Лернер² и писал иногда по 18 рецензий об одном и том же).

Благодарю Вас за вести из Абиссинии.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в.

¹ Рецензия Брюсова на “Жемчуга” заканчивалась так: “...стихотворения написаны прекрасно, обдуманными и утонченно-звучащими стихами. Н. Гумилев не создал никакой новой манеры письма, но, заимствовав приемы стихотворной техники у своих предшественников, сумел их усовершенствовать, развить, углубить, что, может быть, надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным результатам” (РМ. 1910. № 7. С. 205).

² Николай Осипович Лернер (1877–1934) – плодовитый критик и известный литературовед. Особенно популярны его пушкиноведческие труды. Сотрудничал во множестве журналов, в том числе и в “Весах”.

63. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Киев. 21 апреля 1910 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

пишу Вам, как Вы можете видеть по штемпелю, из Киева, куда я приехал, чтобы жениться. Женюсь я на А.А. Горенко¹, которой посвящены “Романтические цветы”. Свадьба будет, наверное, в воскресенье, и мы тотчас же уезжаем в Париж. К июлю вернемся и будем жить в Царском по моему старому адресу².

“Жемчуга” вышли. Вячеслав Иванович в своей рецензии о них в “Аполлоне”, называя меня Вашим оруженосцем, говорит, что этой книгой я заслужил от Вас ритуальный удар меча по плечу, посвящающий меня в рыцари. И дальше пишет, что моя новая деятельность ознаменуется разделением во мне воды и суши, причем эпическая сторона моего творчества станет чистым эпосом, а лиризм – чистой лирикой³.

Не знаю, сочтете ли Вы меня достойным посвящения в рыцари, но мне было очень важно услышать от Вас несколько напутственных слов, так как “Жемчугами” заканчивается большой цикл моих переживаний, и теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока не ясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович. Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к темам общечеловеческим, пусть стихийным, но под условием всегда чувствовать под своими ногами твердую почву. Но я повторяю, что мне это пока неясно и жду от Вас какого-нибудь указания, намека, которого я, может быть, сразу не пойму, но который встанет в моем сознании, когда нужно. Так бывало не раз, и я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан Вам.

Как надпись на Вашем экземпляре “Жемчугов” я взял две строки из Вашего “Дедала и Икара”⁴. Продолжая сравнение, я скажу, что исполняю совет Дедала, когда он говорит:

“Мой сын, лети за мною следом
И верь в мой зрелый, зоркий ум...”

Но я не хочу погибнуть, как Икар, потому что белые Кумы⁵ поэзии мне дороже всего.

Простите, что я так самовольно и без всякого на то права навязался к Вам в Икары.

Не присылаю теперь моего адреса, потому что сам его еще не знаю. Из Парижа напишу опять, тогда уже с адресом.

· Может быть, Вы захотите мне там поручить что-нибудь сделать.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Гумилев и А.А. Горенко (Ахматова) обвенчались 25 апреля 1910 г. под Киевом в Никольской слободе.

² Из Парижа Гумилев вернулся в начале июня.

³ Рецензия завершается такими словами: «...когда действительный, страданием и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем “суша и вода”, тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой – его скрытый лиризм, – тогда впервые будет он принадлежать жизни» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38).

⁴ Экземпляр “Жемчугов” с дарственной надписью Брюсову оказался утерянным (как свидетельствует расписка, сохраненная И.М. Брюсовой, книгу взял из брюсовской библиотеки автор статьи о Гумилеве в первом издании Литературной энциклопедии О. Бескин и не вернул обратно). Возможно, что две брюсовские строки, взятые Гумилевым для посвящения, были:

Удел наш – воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе...

В библиотеке Брюсова хранился еще один экземпляр этого сборника (ныне он находится в частном собрании) с иной дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову кесарево кесареви. Н. Гумилев” (“Пуришева К. Библиотека Брюсова // ЛН. Т. 27–28. С. 673).

⁵ Дедал и Икар летели над морем “до белых Кум”, греческого города в Малой Азии.

64. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 9 июля 1910 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

не только долг благодарности за Ваш более чем лестный для меня отзыв¹ заставляет меня писать Вам, но и желание договорить, хоть прозой, то, что я не сумел вложить в стихи, показать, что не напрасно Вы оказали мне честь, признав меня своим учеником, что я тоже стремлюсь к указанному Вами синтезу, но по-своему, осторожно,

быть может, даже слишком. Начиная с “Пути конквистадоров” и кончая последними стихами, еще ненапечатанными, я стараюсь расширять мир моих образов и в то же время конкретизировать его, делая его таким образом все более и более похожим на действительность. Но я совершаю этот путь медленно, боясь расплескать тот запас гармонии и эстетической уверенности, который так доступен, когда имеешь дело с мирами воображаемыми и которому так мало (по-видимому) места в мире действительности². Я верю, больше того, чувствую, что аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична, город величественно страшен, но для меня это слишком связано с газетами, а мои руки еще слишком слабы, чтобы оторвать все это от обыденности для искусства. Тут я был бы только подражателем, неудачным вдобавок; а хочется верить, что здесь я могу сделать что-нибудь свое. “Жемчуга” – упражненья, и я вполне счастлив, что Вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной как с поэтом придется только через много лет.

Я уже женат и живу в Царском, на старой квартире, Бульварная, д. Георгиевского. И думаю остаться еще несколько месяцев, пока не потянет куда-нибудь на юг. Пока смутно намечается поездка в Среднюю Азию³.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 62, прим. 1.

² Брюсов отмечал в рецензии на “Жемчуга” условность поэтического мира Гумилева: “Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах, – можно сказать в этих мирах, – явления подчиняются не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необъяснимым капризам, подсказываемым автором-суфлером” (РМ. 1910. № 7. С. 205).

³ Гумилев мечтал поехать с Ахматовой “не то морем во Владивосток, не то через Самарканд в Китай” (письмо М.М. Замятниной к М.А. Бородаевской от 24 июля 1910 г. – ГБЛ. Ф. 218, 1349. 12. Л. 30б.). Этот замысел не осуществился.

65. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 29 авг(уста) 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

Я не писал Вам давно, – частью по причине Ваших летних разъездов¹, частью по причине разных событий моей жизни², пересказывать которые не было бы интересно. И мне как-то стыдно начинать это письмо с деловых предложений и рассуждений, – но к тому принуждают обстоятельства. Дело в том, что с этой осени (как Вы, может быть, уже знаете) я буду “принимать ближайшее участие” (официальный термин) в редактировании “Русской Мысли”³. Кроме того, мне же приходится взять на себя (за отъездом из Москвы С.А. Полякова) и редактирование “Северных Цветов”, запоздавших, но имеющих выйти в течение этого сезона⁴. Вы понимаете и вы не сомневаетесь в том, что мне в том и в другом издании хочется иметь Вас в числе сотрудников. Зная, что в искусстве Вы, своим путем, постоянно продвигаетесь вперед, я уверен, что у Вас есть и стихи и рассказы (может быть, и статьи?), которые могут пригодиться для журнала и для альманаха⁵. К сожалению, ближайшие книжки “Русской Мысли” уже предопределены тем материалом (весьма плачевным), который достался мне в наследство от моих предшественников⁶. Но уже теперь я должен собирать рукописи для 1911 г. и, кроме того, все же надеюсь, что мне удастся вставить несколько мелких вещей и в последние книжки этого года. Что же касается “Северных Цветов”, то теперь уже самая пора организовывать их и даже сдавать материал в типографию. Вы бы меня поэтому очень обрадовали, если бы нашли возможность прислать мне что-либо из Ваших новых произведений в самом близком будущем. Мне казалось бы, что для “Русск. Мысли” скорее всего подошла бы одна из маленьких новелл, в том роде, как Вы их печатали там⁷, а для “Сев. Цветов” – стихи. Впрочем, это лишь предложение, на котором я нисколько не настаиваю, и совершенно возможно печатать в журнале стихи, а в альманахе прозу или тут и там и то и другое.

К большому моему сожалению, у меня сейчас совсем нет времени, чтобы поговорить с Вами, хотя бы в письме, о многом другом, о чем поговорить и хотелось бы и было бы надо, – в том числе о “Аполлоне”. Позвольте отложить это до следующего письма или до встречи, ибо в этом году мне придется в Петербурге бывать неоднократно⁸.

Благодарю Вас за Ваши письма.

Ваш Валерий Брюсов.

Мой новый адрес: 1-я Мещанская, 32 (Москва).

¹ После свадебного путешествия в Париж Гумилев уехал до осени в тверское имение Слепнево.

² В августе 1910 г. Брюсов переезжал с Цветного бульвара на 1-ю Мещанскую улицу.

³ В сентябре 1910 г. Брюсов приступил к заведованию литературно-критическим отделом журнала. Первым его шагом была рассылка писем, приглашающих к сотрудничеству как русских писателей, поэтов и критиков (А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, Ф. Сологуба, К. Чуковского, А. Толстого), так и иностранных (Э. Верхарна, С. Цвейга, Р. Гилля).

⁴ “Северные цветы” (Альманах пятый книгоиздательства “Скорпион”. М.) вышел в 1911 г.

⁵ В альманахе “Северные цветы” были помещены стихотворения Гумилева “Наступала ночь. Догорал камин...” и “Паломник” (“Ахмет-оглы берет свою клюку...”), вошедшие позднее в сб. “Чужое небо”. В “Русской мысли” стихи Гумилева появились только в 1911 г. (см. п. 67, прим. 9).

⁶ В предисловии к публикации переписки Брюсова с редактором “Русской мысли” П.Б. Струве А.Н. Михайлова пишет: «Брюсов был нужен журналу не только как автор: он был известен как ценный журнальный работник. Дела же “Русской мысли” были не блестящи. Она теряла былую популярность и давала дефицит. Надо было резко улучшить качество журнала, чтобы привлечь подписчиков. Д.С. Мережковский, заведовавший в 1909 г. отделом беллетристики, оставил свой пост, так и не наладив работы. Пресмники его – Ю.И. Айхенвальд, В.Г. Малахеева-Мирович и С.В. Лурье – еще более запутали дела журнала, так как приняли к печати ряд слабых произведений (например, бездарный роман П.А. Сергеевко “Андрей Щербина”»)» (Лит. архив. С. 259).

⁷ См. п. 31, прим. 4. Позднее никаких беллетристических произведений Гумилева в “Русской мысли” не появлялось.

⁸ Осенью и зимой 1910 г. Брюсов в Петербург не выезжал.

66. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 2 сентября 1910 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я Вас очень благодарю за Ваше письмо и приглашенье. Для меня большая честь печататься в изданиях, руководимых Вами. Но тем более я хочу быть требовательным к себе. В настоящую минуту то небольшое количество стихотворений, которое у меня было после “Жемчугов” (я летом вообще пишу мало), разобрано разными редакциями. Рассказов я вообще не писал уже довольно давно¹. Но, конечно, Ваше письмо заставит меня работать, и я уверен, что через очень короткий срок я пришлю Вам ряд стихов, а может быть, и рассказ.

Дней через десять я опять собираюсь ехать за границу², именно в Африку. Думаю через Абиссинию проехать на озеро Родольфо, оттуда на озеро Викторию и через Момбаз в Европу. Всего пробуду там месяцев пять.

Ваша последняя статья в “Весах” очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию³. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче, но я несколько иначе понимаю статью Блока⁴. Может быть, под влиянием разговора с ним, я вынес то впечатление, что он стремится к строгому искусству, которое ему нравится называть религией, от произвольных догадок, выкриков и подмигивания (“Земля в снегу”), что он, конечно, совсем неосновательно называет поэзией. Пример – его стихи в “Аполлоне”, где он явно учится у Вас⁵.

Кстати, относительно “Аполлона” я хочу Вас предупредить, что хотя я и считаю его ближайшим сотрудником, но влияние (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

Мой адрес прежний; если я уеду, мне будут пересылать все письма.

¹ Рассказы Гумилева, как правило, получали невысокую оценку критики. Так, П. Пильский в литературном обозрении "Blok-notes" писал: "Н. Гумилев (...) взялся за перо новеллиста, и в этом году мы прочли его три прозаические вещицы. (...) Все эти выступления поэтов в новой роли имеют некоторые общие характерные черты. Заметно: 1) стремление к стилизации, главным образом прошлого; 2) к утончению языка и 3) игнорирование живой жизни и особенно русской жизни и, конечно, быта. Характерно, что самые яркие из поэтов, поражающие нас богатством и образов, и красок, и напевов, в своей прозе бледнеют, тускнеют, чахнут и замирают" (Одесские новости. 1909. № 7958. 5 нояб.).

² 23 сентября 1910 г. Ахматова сообщала в письме к А.Г. Архангельскому, что Гумилев "вчера уехал в Африку" (ЦГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1). А.Н. Толстой вспоминает об этом периоде жизни Гумилева: "Он женился и уехал в Абиссинию. Сбылась мечта о тропических лесах, о пироггах, скользящих по голубым озерам, о стадах обезьян, о том задумчивом жирафе, который, поджидая его, много лет бродил одиноко по берегу озера Чад. Гумилев привез из Африки желтую лихорадку, прекрасные стихи, чудело убитого им черного ягуара и негрское оружие" (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 43). Гумилев провел в Абиссинии полгода, собирая там народные песни. В Петербург он вернулся 25 марта 1911 г., а 5 апреля сделал в редакции "Аполлона" доклад об Абиссинии. А.А. Кондратьев писал Брюсову 12 апреля 1911 г.: "Из петербургских новостей – приехал из Абиссинии Гумилев. Читал доклад о своем путешествии в редакции Аполлона. Тема доклада была опасная и требовала многих умолчаний, чтобы не напомнить героя нескольких наиболее удачных романов Додэ. С трудностями Гумилев справился. Описывая он и свою охоту на льва и то, как его мотал на рогах африканский буйвол (при описании этих двух эпизодов в особенности чувствовались фигуры умолчания)" (ГБЛ. Ф. 386, 90.8. Л. 24). Ср. также шуточное стихотворение А. Кондратьева "Песнь торжественная на возвращение Гумилева из путешествия в Абиссинию" (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 4–4об.). Об этом же докладе Брюсову сообщал К.И. Чуковский.

³ Явная описка, т.к. издание "Весов" прекратилось в 1909 г. Гумилев имеет в виду статью Брюсова «О "речи рабской" в защиту поэзии», опубликованную в "Аполлоне" (1910, № 9, июль–август) и направленную против мистического истолкования символизма Вяч. Ивановым, предложенного им в статье "Заветы символизма" (Там же, № 8). Возражая против желания Вяч. Иванова о том, чтобы поэты-символисты были теургами, Брюсов пишет: "Неужели после того как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!" (VI, 178). Интересно, что С.М. Городецкий, будущий синдик "Цеха поэтов" и соратник Гумилева по акмеизму, выступил в поддержку брюсовской позиции (см.: Против течения, 1910. № 1. 15 окт.). Статья Брюсова вызвала солидарное воодушевление у всей "молодой редакции" "Аполлона" (см.: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 369–371).

⁴ Статья А. Блока "О современном состоянии русского символизма", напечатанная в "Аполлоне" рядом со статьями Вяч. Иванова, ставила своей задачей "раскрыть его (В. Иванова) терминологию, раскрыть свои иллюстрации к его тексту..." (V, 426). Тем не менее взгляды Блока значительно отличались от идей Вяч. Иванова, на что и обращает Гумилев внимание Брюсова, необоснованно сближавшего в своей резкой заметке позиции обоих поэтов. Широко развернувшаяся полемика, к которой подключились А. Белый (Аполлон. 1910. № 11), С. Венгеров (РВ. 1911. № 14. 19 ян.), С. Арианов (ВЕ. 1910. № 10), Д. Мережковский (Русское слово, 1910. № 211. 14 сент.) и др., ознаменовала начало распада символизма.

⁵ В "Аполлоне" (1910, № 4) был напечатан цикл итальянских стихов А. Блока: "Равенна" ("Все, что минуто..."), "Maria da Spoleto", "Холодный ветер от лагун...", "Слабеет жизни гул упорный...", "Благовещение", "Успенье".

67. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Ст. Подобино. 24 мая 1911 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

благодарю Вас за переводы Верлена (они мне очень и очень понравились)¹ и за новую "Земную ось"². Правда ли, что книга Ваших стихов выходит осенью?³ Это очень нужно, а то проходящая зима была так бедна стихами, что даже интерес к ним стал, как будто, пропадать⁴. Ваши мысли по поводу реализма в поэзии (из "Русской Мысли") заставили меня много думать, волноваться, даже сердиться⁵. Но Вы правы: и ангелы и замки не лучше гражданской поэзии. Меня смутил только Ваш отзыв об Эренбурге⁶. Сколько я его ни читал, я не нашел в нем ничего, кроме безграмотности и неприятного снобизма⁷. Как Вам показались стихи Анны Ахматовой (моей жены)?⁸ Если не поленились, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И положительное и отрицательное Ваше мнение заставит ее задуматься, а это всегда полезно.

Посылаю Вам три новые стихотворенья, может быть, пригодятся в какое-нибудь издание⁹. Но мне хотелось бы знать о их судьбе.

Целую ручки Анны Матвеевны.

Мой адрес до августа¹⁰. Тверская губ. Полуст. Подобино, именье Слепнево¹¹, мне.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Как будто год наш роковой,
ДВУНАДЕСЯТЫЙ возвращался.
Гр.Е. Ростопчина¹².

Он близок, слышит лес и степь его;
Какой теперь он кроет ков,
Год Золотой Орды, Отрепьева,
Двунадесяти языков?

Вслед за его крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С военной музыкой и пением
Войдут войска в столицу... – чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,

Забытых на полях потоптанных,
Но громких в летописи слав?

Кто смелый?.. Но к чему допрашивать!
Туманно небо, воеет пес,
В душе темно, – пора докашивать
Перестоявшийся покос.

Чума, война иль революция,
В пожарах села, луг в крови!
Но только б спела скрипка Муция¹³
Песнь Торжествующей Любви¹⁴.

* * *

В вазах было томленье умирающих лилий¹⁵.
Запад был медно-красный. Вечер был голубой.
О Леконте де Лиле мы тогда говорили,
О холодном поэте мы грустили с тобой.

Мы не раз открывали шелковистые томы,
И читали спокойно, и шептали – “не тот!”
... Но тогда нам сверкнули все слова, все истомы,
Как кочевницы-звезды, что восходят раз в год.

Было тихо, так тихо; и пред нами воскресли
Рифмы древнего солнца, мир неожиданно-большой,
И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой.

Н. Г у м и л е в.

¹ Брюсов прислал выпущенную в марте книгу “Поль Верлен. Собрание стихов. Перевод В. Брюсова” (М.: Скорпион, 1911). В рецензии на нее Гумилев писал: “Книга Валерия Брюсова дает полное представление о Верлене как о поэте. Совершенное знание всей его поэзии позволило переводчику пользоваться верленовским же словарем в тех местах, где точность перевода немислима. Многие строфы, даже стихотворения спорят по производимому очарованию с оригиналом” (Аполлон. 1912. № 1. С. 72). Ранее, рецензируя книгу Брюсова “Французские лирики XIX века”, Гумилев отметил, что в его переводе “образы Верлена могут быть четкими” (Речь. 1909. № 196. 20 июля). Сам Гумилев почти не переводил Верлена. Известен лишь один его неопубликованный перевод, относящийся к последним годам жизни, – “Эпилог” из сб. “Poèmes Saturniens” (список, сделанный П. Лукницким, с оригинала, принадлежавшего М. Тумповской, хранится в настоящее время у Л. Горнунга).

² Второе издание “Земной оси”, дополненное четырьмя рассказами, вышло в октябре 1910 г. (М.: Скорпион). Отношение Гумилева к прозе Брюсова в какой-то степени характеризует проект “Антологии современной прозы”, который составлялся в 1915 г. Гумилев намеревался включить в него следующие произведения Брюсова (цифры означают, по-видимому, количество страниц): «Из “Земной оси” – 5, из “Дневника женщины” – 3, из “Огненного ангела” – 5, из “Алтаря победы” – 3, из “Далеких и близких” – 3» (ГПБ. Ф. 66. № 1. Л. 166).

³ Сборник “Зеркало теней” вышел в марте 1912 г., но печататься начал осенью 1911 г. 28 ноября 1911 г. Брюсов сообщал К.И. Чуковскому: “Печатаю новый сборник новых стихов, которыми очень доволен” (Чуковский К.И. Из воспоминаний. М.: Сов. пис., 1959. С. 458). Гумилев, старавшийся привлечь Брюсова на сторону зарождавшегося молодого течения, приветствовал новую книгу учителя: “Недаром слова “брюсовская школа” звучат так же естественно и понятно, как школа парнасская или романтическая. Действительно, завоеватель, но не авантюрист, осторожный, но и решительный, расчетливый, как гениальный стратег, Валерий Брюсов усвоил характерные черты всех бывших до него литературных школ, пожалуй, до “эвфуизма” включительно. Но он прибавил к ним нечто такое, что заставило их загореться новым огнем и позабыть прежние распри. Может быть, это нечто есть основание новой, идущей на смену символизма школы...” (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 99). Ср. этот отзыв с его же неподписанной рецензией на тот же сборник, которая процитирована во вступительной статье.

⁴ Вряд ли это замечание Гумилева справедливо. В феврале 1911 г. Брюсов отметил в “Русской мысли”: «Шестнадцать новых сборников стихов, вышедших за последние три-четыре месяца! Не слишком ли это много? Между тем эти шестнадцать сборников выбраны мною из гораздо большего числа их, доставленных с сентября по декабрь в редакцию “для отзыва”. А сколько еще сборников по тем или иным причинам доставлено не было и осталось мне неизвестно!» (РМ. 1911. № 2. С. 227–228).

⁵ Речь идет о статье Брюсова “Новые сборники стихов”, в которой говорится: “Было время, когда русская поэзия нуждалась в освобождении от давивших ее оков холодного реализма. Надо было вернуть исконные права мечте, фантазии (...) К сожалению, по этому необходимому пути пошли слишком далеко. Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения, захотела синтезировать, не имея за собой опыта, фактов. Отсюда ее безжизненность и ее подражательность...” (Там же. С. 230).

⁶ Отзыв Брюсова о первой книге И. Эренбурга “Стихи” (Париж; 1910) см. наст. кн. Переписка с Эренбургом, вступ. ст. Б.Я. Фрезинского.

⁷ Отрицательное суждение о сборнике “Стихи” Гумилев высказал в обзоре “Письмо о русской поэзии”: “И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: выявить лик средневекового рыцаря, только случайно попавшего в нашу обстановку, изобразить католическую влюбленность в деву Марию, быть утонченным, создать четкий, изобразительный стих. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных” (Аполлон. 1911. № 5. С. 78). Гораздо более высокую оценку получил у Гумилева второй сборник Эренбурга “Я живу” (см.: Аполлон. 1911. № 10).

⁸ См. п. 68, прим. 7.

⁹ Кроме публикуемых стихотворений, к письму было приложено также “Из логова змиева...” (см. п. 68), помещенное Брюсовым в “Русской мысли” (1911, № 7). Рукопись его не сохранилась.

¹⁰ Лето 1911 г. Гумилев провел в имении Слепнево Тверской губ., принадлежавшем его матери Анне Ивановне, рожд. Львовой. 28 июля 1911 г. Гумилев писал из Подобино Зноско-Боровскому:

“Милый Женя, я здесь пробуду до 7 августа. Если приедешь, очень порадуешь. Напиши, что надо сделать еще для альманаха. Я уезжаю к лопарям. Вернусь в начале сентября. Князеву пишу. Жму твою руку.

Твой Н. Гумилев.

Аня шлет привет”

(ГПБ. Ф. 124. Собр. П.Л. Вакселя. Ед. хр. № 1399. Л. 3).

¹¹ Скорее всего, летом 1911 г. состоялось знакомство Гумилева с В. Неведомской, которая оставила о нем небольшие воспоминания. «Вернувшись в июле из заграницы в наше имение “Подобино” – в Бежецком уезде Тверской губернии – я узнала, что у нас появились новые соседи. Мать Н.С. Гумилева получила в наследство небольшое имение “Слепнево”, в 6 верстах от нашей усадьбы. Слепнево, собственно, не было барским имением, это была скорее дача, выделенная из “Борискова”, имения Кузьминых-Караваевых. (...)»

Я как сейчас помню мое первое впечатление от встречи с Гумилевым и Ахматовой в их Слепневе. На веранду, где мы пили чай, Гумилев вошел из сада; на голове – феска лимонного цвета, на ногах – лиловые носки и сандалии и к этому русская рубашка. Впоследствии я поняла, что Гумилев вообще любил гротеск и в жизни и в костюме. У него было очень необычное лицо: не то Би-Ба-Бо, не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмеваются; чувствуется, что ему хочется созорничать и подшутить... (...) Его стихи и личное обаяние совсем околдовали нас, и ему удалось внести элемент сказочности в нашу жизнь. Он постоянно выдумывал какую-нибудь затею, игру, в которой мы все становились действующими лицами» (Неведомская В. Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 151).

¹² По всей видимости, Гумилев писал стихотворение к приближающемуся столетнему юбилею 1812 г. Без эпиграфа и заглавия со значительными изменениями оно публиковалось в “Ниве” (1916, № 9). Во второй строфе был вычеркнут военной цензурой последний стих. Эпиграф взят из стихотворения Е.П. Ростопчиной “Одним меньше! (На смерть партизана Дениса Давыдова)”.

¹³ Муций – герой рассказа И.С. Тургенева “Песнь торжествующей любви”, волшебной игрой на скрипке вызывающий неодолимую страсть.

¹⁴ Сохранился недатированный автограф этого стихотворения, в котором вместо последней строфы были две другие:

Мы будем делать, что нам велено!
Труба, реви; ружье, стреляй;
Граната, рой в земле расселины,
Подготавливая новый рай.

И ты светись, заря зловещая,
Пугая и чаруя нас;
Ведь время, как сибилла вещая,
Нам все расскажет в долгный час.

(ГПБ. Собр. П.Л. Вакселя. Ф. 124. № 1398. Л. 3).

¹⁵ Под заглавием “Однажды вечером” опубликовано в сборнике “Чужое небо”.

68. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Опалиха. 20 июня 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо, что меня вспомнили. Первое Ваше стихотворение “Из логова змиева” думаю напечатать в одной из ближайших книжек “Русской Мысли”¹. В нем в одном месте дактилические рифмы заменены женскими, – так и должно?² – Два других, по разным причинам, мне нельзя будет пристроить.

Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен³. Игорь Северянин действительно интересен⁴. В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого – меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах?⁵ Более меня тревожит, что он пишет и в “Сатириконе” и, кажется, в “Синем журнале”⁶. Это – путь опасный.

Стихи Вашей жены, г-жи Ахматовой, – которой, не будучи пока ей представлен, позволю себе послать мое приветствие, – сколько помню, мне понравились. Они написаны хорошо. Но во-первых, я читал их уже давно, осенью, во-вторых, двух стихотворений, которые мне были присланы, слишком мало, чтобы составить определенное суждение⁷.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов.

¹ 20 июня 1911 г. Брюсов сообщал редактору “Русской мысли” П.Б. Струве: “Для июля я дал, вместо Умова, стихи Н. Гумилева (хорошие)...” (*Лит. архив*. С. 344).

² Речь идет о второй строфе стихотворения:

Покликаешь – морщится.
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.

³ См. п. 67, прим. 7. В этом обзоре Гумилев среди прочих разбирает сборники: Сергея Клычкова – “Песни”, Модеста Гофмана – “Гимны и оды”, Элліса – “Stigmata”, Бенедикта Лившица – “Флейта Марсия” и Марины Цветаевой – “Вечерний альбом”.

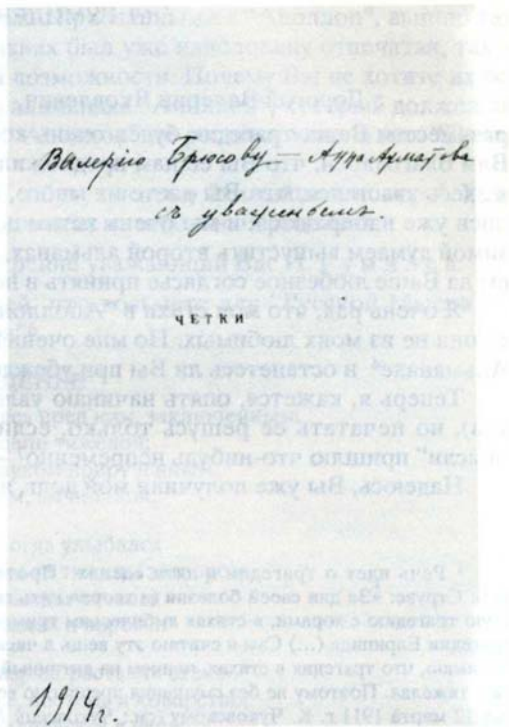
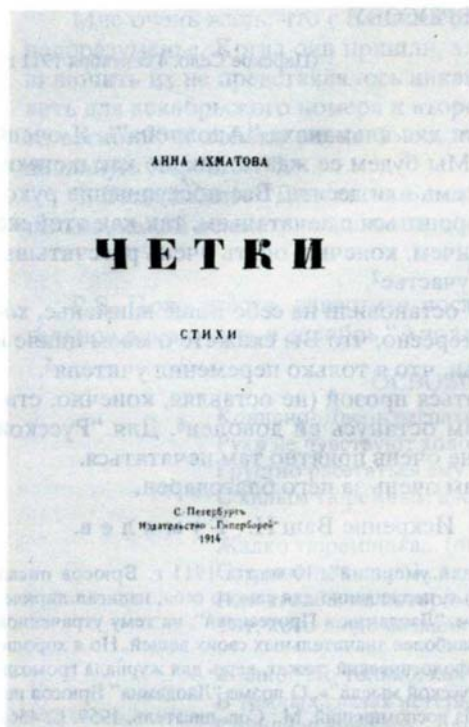
⁴ В обзоре Гумилева Северянин охарактеризован так: “... интереснее всех, пожалуй, Игорь Северянин: он больше всех дерзает. Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе, как желание скандала или как ни с чем несравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкий, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства. (...) Но зато его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе неожиданны, у него есть уже свой поэтический облик” (Аполлон. 1911. № 5. С. 76).

⁵ Об ученическом характере стихов своего первого сборника Брюсову писал и сам И.Г. Эренбург (см. наст. кн. Переписка с Эренбургом, п. 1).

⁶ “Сатирикон” – еженедельный сатирический журнал, издаваемый М.Г. Корнфельдом с 1908 по 1914 г. Журнал пользовался заслуженной популярностью, в нем печатались Л. Андреев, А. Куприн, А. Блок, А. Толстой, А. Аверченко, Саша Черный, Тэффи, А. Бухов, Ф. Сологуб, А. Грин... Наряду с постоянными карикатуристами Н. Ремизовым, А. Радаковым, А. Юнггером, к иллюстрированию привлекались А. Бенуа, К. Коровин, Б. Кустодиев, М. Добужинский. Печатался в “Сатириконе” и Гумилев. Сотрудничество Эренбурга с “Сатириконом” (см. №№ 10, 17 и 22 за 1911 г.) никак не могло его скомпрометировать. См. также: Евстигнеева Л. «Журнал “Сатирикон” и поэты-сатириконцы». М., 1968.

“Синий журнал” – петербургский еженедельник, выходивший в 1910–1916 гг. Этот журнал, хотя его издавал также М.Г. Корнфельд, был рассчитан на весьма нетребовательный вкус. Факт сотрудничества Эренбурга с “Синим журналом” нам неизвестен. Не исключено, что Брюсов своим упреком косвенно предостерегал Гумилева, друга которого (в частности, П. Потемкина) публиковались в этом издании. Кстати, в нем незадолго до брюсовского письма были помещены репродукции пяти картин со следующим пояснением: «Только что вернувшийся из путешествия по Абиссинии молодой поэт Н. Гумилев привез редкую коллекцию картин абиссинских художников и представил последнюю для воспроизводства на страницах “Синего Журнала”» (Синий журнал. 1911. 23 апр. № 18. С. 12). Часть этой коллекции ныне хранится в собрании П.Н. Лукницкого.

⁷ Брюсову изменила память. В октябре 1910 г. Ахматова прислала ему не два, а четыре стихотворения: “Жарко веет ветер душный...”, “Хочешь знать, как все это было...”, “Тебе, Афродита, слагаю танец...”, “Старый портрет” (см.: Записки Отдела рукописей Гос. биб-ки им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1972. Вып. 33. С. 276–277). К тому же Брюсову наверняка были знакомы четыре стихотворения Ахматовой “Сероглазый король”, “В лесу”, “Над водой”, “Мне больше ног моих не надо...”, опубли. в “Аполлоне” (1911, № 4). Осторожность брюсовской оценки вряд ли вызвана недостаточным знакомством с ее творчеством, поскольку чуть позже в рецензии на мусagetовскую “Антологию” (М., 1911) он назвал Ахматову в числе

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А.А. АХМАТОВОЙ

на книгу "Четки" (СПб., 1914): "Валерию Брюсову — Анна Ахматова с уважением. 1914 г."

Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

"молодых", "об отсутствии которых" в сборнике надо пожалеть" (РМ. 1911. № 8. Разд. III. С. 18). Вопрос Гумилева (см. п. 67) свидетельствует, что Брюсов не ответил на письмо Ахматовой, в котором она спрашивала, стоит ли ей "заниматься поэзией", и просила "напечатать которое-нибудь" из присланных стихотворений. Брюсов косвенно извинялся в письме Гумилеву перед Ахматовой за свое молчание, оправдывая его благовидным предложением.

Из четырех присланных Ахматовой стихотворений Брюсов не напечатал в "Русской мысли" ни одного. "Старый портрет" опубликован во "Всеобщем журнале литературы, искусства, науки и общественной жизни" (1911, № 3), "Жарко веет ветер душной..." — в журнале "Gaudefamus" (1911, № 10), "Хочешь знать, как все это было..." вошло в сборник "Вечер" (СПб., 1912). Стихотворение "Тебе, Афродита, слагоу таец..." опубликовано только в 1972 г. в указанных выше "Записках Отдела рукописей ГБЛ". Первое произведение Ахматовой появилось в "Русской мысли" при содействии Брюсова лишь через полгода ("Муж хлестал меня узорчатый..." — РМ. 1911. № 12). 22 октября 1912 г. Ахматова вновь посылает Брюсову подборку из нескольких стихотворений, на этот раз с большим успехом. В ответном письме Брюсов сообщал:

«Многоуважаемая Анна Андреевна!

Очень извиняюсь, что отвечаю Вам с таким промедлением. К сожалению, в дни, когда я был в Петербурге, я никак не мог выбрать несколько свободных часов, чтобы приехать к Вам в Царское Село, а вернувшись в Москву, я снова захворал и лишь теперь возвращаюсь к делам. Еще раз, — простите.

Благодарю Вас за присланные стихи. Два стихотворения я выбрал для "Русской мысли". Какие именно, сейчас не сумею сказать, так как рукопись осталась в редакции. Вам это будет не трудно узнать из редакции, хотя бы по телефону.

Когда могут быть помещены Ваши стихи в журнале, тоже Вам сказать не сумею. Дело в том, что я отказался от участия в редакции "Русской мысли". Пока еще продолжаю заканчивать свои работы по редакции, но состав книжек будущего года уже совершенно не будет от меня зависеть.

Уважающий Вас Валерий Брюсов.

27 ноября 1912.»

(Автограф — в собрании П.Н. Лукницкого; снятая им копия: в ГБЛ. Ф. 386, 150.58. Л. 9: опубли.: Записки отдела рукописей (ГБЛ). М., 1978. Вып. 39. С. 87). В журнале были опубликованы стихотворения Ахматовой "Бессонница" и "Я научилась просто, мудро жить..." (РМ. 1913. № 2).

69. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 4 сентября 1911 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

разумеется Ваша трагедия будет очень кстати для альманаха “Аполлона”¹. Я очень Вам благодарен, что Вы ее нам предложили. Мы будем ее ждать, так же как и стихи я здесь хвастался, что Вы даете их много, восемь или десять. Все поступившие рукописи уже набираются, и мы очень хотим поторопиться с печатаньем, так как этой же зимой думаем выпустить второй альманах, причем, конечно, опять очень рассчитываем на Ваше любезное согласие принять в нем участие².

Я очень рад, что мои стихи в “Аполлоне”³ остановили на себе Ваше внимание, хотя они не из моих любимых. Но мне очень интересно, что Вы скажете о моем цикле в Альманахе⁴ и останетесь ли Вы при убеждении, что я только переменял учителя⁵.

Теперь я, кажется, опять начинаю увлекаться прозой (не оставляя, конечно, стихов), но печатать ее решусь только, если сам останусь ей доволен⁶. Для “Русской Мысли” пришло что-нибудь непременно⁷ – мне очень приятно там печататься.

Надеюсь, Вы уже получили мой долг, я Вам очень за него благодарен.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

¹ Речь идет о трагедии в пяти сценах “Протесилай умерший”. 10 марта 1911 г. Брюсов писал П.Б. Струве: «За дни своей болезни (я хворал пять дней) я, неожиданно для самого себя, написал лирическую трагедию с хорами, в стихах ямбическим триметром, “Лаодамия и Протесилай”, на тему утраченной трагедии Еврипида (...) Сам я считаю эту вещь в числе наиболее значительных своих вещей. Но я хорошо понимаю, что трагедия в стихах, причем на античный мифологический сюжет, вещь для журнала громоздкая, тяжелая. Поэтому не без смущения предлагаю ее “Русской мысли”». О поэме “Лаодамия” Брюсов писал 12 марта 1911 г. К. Чуковскому (см.: Чуковский К. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 456). 17 мая Брюсов снова касается этой темы в письме к Струве: «По свойственному людям эгоизму, я думаю при этом о судьбе моей трагедии “Лаодамия”, о которой я Вам писал. У меня есть одна особая причина желать ее скорейшего напечатания. Как Вы, вероятно, знаете, издательство Сабашникова предприняло издание Библиотеки классиков в русском переводе. (...) Но перевод их предполагается пятистопным ямбом. Я считаю своим долгом, литературным долгом, всячески протестовать против этого. Перевод античных трагиков должен быть исполнен тем же стихом, каким писали они: ямбическим триметром. А для этого надо доказать, что ямбический триметр в русской литературе существует» (Лит. архив. С. 342–343). 6 сентября 1911 г. Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «Н.С. Гумилев передавал редакции “Аполлона” о том, что у Вас есть готовая трагедия, которую, может быть, можно было бы получить из “Русской мысли” для нашего Альманаха. Нечего и говорить, что мы все очень хотим и были бы Вам горячо благодарны, если бы Вы нам ее прислали, и очень просим Вас приложить все усилия, чтобы “Русская мысль” передала ее нам» (ГБЛ. Ф. 386, 86.61. Л. 14). О дальнейшей судьбе брюсовской трагедии см. п. 70, прим. 3.

² В “Литературном альманахе” (Издание “Аполлона”. СПб., тип. “Сириус”, 1912) Брюсов не участвовал (см. п. 70).

³ Стихотворения Гумилева “Еще близ порта орали хором...” и “С тусклым взором, с мертвым сердцем в море...”, вошедшие позднее в сб. “Чужое небо” под заглавием “Константинополь” и “Жизнь”, опублик. Аполлон. 1911. № 6.

⁴ В “Литературном альманахе” появились следующие стихи Гумилева: 1. “Сон” (“Вы сегодня так красивы...”); 2. “Мне не нравится томность...”; 3. “Вечерний медленный паук...”; 4. “Я жду, исполненный укоров...”; 6. “Какою музыкой мой слух взволнован...”; 6. “Вот я один в вечерний тихий час...”; 7. “Я в коридоре дней сомкнутых...”. Все они, кроме 3 и 5, вошли в сб. “Чужое небо”.

⁵ Речь идет о возрастающем влиянии на Гумилева Вяч. Иванова.

⁶ Из повествовательных прозаических произведений Гумилева в 1910-е годы появился только рассказ “Путешествие в страну эфира” (Биржевые ведомости. Утр. выпуск. 1916. № 15711. 31 июля).

⁷ См. п. 70, прим. 1.

70. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

⟨Царское Село. 15 ноября 1911 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю Вам три мои последние стихотворенья¹. Может быть, что-нибудь пригодится для “Русской Мысли”. Но, к сожалению, я должен Вас предупредить, что в феврале выйдет книга моих стихов², так что эти стихи самое позднее могут войти в февральскую книжку. Может быть, Вы не откажете известить меня о Вашем решении.

Мне очень жаль, что с Вашими стихами, присланными в “Аполлон”, вышло такое недоразумение. Когда они пришли, альманах был уже наполовину отпечатан, так что включить их не представлялось никакой возможности. Почему Вы не хотите их оставить для декабрьского номера и второго альманаха “Аполлон”, который должен выйти весной? Я только очень боюсь, что “Аполлон” не решится напечатать “Провинциальную Картинку”⁴.

О Вашей книге “Далекие и Близкие” я буду писать в ближайшем номере⁵. Удивительно, какой цельной вышла она, составленная из отдельных рецензий.

Искренне уважающий Вас Н. Г у м и л е в.

P.S. Пожалуйста, известите поскорей, что возьмете для “Русской Мысли”. Остальное думаю дать в декабрь “Аполлона”⁶.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Кончено! Дверь распахнулась пред ним, заключенным;
Руки не чувствуют холода цепи тяжелой;
Грустно расстаться ему с пауком прирученным,
С хилым тюремным цветком, пичиоллой;

Жалко тюремщика... (он иногда улыбался
Странно-печально) ... и друга за тяжким затвором...
Или столба, на котором однажды качался
Тот, кого люди называли убийцей и вором...

Жалко? Но только, как призрак, растаяли стены,
В темных глазах нетерпенье, восторг и коварство,
Солнце пьянит его, солнце вливается в вены,
В сердце... изгнанник идет завоевывать царство.

Н. Г у м и л е в.

¹ Кроме стихотворения, публикуемого в настоящем письме, к нему были приложены также “Я верил, я думал...” и “Туркестанские генералы” (см. п. 71), вошедшие в сб. “Чужое небо”. Рукописи их не сохранились.

² Имеется в виду сб. “Чужое небо”, вышедший в начале апреля 1912 г.

³ 18 октября (?) 1911 г. Е.А. Зноско-Боровский писал Брюсову: «... мы подготавливаем в скором времени выпуск 1-го Альманаха “Аполлона”, для которого Вы обещали Серг(ею) Конст(антинович)у (Маковского) цикл стихотворений. Серг(ей) Конст(антинович) не хочет приступать к печати “Альманаха”, покуда он не будет иметь этих Ваших стихов. Очень прошу Вас быть так любезным и в скором времени прислать нам эти стихи. Мы ждем их с большим нетерпением» (ГБЛ. Ф. 386, 86.61. Л. 12). 1 ноября 1911 г. он сообщил: “... как жаль, что Ваши стихи пришли в воскресенье (30 октября)! Приди они хоть двумя днями раньше, и я еще сумел бы как-нибудь им найти место, а теперь это невозможно: уже отпечатаны 2 листа, пагинация установлена окончательно, и сделать ничего нельзя. Т(ак) к(ак) Серг(ея) Конст(антинович)а сейчас нет в Петербурге, я пересылаю ему Ваши стихи, чтоб (?) он, прочитав их, предложил Вам печатать ли (?) их в № 10 или в следующий Альманах. Однако он еще неизвестно, когда выйдет. Мне неприятно, что такое (?) случилось” (Там же. Л. 15). 9 ноября он извещал Маковского: “Брюсов прислал целую массу для Аполлона, я ему написал, что он опоздал, он ответил обидчивым письмом, прося, несмотря на мои уверения, что ты стихи используешь для журнала или для нового Альманаха, вернуть ему стихи” (ГПБ. Ф. 124. № 1770. Л. 18). 2 февраля 1912 г. к Брюсову обратился Маковский: «Мне хотелось бы приложить все старания к тому, чтобы при печатании нашего следующего “Альманаха” не повторилось то досадное опоздание Вашей рукописи, о котором Вы упоминаете в Вашем письме к Зноско-Боровскому. Поэтому очень прошу Вас прислать ее, не ожидая крайнего срока! К тому же я бы хотел, — конечно, если Вы — не против, — приложить к “Протесилаю Умершему” графический рисунок, т(ак) к(ак) “Альманах” будет иллюстрированным? Для этого тоже необходимо время. Гонорар, о котором Вы пишете, мог бы быть уплачен Вам вперед, по получении рукописи... “Альманах” выйдет, во всяком случае, не позже Октября 1912 г., но, м(ожет) б(ыть), и на месяц раньше, а печатать его (в виду технических сложностей, в связи (?) с иллюстрациями) думаю летом, в месяцы отдыха от журнала. Мне чрезвычайно досадно, что Ваши стихи не начали серии аполлоновских “Альманахов”; я на это очень рассчитывал, и теперь сожалею, что поручил другим ведение переговоров с сотрудниками. Отсюда — все недоразумения и оплошности. Как редактор журнала, Вы должны понимать меня и посочувствовать мне (...) Кроме драмы я надеюсь, что Вы пришлете еще несколько лирических стихотворений: ими я бы начал книгу» (ГБЛ. Ф. 386, 93.28. Л. 2–3). 13 мая 1912 г. Маковский с сильным запозданием благодарил Брюсова за присылку трагедии: «... радуюсь мысли, что, наконец, в “Альманахе” Аполлона будет Ваше большое произведение» (Там же. Л. 6). 9 января 1913 г. Брюсов писал Маковскому: «С большой неохотой, но по совершенной необходимости я принужден тревожить Вас запросом о

судьбе моей драмы “Протесилай умерший”, находящейся в Вашем распоряжении уже свыше года. Она включена в один из томов собрания моих сочинений, издаваемого к(ниго)издательством “Сирин”, и потому для меня важно напеча(та)ть ее в журнале с таким расчетом, чтобы отдельное изд(ание) драмы не появилось тотчас вслед. Между тем в объявлениях “Аполлона” нет даже указаний на подготовку к печати его 2-го альманаха, для которого, если не ошибаюсь, моя драма предназначалась...» (ГРМ. Ф. 97. Ед. хр. 35) Маковский ответил Брюсову 12 февраля 1913 г.: «... обстоятельства вынуждают меня согласиться на Ваше предложение и отдать Вам “Протесилай Умершего” (...) Дело в том, что я совершенно не могу сказать, когда выйдет следующий “Альманах” “Аполлона”. В этот сезон (до лета) срок уже пропущен, но и насчет осени я не уверен, так как при нынешней литературной “конъюнктуре” составить интересный сборник – дело совсем не легкое...» (ГБЛ. Ф. 386, 93.28. Л. 7). “Протесилай умерший” был напечатан в № 9 “Русской мысли” за 1913 г.

⁴ “Провинциальная картинка”, написанная Брюсовым летом 1911 г. в Можайске, опубликована в журнале “Летопись” (1917, № 2–4; II, 264).

⁵ Этот замысел остался нереализованным.

⁶ Из присланной Брюсову подборки два стихотворения напечатала “Русская мысль” (1912, № 1), а “Освобождение” впервые опубли.: Гумилев Н.С. *Неизданные стихи и письма*. С. 103.

71. БРЮСОВ – ГУМИЛЕВУ

Москва. 18-ое ноября 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо за присланные стихи¹. Но Вашими условиями Вы ставите меня в очень трудное положение. Дело в том, что стихи на январь-февраль у меня уже намечены. Я постараюсь, однако, уместить в январе Ваше стихотворение “Я верил, я думал...”. Не знаю еще, удастся ли мне воспользоваться и “Туркестанскими генералами”, которые мне тоже очень нравятся. Сообщу Вам об этом на днях. Что касается альманаха “Аполлона”, то по-прежнему думаю, что его редакция поступила не окончательно корректно.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ См. п. 70, прим. 1. Отметим, что А. Блоку также понравились оба эти стихотворения. Благодаря за присланный ему автором сборник “Чужое небо”, Блок писал Гумилеву 14 апреля 1912 г.: «Спасибо Вам за книгу; “Я верил, я думал” и “Туркестанских генералов” я успел давно полюбить по-настоящему; перелистываю книгу и думаю, что полюблю и еще многое» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 386).

72. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Май 1912 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я проехал почти всю Италию¹, написал с десятков стихотворений. Посылаю Вам несколько. Может быть, Вы захотите что-нибудь напечатать в “Русской мысли”². Сколько раз я начинал Вам писать. Хотел рассказать Вам о моем союзе с Городецким³, о Цехе Поэтов⁴ и его отношении к Вячеславу Ивановичу⁵, о будущей реформе “Аполлона”⁶. Хотел... но это был бы целый трактат, а я совсем не могу писать прозой, по крайней мере, последнее время. Мысли несутся вперед, путаются, перо не хочет их записывать. Надеюсь, это продлится не долго. Относительно моих стихов, может быть, Вы напишете мне в “Аполлон”, я буду там недели через полторы.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

¹ Гумилев и Ахматова выехали из Петербурга 3 апреля 1912 г., 17 мая вернулись в Россию. В Италии Гумилев побывал в Оспедалетти, Сан-Ремо, Генуе, Пизе, Флоренции, Риме, Сиене, Болонье, Падуе, Венеции.

² Приложенные к письму стихотворения не сохранились. В “Русской мысли” (1912, № 7) напечатан цикл “Итальянские стихи”, куда вошли стихотворения “Рим”, “Пиза”, “Генуя”, (как видно из п. 73, первые два были посланы с настоящим письмом). К этому же циклу могут быть отнесены появившиеся в “Гиперборее” (1912, № 1, окт.) стихотворения “Венеция” и “Болонья”, а также включенные в сб. “Колчан” (М.; Пг.: Гиперборей, 1916) – “Фра Беато Анжелико”, “Персей”, “Падуанский собор” и “Неаполь”. В 1913 г. издательство “Акме” анонсировало сборник итальянских стихов Гумилева.

³ Гумилев и Городецкий создали “Цех поэтов” и были его синдиками. В предшествующий этому пери-

од оба поэта находились во враждебных группировках. В статье “Да, против течения” среди других идейных противников Городецкий назвал также школу Брюсова, к которой отнес Гумилева. У поэтов этой школы, по словам Городецкого, “содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямбам” (Против течения. 1910. № 5. 12 нояб.). Однако затем началось сближение, которое привело к возникновению “Цеха поэтов” и совместно антисимволистскому выступлению Гумилева, С. Городецкого и Д. Кузьмина-Караваева на заседании Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г.

⁴ Первое собрание “Цеха поэтов” состоялось 20 октября 1911 г. Как писал позднее В. Пяст: «Цех поэтов был довольно любопытным литературным объединением, в котором не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе. В него были введены несколько чуждый литературным обществам и традициям порядок “управления”. Не то, чтобы было “правление”, ведающее хозяйственными и организационными вопросами; но и не то, чтобы были “учителя-академики” и безгласная масса вокруг. В Цехе были “синдики”, – в задачу которых входило направление членов Цеха в области их творчества; к членам же предъявлялись требования известной “активности”; кроме того, к поэзии с самого начала взят подход, как к ремеслу» (Пяст В. Встречи. С. 208).

⁵ Поэты-акмеисты, стремясь к “прекрасной ясности”, опирались в своих теоретических построениях не на теургические идеи Вяч. Иванова, а на творчество Иннокентия Анненского. Выступая на заседании “Поэтической академии” 3 декабря 1911 г., О.Э. Мандельштам говорил об Анненском как о поэте “отливов дионисийского чувства” (см. отчет В. Чудовского о вышеупомянутом заседании в “Русской художественной летописи” – СПб., 1911. № 20. С. 231).

⁶ С 1913 г. “Аполлон” становится органом акмеизма. В первом номере были опубликованы статьи-манифесты – “Некоторые течения в современной русской поэзии” Городецкого и “Наследие символизма и акмеизм” Гумилева, провозгласившие рождение новой поэтической школы. 27 января 1913 г. Городецкий писал Л.Я. Гуревич: «Стихи принесу в скором времени и статью об акмеизме тоже. На днях выходит “Аполлон”, и в нем моя и Гумилева статьи на эту тему. Я был бы Вам благодарен, если б Вы поручили кому-нибудь дать заметку об этом номере. Для “Аполлона” это важная грань, – что он стал органом акмеизма» (ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 410).

73 ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 22 мая 1912 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я уже вернулся и получил Ваше письмо. Для меня было большой радостью узнать, что мои итальянские стихи Вам понравились¹. Что же касается Ваших сомнений, то у меня были те же самые, так что я охотно пойду на исправленья. Вот как у меня было в первой редакции (если это Вас удовлетворит, оставьте).

Конец “Пизы”:

Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Распростерся с тоской всегдашней
Над кривою пизанской башней.

Вместо “распростерся” можно поставить “изогнулся” или “наклонился”, у меня нет предпочтений². В “Риме” было вместо “царство иное” – “царство покоя”, вместо “он крепок лишь следом длинных” – “он крепок следом призывных”³, период двух строк был яснее (смысл новых тактов: что значит вся эта мишура, твой город тот же дикий и вечный, благодаря своему божественно-звериному происхождению), но я посылаю его Вам заново переписанным.

А на неверные рифмы меня подбили стихи Блока. Очень они заманчиво звучат. Может быть, Вы пришлете стихов для второго альманаха “Аполлона”⁴. Литературный Петербург очень интересуется теперь возможность новых группировок, и по моей заметке, а также отчасти по заметке Городецкого в “Речи”, Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам⁵. Я надеюсь, что альманах “Аполлона” окажется в значительной степени под влиянием этих веяний.

В конце этой недели я еду в деревню, и мой адрес таков: Москово-Виндаво-Рыбинская жд., полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне. Еще одно слово: не могли бы я получать в “Русской мысли” пятьдесят копеек за строчку стихов, как я получаю теперь везде. Если нет, пусть останется по-старому.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

РИМ⁶

Волчица с пастью кровавой
На белом, белом столбе,
Тебе, увенчанной славой,
По праву привет тебе!

С тобой младенцы, два брата,
К сосцам стремятся припасть,
Они не люди – волчата,
У них звериная масть.

Не правда ль, ты их любила,
Как маленьких, встарь, когда,
Рыча от бранного пыла,
Сжигали они города?

Когда же в царство иное
Они умчались, как вздох,
Ты, долго и страшно вой,
Могилу рыла для трех.

Волчица, твой город тот же
У той же быстрой реки,
Что мрамор высоких лоджий,
Колонн его завитки,

И взор мадонн вдохновенный,
И храм Святого Петра,
И все, что нежно и тленно,
Родилось только вчера!

Он будет, вечный и дикий,
Стоять на семи холмах,
Покуда звездные лики
Над ним горят в небесах.

И, город Цезарей дивных,
Святых и великих пап,
Он крепок лишь следом длинных
Косматых, звериных лап.

Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 72, прим. 2.

² Брюсов выбрал из предложенных вариантов – “изогнулся”.

³ При публикации стихотворения “Рим” в “Русской мысли” (1912, № 7) Брюсовым были восстановлены первоначальные варианты.

⁴ См. п. 70, прим. 3.

⁵ Рассчитывая привлечь Брюсова на сторону акмеизма, С. Городецкий так оценивал брюсовский сборник “Зеркало теней”: «Его стих был менее музыкален, чем у Бальмонта, менее лиричен, чем у Блока, менее глубок, чем у Вяч. Иванова, но он был прост, когда ничей стих не был прост, он был умерен, когда все кругом было стихийно, он был холоден и спокоен, когда кругом горячились. И вот, как дар за эту рыцарскую верность своим заветам, поэзия над стихом его совершила чудо: “Зеркало теней” волнует, увлекает, очаровывает...» (Речь. 1912. № 89, 2 апр.). В рецензии на этот же сборник Гумилев отмечает в нем акмеистические ноты. См. п. 67, прим. 3.

⁶ Как видно из пп. 74 и 75, к настоящему письму были приложены тексты “Рима” и “Пизы”, из которых сохранился только первый. Оба стихотворения вошли в сборник “Колчан”.

74. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Ст. Подобино. 4 июня 1912 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

как видите по штемпелю, я уже в деревне. Оказывается, случилось неприятное для “Цеха Поэтов” приключение. “Скифские Черепки”¹ были посланы в редакцию “Русской Мысли”, но, судя по Вашему письму к Городецкому², до Вас они не дошли. К тому же, еще кто-то что-то напутал, и до сих пор они не были высланы Вам вторично. К счастью, муж поэтессы, мой приятель и дальний родственник³, живет в шести верстах от меня. От него я достал один экземпляр “Скифских Черепков” и со всею поспешностью отправляю его Вам. Он был надписан, и поэтому пришлось вырвать первый лист. Мне, как синдику Цеха, очень дорого, чтобы Вы писали о его изданиях⁴, и, кроме того, я очень дружески настроен к автору “Ск(ифских) Ч(ерепков)”⁵.

Недели полторы тому назад я послал Вам измененья в “Риме” и “Пизе”. Очень интересно, удовлетворили ли они Вас?

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

¹ “Скифские черепки” (СПб., 1912; обложка работы С. Городецкого) – первый сборник стихотворений Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (рожд. Пилленко; 1891–1945), вышедший в издании “Цеха поэтов”. О судьбе Кузьминой-Караваевой (в будущем “монахини Марии”, героини французского движения Сопротивления) см. вступительную статью Д.Е. Максимова к “Воспоминаниям о Блоке Е.Ю. Кузьминой-Караваевой” – Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 257–264.

² Письмо Брюсова к Городецкому неизвестно.

³ Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев (1886–1959) – юрист и общественный деятель, был третьим синдиком “Цеха поэтов” (хотя сам стихов не писал). Приходился дальним родственником Гумилеву по материнской линии. См. о нем: *ЛН*. Т. 92, кн. 2. С. 37–38; кн. 3. С. 93; *Рус. лит.* 1981. № 4. С. 162. Кузьмины-Караваевы жили в усадьбе Борисово по соседству со Слепневым (см.: *Богат Е.* Разгадка ДДБ // *Лит. газ.* 1984. 25 апр. № 17).

⁴ В библиотеке Брюсова этот экземпляр не сохранился. Уцелели “Скифские черепки”, принадлежавшие самому адресанту. На титульном листе Е.Ю. Кузьмина-Караваева написала: “Укротителю зверей – Николаю Степановичу Гумилеву автор”. (*ИРЛИ*. Бр. 404/4).

⁵ В обзоре “Сегодняшний день русской поэзии” Брюсов отрецензировал выпущенные “Цехом поэтов” сборники стихотворений А. Ахматовой, М. Зенкевича, В. Нарбута и Е. Кузьминой-Караваевой. Отмечая, что «вообще в изданиях “Цеха поэтов” плохих стихов мы не встречаем», Брюсов сравнительно сдержанно оценил “Скифские черепки”: «Умело и красиво сделаны интересно задуманные “Скифские черепки” г-жи Кузьминой-Караваевой. Сочетание воспоминаний о “предсуществовании” в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту. Однако по немногим образцам поэзии начинающего автора еще трудно судить, предстоит ли ей широкое развитие в будущем» (*РМ*. 1912. № 7. С. 17). Гораздо более суровыми были высказывания об этом сборнике Н. Львовой (Холод утра // *Альманах “Жатва”*. М., 1914. Кн. 5), Г. Чулкова (Утро России. 1912, № 87. 14 апр.), А. Блока (VIII, 430–431), С. Городецкого (Женское рукоделие // *Речь*. 1912. № 117. 30 апр.). Более сдержанная рецензия в “Гиперборее” принадлежала, по-видимому, также С. Городецкому: «Доисторическая женственность имеет в себе многое, что должно пройти сквозь строй культур и остаться навсегда живым. Но еще не удовлетворяющее художественное воплощение этой силы дают “Скифские черепки”, а только зерна. Тоска “курганной царицы” часто слишком туманна и бесплотна. Полное отсутствие умения искупается подлинным темпераментом и мгновенными, слепыми, но вещными озарениями» (Гиперборей. 1912. № 2. С. 28). Н. Бернер отменил влияние экзотики Гумилева на поэтессу (Путь. 1912. № 8. С. 71). Гумилев в своей оценке “Скифских черепков” был несколько доброжелательнее других критиков: “Е. Кузьмина-Караваева принадлежит к числу поэтов-однодумов. Ее задача – создать скифский эпос, но еще слишком много юношеского лиризма в ее душе, слишком мало глазомера и решительности определившегося и потому смелого таланта. Игра метафорами, иногда не только словесными, догматизм утверждений туманно-мистического свойства и наивно-иррациональные позы – все это плохая помощь при создании эпоса. От него остались только черепки, но, к чести поэта, черепки подлинно скифские... Я думаю, что эти черепки имеют много шансов слиться в цельный сосуд, хранящий драгоценное миро поэзии, но вряд ли это случится скоро...” (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 101).

Автор “Скифских черепков” рассказывает о своих встречах с Гумилевым в очерке “Последние римляне”: “... вспоминается, как Гумилев убеждал молодого художника рисовать ковры, на которых были бы бабочки, птицы, цветы и пальмы, еще обезьянки, жирафы, – все, имеющее цвет, форму, неизменное, вещи. Вопрос не в творчестве новых вещей, а в комбинации уже сотворенного. Будто ясным ему было, что все элементы, которые можно комбинировать, уже созданы и не стоит тратить силы на поиски новых – это неосуществимо, – найти новое. Хорошо то, что уже устоялось, что будет красочной деталью целого. (...) единственным достойным делом на земле он считал быть поэтом. Остальное все принадлежит к умирающей современности, остальное все временно, и сроки ему поставлены краткие, – поэт же один говорит для грядущего, поэту одному дано избавить современный мир от смерти и вынести осколки его в будущую жизнь. В комнате его пахло странно, – он говорил, что носорожьим жиром, которым натерты абиссинские картины, – на диванах лежали леопардовые шкуры, на стенах висели доспехи и браслеты из Африки” (Воля России. 1924. № 18–19. С. 116–118).

75. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Ст. Подобино. 20 июня 1912 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

около месяца тому назад я послал Вам исправленными “Пизу” и “Рим”¹. И не получая до сих пор ответа, я очень беспокоюсь, дошло ли до Вас это письмо с исправлениями. Если нет, не откажите написать мне открытку, я вышлю их вновь. Я уже в деревне, и мой адрес таков: Москово-Виндаво-Рыбинская жд., полустанок Подобино, усадьба Слепнево, мне.

Искренне Ваш Н. Г у м и л е в.

¹ См. п. 73.

76. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 17 октября 1912 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

мне передавали, что Вы уже несколько раз были в Петербурге и скоро приедете опять¹. Я очень жалею, что не знал об этом и не мог повидаться с Вами, что мне не только очень хотелось бы, но и было нужно. Может быть, Вы не откажете написать мне или позвонить по телефону (Царс. Село, 555), где и когда я могу Вас застать. Если же у Вас выпадет свободный вечер, Вы меня крайне обрадуете, приехав ко мне пообедать². Только, если возможно, известите меня об этом накануне, чтобы я наверно был дома. От 5 до 6 часов есть несколько поездов.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

Царское Село, Малая ул. 63
(собств. д. против гимназии).

¹ В 1912 г. Брюсов несколько раз приезжал в Петербург по делам “Русской мысли” и вскоре после письма Гумилева снова приехал в столицу (27 октября 1912 г.) для переговоров с издательством “Сирин” об издании своего Полного собрания сочинений.

² Встреча, предлагаемая Гумилевым, не состоялась, так как, судя по отметкам на конверте, Брюсов не успел получить это письмо в конторе “Русской мысли” на Ньюстадской улице, и оно было переслано ему в Москву. См. также письмо Брюсова к А.А. Ахматовой (п. 68, прим. 7).

77. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Царское Село. 28 марта 1913 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я с громадным интересом прочел Вашу статью о футуристах¹, хотя соглашался не со всем. Ваш анализ их “открытий” подлинно блестящ. Дай Бог, чтобы они его усвоили. Но я не хочу писать об этом, потому что в № 4 “Аполлона” появится моя статья, где я отчасти коснусь той же темы².

В конце Вашей статьи Вы обещаете другую, об акмеизме³. Я хочу Вас просить со всей трогательностью, на которую я способен, прислать мне корректуру этой статьи до 7 апреля. В этот день я уезжаю на четыре месяца по поручению Академии Наук в Африку, в почти неизведанную страну Галла⁴, что на востоке от озера Родольфо⁵. Письма ко мне доходить не могут. И Вы поймете все мое нетерпение узнать Ваше мнение, мнение учителя, о движении, которое мне так дорого. Я буду обдумывать его в пустыне, там гораздо удобнее это делать, чем здесь.

Всем, пишущим об акмеизме, необходимо знать, что “Цех поэтов” стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов акмеистов всего шесть⁶), что “Гиперборей” – журнал совершенно независимый и от “Цеха” и от кружка “Акме”⁷, что поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 “Аполлона”, который выйдет на этой неделе⁸.

Мой адрес: Царское Село, Малая, соб. д.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в.

¹ Имеется в виду статья Брюсова “Новые течения в русской поэзии. Футуристы”, в которой утверждалось, что “наш футуризм, являющийся отражением футуризма западного, проявлял пока свою оригинальность почти исключительно в области словесного изложения. Впрочем, такой вывод ни в коем случае не есть “смертный приговор” новой школе. Напротив, мы потому и посвятили футуристам так много внимания, что все же, несмотря на все явные недостатки их теорий и их поэзии, какая-то “правда”, какие-то возможности развития в их попытках чувствуются” (РМ. 1913. № 3. С. 132).

² В манифесте акмеизма – статье “Наследие символизма и акмеизм” Гумилев писал о том, что “символизм закончил свой круг развития” и симптомом этого является “то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом”. К этим словам была сделана сноска: «Пусть не подумает читатель, что этой фразой я ставлю крест над всеми крайними устремлениями современного искусства. В одной из ближайших книжек “Аполлона” их разбор и оценке будет посвящена особая статья» (“Аполлон”. 1913. № 1. С. 42). Но в “Аполлоне” статьи Гумилева о футуризме не появилось. В “Гиперборее” (1913, № 5.

С. 29) была опубликована его рецензия (подписанная “Н.Г.”) на сборник футуристических рисунков и стихов “Садок судей” (СПб.: Журавль, 1913), в которой отмечалась революционность футуризма в области слова и стремление вернуть слову “ту крепость и свежесть, которая утеряна им от долгого употребления”. В мае 1913 г. Гумилев писал Ахматовой из Джибути: “На пароходе попробовал однажды писать в стиле Гилеи, но не смог. Это подняло мое уважение к ней” (Slavonic and East European Review. L. 1972. V. 50. № 118. P. 103).

³В конце своей статьи о футуристах Брюсов писал: «... придется футуристам поучиться многому у своих прямых предшественников – символистов – и неизбежно принять самую идею “символа”, как отныне неустрашимую ни из какой эстетики. Но об этом нам будет надо говорить подробнее, разбирая взгляды и суждения “акмеистов”» (PM. 1913. № 3. С. 133). Статья Брюсова “Новые течения в русской поэзии. Акмеизм” вышла в “Русской мысли” (1913, № 4) и, вероятно, послужила причиной прекращения переписки. Знаменательно, что с апреля 1913 г. прерывается также и переписка Брюсова с С. Городецким (см.: Чтения 1973. С. 270).

⁴Галла или галласы – народ, живущий на юге Эфиопии.

⁵Озеро Родольфо, находящееся в Кении, обычно называют озером Рудольф. По рекомендации академика В.В. Радлова Гумилев совершил экспедицию в Африку для пополнения коллекций Петербургского музея антропологии и этнографии. Пройдя по маршруту Джибути – Дыре-Дауа – Харрар – Шеих Гуссейн – Гинир, экспедиция вернулась через полгода с ценнейшими экспонатами (см. заметку А. Ахматовой “Гумилев в Африке” – Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 418–419, а также: Путеводитель по музею антропологии и этнографии им. имп. Петра Великого. Этаж II. Зал 3. Африка / Сост. Я.В. Чекановский. Пг., 1918. С. 29–30).

⁶Поэтами-акмеистами считались: Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова, М.А. Зенкевич и В.И. Нарбут. Говоря об остальных членах Цеха, Гумилев имеет в виду предположительно следующих поэтов: Н.А. Бруни, Н.Д. Бурлюка, Б.А. Верхоустинского, В.Л. Гарднера, С. Гедройца (В.И. Гедройц), Вл.В. Гиппиуса, Вас.В. Гиппиуса, Грааль Арельского (С.С. Петрова), Г.В. Иванова, Н.А. Клюева, В.А. Комаровского, М.А. Кузмина, Е.Ю. Кузьмину-Караваеву, В.В. Курдюмова, М.Л. Лозинского, Н.В. Макридина, М.Л. Мораскую, Д.М. Цензора, В.С. Чернявского, В.А. Юнгера.

⁷Десять выпусков ежемесячника стихов и критики “Гиперборей”, редактором-издателем которого был М.Л. Лозинский, вышли с октября 1912 по март 1914 г. О возникновении журнала см.: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 402. В первом номере в заметке “От редакции” провозглашалось: “Ни одному из борющихся последнее время на поэтической арене методов – будь то импрессионизм или символизм, лиро-магизм или парнасизм – не отдавая предпочтения особливому, “Гиперборей” видит прежде всего насущную необходимость в закреплении и продолжении всех основных побед эпохи, известной под именем декадентства или модернизма”. А в пятом номере журнала (за февраль 1913 г., с. 26 – вышел в конце марта) сообщалось: «В опровержение появившихся в печати неверных сведений, редакция считает необходимым заявить, что “Гиперборей” не является ни органом “Цеха Поэтов”, ни журналом поэтов-акмеистов». Уже после отъезда Гумилева в “Цехе поэтов” возник проект “символистского” номера “Гиперборей”. 19 апреля 1913 г. Городецкий писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, № 8 ежемесячника стихов “Гиперборей” предполагается посвятить символистам. (Журнал этот внепартийен). Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если б Вы прислали нам что-либо из своих стихотворений для этого номера. Жду ответа. Ваш С. Городецкий» (ГБЛ. Ф. 386, 71.3. Л. 30). Об этом нереализовавшемся проекте см.: ЛН. Т. 92, кн. 3. С. 418. Кроме того, акмеисты объявили о создании издательства “Акме”, в котором планировалось выпустить “Итальянские стихи” Гумилева, “Вереницу восьмистиший” Городецкого и книгу О. Мандельштама (Русская молва. 1913. № 80. 2 марта; День. 1913. № 119. 6 мая). Под этой маркой вышел только “Камень” Мандельштама (1913).

⁸В указанном номере были помещены стихотворения всех шести акмеистов, и в том числе “Пятистопные ямбы” самого Гумилева.

78. ГУМИЛЕВ – БРЮСОВУ

(Октябрь 1920 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич,

я крайне рад случаю опять (как встарь) написать Вам и очень сожалею, что письмо выйдет такое короткое и пустое. Но, впрочем, Вы теперь так заняты, что у Вас, наверное, не хватило бы ни времени, ни охоты читать иное. Помня Вашу всегдашнюю доброту ко мне, я осмеливаюсь рекомендовать Вам двух моих приятелей – Николая Авдеевича Оцупа¹ и Михаила Леонидовича Слонимского², молодых писателей, которые принадлежат к петербургской группе, затеявшей новое идейное издательство на основе миролюбивого и развивающегося акмеизма³. Вы ведь как мой литературный восприимчивник являетесь дедом этого течения. Насколько мог, я следил за Вашими работами, радовался многим стихам из “Опытов”⁴, штудировал “Науку о стихе”⁵.

Искренне преданный Вам Н. Г у м и л е в⁶.

Н.С. ГУМИЛЕВ

Силуэт Е.С. Кругликовой. Линогравюра. 1910-е годы

своеобразного лица не видел в Царском Селе ни тогда, ни после. Сильно удлинённая, как будто вытянутая вверх голова, косые глаза, тяжёлые медлительные движения и ко всему очень трудный выговор, — как не запомнить!» (*Оцуп Н. Современники*. С. 23–24). В своем творчестве Оцуп испытал сильное влияние Гумилева. См. об этом, например: *Нельдихен С.* Град // *Вестник театра и искусства*. 1922. № 17. С. 3; *Альмодиен Г.* Книга и революция. 1923. № 11–12. С. 61. В рецензии на альманах «Орион» Гумилев так отзывался об Оцупе: «Стихи Николая Оцупа являют пеструю смесь действительно удачных строк и стрóf с общими местами и, что еще грустнее, со стихами явно сделанными. У него сильный голос, только он не часто попадает в тон. Хорошо, что он ищет себя в больших заданиях и ритмических и композиционных. У него намечается зоркий глаз и чуткое ухо, а также умение возвышаться над подробностями, выдерживая общий рисунок» (*Жизнь искусства*. 1918. № 4. 1 нояб.).

²Михаил Леонидович *Слонимский* (1897–1972) — прозаик, член группы «Серapiоновы братья», с 1919 г. работал вместе с Гумилевым в издательстве «Всемирная литература». В кратких воспоминаниях, написанных 27 августа 1966 г., Слонимский рассказывает о знакомстве с Гумилевым: «Впервые я увидел Н.С. Гумилева на одном из литературных вечеров в 1916 г. Гумилев был в военной форме, с Георгиевским крестом, читал стихи. После 1917 г. я познакомился с ним более близко в Доме искусств, где я тогда жил» (Собр. А.К. Станюковича. Москва).

³Не исключено, что речь идет об издательстве «Цех поэтов», выпустившем вскоре свой первый альманах «Дракон» (Пб., 1921). В мае 1920 г. в «Доме искусств» Оцуп читал доклад «Перелом в современной поэзии», в котором говорил о необходимости «по-своему» продолжить линию акмеизма, «вечно юную и обновляющуюся» (*Жизнь искусства*. 1920. № 463. 28 мая).

⁴Книга Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» издана в июне 1918 г. (М.: Геликон).

⁵«Наука о стихе» выпущена издательством «Альциона» в 1919 г. Особый интерес Гумилева к книге Брюсова обусловлен был тем, что с лета 1919 г. он руководил Литературной студией (см. статью Н.К. Чуковского «Что я помню о Блоке» — *Новый мир*. 1967. № 2. С. 231), а с ноября 1918 — до конца 1920 г. читал лекции в Институте живого слова по теории поэзии. Программу этого курса (а также его курса лекций по истории поэзии), см. в кн.: *Записки Института живого слова*. Пб., 1919. Т. 1. С. 76, 86.

⁶На рекомендательной записке Гумилева Брюсов записал адреса: «Серпуховская 7, кв. 5. Ник. Авд. Оцуп. Невский 64, изд. Гржебина. Мих. Леонид. Слонимский».

Записка датируется по воспоминаниям Н. Оцупа: «Я приехал в Москву совместно с беллетристом С. за отсрочкой по воинской повинности. Издательство «Всемирная литература» снабдило меня и С. рекомендательным письмом Горького к Луначарскому» (*Оцуп Н. Современники*. Париж, 1961. С. 64). Далее рассказывается о том, как во время пребывания в Москве он присутствовал на «Суде над имажинистами», где прокурором выступал В. Брюсов. Суд над имажинистами состоялся 4 ноября 1920 г. в Большом зале консерватории (см.: *Грузинов И.* *Есенин* разговаривает о литературе и искусстве. М., 1926. С. 7).

¹Николай Авдеевич *Оцуп* (1894–1959?) — поэт-акмеист. Оцуп так описывает первую встречу с Гумилевым: «Когда меня в начале 1918 г. привели познакомиться с Н.С. Гумилевым, я сразу вспомнил, что уже где-то видел и слышал его. Где же? Сначала вспоминается мне «Привал комедиантов» в конце 1915 или в начале 1916 г. Вольноопределяющийся с георгиевским крестом читает свои стихи... я вспоминаю этот вечер, сидя за чаем у Гумилева в комнате, по стенам которой развешаны персидские миниатюры, шкура пантеры и длинное арабское ружье.

Гумилев рассказывает, как он убил пантеру, а мне мучительно хочется припомнить, где же еще раньше, гораздо раньше, чем в «Привале», я видел эти странные косые глаза и слышал эту медленную важную речь.

И вдруг совершенно ясно вспоминаю царско-сельский пейзаж, кажется, площадь у ворот «любезным моим сослуживцам» и гимназиста Гумилева.

Он так же важно и медлительно, как теперь, говорит что-то моему старшему брату Михаилу. Брат и Гумилев были не то в одном классе, не то Гумилев был классом младше. Я моложе брата на 10 лет, значит, мне было тогда лет 6, а Гумилеву лет 15. И все же я Гумилева отлично запомнил, потому что более